

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

ВЫСОТА СМЕРТНИКОВ

РОМАН

“...и кажется, что мы, над обыденным поднятые, живём в надземности, в вечности. И поставлены как бы перед лицом Судьбы”.

И. С. Шмелёв. Из писем периода Второй мировой войны.

Глава первая

В какой-то момент Воронцов почувствовал, что немец конвоир смотрит ему в спину. Словно примеривается. Видимо, немца раздражал его высокий рост и необычная курсантская шинель, похожая на комсоставскую.

Сразу за станцией двое пленных из команды, пригнанной на днях откуда-то с северного участка фронта, присели на обочине. Позже из разговоров шедших рядом Воронцов узнал, что это были вяземские. Наголодавшиеся в окружении, а потом в лесах, они ели что попало. Ночью, когда колонну загнали в какой-то пустой скотный двор, они нашли несколько старых свёк-

МИХЕЕНКОВ Сергей Егорович родился в 1955 г. в деревне Воронцово Куйбышевского района Калужской области. Служил в армии на Чукотке. Окончил филологический факультет Калужского государственного педагогического института им. К. Э. Циолковского и Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Работал журналистом, учителем, научным сотрудником краеведческого музея, занимался издательской деятельностью. Автор пятнадцати книг прозы. Повести и рассказы публиковались в журналах “Наш современник”, “Молодая гвардия”, “Юность”, “Ясная поляна”, “Воин России”. Лауреат премий им. Н. А. Островского и А. Хомякова. Живёт в г. Тарусе на Оке.

* Журнальный вариант.

лиц и тут же принялись их грызть. Утром у них открылся понос. Конвоир подошёл к присевшим на обочине, сказал коротко:

— Steht!

Подождал с полминуты, чтобы стало очевидным, что команда не выполнена, и, примерившись, как примериваются ножом, когда колот поросёнка, всадил штык в спину одному из пленных. Тот раскинул руки и завалился набок. Немец брезгливо оскалился, выдернул штык и тщательно вытер его о шинель убитого. Заколотый штыком пленный лежал ничком, в последнем судорожном движении подобрал к животу колени, как усталый путник, так и не одолевший остаток своего пути. Пыльная, с прожогами, шинель коробом поднялась на тощей сгорбленной спине. И конвоир всё время, пока считал со штыка бурую слезь, совсем не походяю на кровь, что-то зло бормотал, не поднимая глаз ни на пленных, ни на своих товарищей. Колонна медленно и молча проходила мимо.

Пленные косились на убитого, на спущенные его штаны и раскинутые в пыли чёрные руки. Никто не осмеливался поднять глаза выше и посмотреть на немца, который всё ещё возился со своим испачканным штыком. Воронцов посмотрел на лежавшего в дорожной пыли, немного замедлил шаг, так что на него сади напёрли и толкнули в спину, а что-то бормоча со злой насадой. Но он успел мельком взглянуть и на немца. Лицо немца выглядело каменным, непроницаемым, а глаза не выражали ничего.

И вот теперь он всё время шёл неподалёку. Воронцов чувствовал, как немец смотрит ему в спину.

Надо искать напарника...

Рядом плёлся, охая и что-то шепча, пожилой пехотинец в лямбейной гимнастёрке и разорванных штанах, через которые были видны худые бледные жилистые ноги, искусанные комарами.

— Берите всё, — бормотал он, повторяя свою фразу через каждые две-три минуты. — Мне уже ничего не надо... Всё забирайте... Берите всё...

С этим не побежишь.

Другой, молодой артиллерист с бледным, онемевшим лицом в грязных потёках пота, скрёб по дороге рыжими опорками, время от времени поправляя штаны, подвязанные куском телефонного провода. В глазах его всё же просвечивало что-то живое, осмысленное. И Воронцов вскоре шепнул ему:

— Откуда?

— Из-под Вязьмы. — И артиллерист ответил настороженным взглядом. Этот ещё живой, с этим можно разговаривать.

— Там... Вашего?

— Нашего. — И снова вскинул глаза, в них стыла неподвижная, как камень, настороженность. — А тебе что надо?

— Того же, чего и тебе. Потом потолкуем. Если интересуешься.

На привале раздавали баланду. Артиллерист выхлебал, вылизал языком свою миску и подошёл к Воронцову:

— Ну? Интересуюсь.

— Скоро леса кончатся, — сказал Воронцов и посмотрел за болотину, заросшую тусклой, будто обгорелой на солнце зеленою. — Там не побежишь.

— А, вон ты что... Ну, я тебе не компания. Лично мне воевать надоело. Я в плен сам пошёл. Своей волей. Понятно тебе? Так что иди ты к...

Артиллерист ушёл. Осталась горечь, которая напомнила о сяднящем затылке и о болях в боку. Вот тебе и поискал напарника. И хорошо ещё, если не сдаст конвою. Он уже знал, что добровольно в плен шли две категории людей: одни — уставшие воевать, с надеждой, что завтра-послезавтра их распустият по домам; другие же шли служить новой власти. Моли Бога, Воронцов, чтобы артиллерист оказался из первых, подумал он и попытался осторожно отыскать в толпе сгрудившихся сутулых потных спин и пыльных пилотов артиллериста. Но тот словно сквозь землю провалился.

Отдых оказался коротким. Их снова подняли и погнали дальше. Впереди был Рославль. Значит, гонят в рославльский концлагерь.

Воронцов оглянулся: немец, заколовший вяземского, по-прежнему маячил поблизости.

Однажды им встретилась небольшая колонна беженцев. Несколько телег, запряжённых коровами. Беженцы, видимо, остановились на отдых. Они распрягали коров, чтобы дать им попасть на обочине. Усталые женщины и старухи сидели на траве. Трое ребятшек побежали к дороге и начали совать пленным печёные картофелины. Охрана их не отгоняла. Картофелины быстро кончились, и, когда подошёл Воронцов, мальчики уже стояли с пустыми руками и молча смотрели на проходивших мимо. Воронцов их сразу узнал. И они узнали его. И хотели было кинуться к нему, но поостереглись: подходил конвоир, держа карабин наперевес. Глаза мальчиков сияли такой радостью, что, казалось, дети вот-вот бросятся к Воронцову. Но старший из братьев, стоя впереди, что-то сказал им, и те притихли. А Воронцову махнул рукой и окликнул негромко, чтобы не услышал конвоир:

— Дядя Саша! — И растерянно оглянулся на опушку, где распрягали коров взрослые.

Оттуда, от леса, уже бежала к колонне женщина с ребёнком на руках. Она бежала, оступаясь в промоины и колеи, и время от времени хваталась одной рукой за бредущее мимо угрюмое серое пространство, из которого на неё смотрели измученные человеческие глаза, среди которых она вдруг узнала те, которые ей снились по ночам все эти дни и недели и за которыми она отправилась в этот нелёгкий путь. Но утекающее вместе с пылью пространство, тот молчаливый поток, куда был обращён её взгляд и жест, нельзя было ни остановить, ни даже хотя бы прикоснуться к нему. Он принадлежал охране. И всё-таки она бежала к нему и хватала его, потому что знала: случай, который ей много раз рисовался в воображении несбыточной сказкой, произошёл, что он ещё длится и неизвестно чем кончится, но если не вмешаться, если пустить всё на волю судьбы и покориться ей, то всё и закончится ничем, а значит, плохо. Она вдруг почувствовала свою силу и власть. Нет, не всё может забрать у человека война. Не всё. И она сейчас встанет поперёк обстоятельств, которые огромным железным колесом катились по дороге, не разбирая ничего, ни рытвин, ни ухабов, и, конечно же, могут раздавить любого, кто окажется на пути. Но только не её. Монах Нил однажды сказал ей, что Саша сам найдёт её и окликнет. Он и окликнул. Детей. Бог детей к дороге послал. Чтобы Саша увидел их.

— Саша! Сашенька! Родненький же ты мой! — пронзая пыль и ропот людей, осаживая окрики охраны, внезапно пронёсся над колонной отчаянный, как последний зов, женский крик, который, может, уже в это мгновение спас не одну человеческую жизнь. Кому-то вернул силу, а кому-то достоинство.

Нет, женского крика колонна не слышала никогда. Она слышала ругань и брань конвоиров. Стоны и стенания пленных. Но женского крика, зовущего родного человека по имени... И колонна остановилась. Серый поток, громыхавший стёртыми подошвами солдатских ботинок и сапог, внезапно начал иссякать и, наконец, замер. Все смотрели на бегущую женщину с ребёнком на руках. И всем было страшно оттого, что бежит она слишком отчаянно и вот-вот может упасть и повредить ребёнка. И каждому из них в те мгновения представлялось, что та незнакомая женщина бежит к нему, что никакая она не незнакомая, а самая родная и близкая — жена, сестра, невеста, дочь. Но только к одному она бежала. К кому же? К кому она бежит? Кого из них окликнула судьба?

— Зна! Зиночка! — откликнулся замерший серый поток отчаянным голосом одного из них.

К Воронцову подошёл конвоир, тот самый, коренастый, шедший всё время позади, неподалёку. Неужели это и есть та ошибка, которую всё же сделал Воронцов, дав немцу повод расквитаться с ним. За тот взгляд на дороге. За то, что он, пленный, не человек, а дорожная пыль, увидел растерянность в глазах человека, ту мимолётную человеческую растерянность, которая свидетельствовала о том, что он только что совершил убийство пленного, поступок, считавшийся позором для любого солдата любой армии. И что же, спрашивал он себя, всё произойдёт здесь? Сейчас? На глазах у тех, кого он так любил и любит и по ком так сильно скучал? Зачем это нужно судьбе? За-

чем? Немец приближался, не сводя с Воронцова глаз. Что ж, пускай всё произойдёт именно так и теперь. Хотя бы будет кому похоронить тело. А где Пелагея? Она, должно быть, тоже здесь. Он сделал шаг вперёд, готовый принять удар штыка. Увидеть бы её, Пелагею. Нет, уже не успею. Но хотя бы голос её услышать. В последнее мгновение. Где ты, Пелагея? Почему не окликнешь меня? Так и прощаемся. Хотя бы так. Но немец закинул карабин за спину и спросил Воронцова, одновременно останавливая жестом руки бег Зинаиды:

— Wer ist diese Frau?

Он спрашивает, кто она ему. Кто она ему? Кто? Как кто? Она ему самый близкий человек. Сестра. Жена. Да, да, жена. Роднее жены и сестры нет никого на свете. Разве что мать. Но мать бывает только одна.

— Wer ist diese Frau? — повторил вопрос немец.

— Es ist meine Frau, herr Soldat. Meine liebe Frau. — И он посмотрел конвоиру в глаза.

Немец улыбался. Это была улыбка усталого человека, тоже измученного обстоятельствами. Никакого подвоха ни в его улыбке, ни в глазах не таилось. Перед Воронцовым стоял человек. Не конвоир, несколько часов назад заколовший штыком беспомощного большого человека, пленного, не жестокая машина для убиения себе подобных и истребления в живых последних человеческих черт, а — человек.

— О! — покачал тот головой и, махнув рукой колонне, чтобы та продолжала свой путь. Немец ухватил Воронцова за рукав и повёл к начальнику конвоя.

Зинаида в это время подбежала, остановилась и, глядя то на Воронцова, то на конвоиров, медленно опустилась на колени и положила свёрток с ребёнком на дорогу, в пыль, к ногам того, кого вдруг узнало её сердце среди сотен других, похожих друг на друга, но чужих.

Конвоир что-то говорил своему начальнику. Наконец тот поднял руку, закинул автомат за спину, сказал:

— Gut.

Немец присел на корточки и пальцем подозвал к себе младшего из Пелагиных сыновей, Колюшку. Тот подошёл, оглянулся на Зинаиду.

— Не бойся, мальчик, — сказал немец по-русски. — Скажи, кто это? — и указал пальцем на Воронцова.

— Это наш папка. — И мальчик припал к ноге Воронцова, крепко обхватил своими цепкими ручонками.

— Gut, — устало сказал немец и что-то дальше говорил конвоиру тем же усталым голосом.

Тот кивнул и побежал в голову колонны. Он даже не оглянулся.

Колонна двигалась дальше, уходя на запад и унося за собой стоны, вздохи, взгляды и запахи обречённых на страдания людей. Вместе с нею ушли и охранники. А на обочине дороги, среди оседающей пыли, остались стоять те, кому выпала иная судьба.

Он смотрел в её радостные глаза, пытался прочитывать, что в них, но ничего, кроме радости и счастья, не мог разглядеть.

— Я знала, что тебя найду. — Она так и светилась вся, какими-то едва уловимыми движениями и интонациями голоса напоминая Пелагею. — И ребята все, в один голос: пойдёмте, тётя Зина, дядю Сашу искать, да и всё тут. Дядя Ваня и тётка Васса отговаривали, мол, пропадёшь и детей погубишь. А Нил сказал: иди.

— Нил? Кто такой Нил?

— У нас на озере живёт. Монах. И чем только кормится, непонятно. У нас ничего никогда не брал. Живёт и живёт. Молится, ягоды собирает, травы, какие-то коренья. Найдёт, выкопает, помоем в озере, высушит. Тем и живёт. И всё молится, молится. И у воды, и у могил, и в лодке, и возле дерева. Я не раз видела.

Она рассказала ему о монахе, о его предсказании. Но не сказала всего.

До озера было километров тридцать. До Подлесного, родного села Воронцова, километров восемнадцать-двадцать. Но хутор находился в одной

стороне, а родина Воронцова в другой. На хуторе — тихо, нет ни немцев, ни полицаяв. В Подлесном — неизвестно кто и что. А в Прудках снова немцы. Как это могло произойти? Видимо, наши не удержали эту местность и отступили на несколько километров.

Воронцов сделал несколько глотков и передал кружку Зинаиде.

— Что ты? Невкусно?

— Пей сперва ты. Я — потом.

— Да что ты, что ты! Думаешь, мне не достанется? Пей, пей. Я и ещё волью. Поправляйся.

Вечером, когда нашли в лесу полянку для ночлега и развели костёр от комарья, Зинаида вскипятила в котелке воды, откуда-то достала чистые тряпки, кусок марли и принялась промывать раны Воронцова. Он не чувствовал боли. Он чувствовал прикосновения бережных, осторожных пальцев Зинаиды и вскоре, то ли от усталости, то ли оттого, что всё осталось позади, то ли от этих заботливых прикосновений, задремал. Голова его поклонилась, поплыла в сторону, как тяжёлая коряга по воде, и вскоре легла на колени Зинаиды.

Вначале он действительно спал сутками, так что, просыпаясь, путал ночь с днём, а утро с вечером. Но потом совестно стало подходить к столу, и он взялся с Иваном Степанычем поправлять загон для скота. Потом перекрыли крышу на хлевах. Потом обновили пральню. А женщины тем временем занимались огородами, скотом, детьми. Всем работы на хуторе хватало с утра и до того часа, когда солнце, тоже утомлённое, заваливалось за дальние сосны на другой стороне озера, где иногда появлялась и исчезала сторбленная фигурка человека. То был монах Нил. Воронцов уже привык к нему. Всякий раз, приходя на кладбище, он встречал Нила то по дороге туда, то на обратном пути, то на самом кладбище, или на полянке, которая отделяла кладбище от озера.

— А я тебя признал. — Нил махнул в его сторону тяжёлым пальцем. — Евсеев внук. Что ж ты так постарел?

После того случая Воронцов сбрил бороду. И теперь, когда брился, трогал морщины, действительно появившиеся вокруг рта и на лбу. Вот почему немцы поверили, что Зина — его жена. Там, на дороге, он выглядел на все тридцать. Шрамы на скулах и подбородке и рубец на рассечённой губе постепенно затянулись, подсохли, опухоль спала. Зинаида внимательно следила за его ранами, мазала какими-то мазями, которые ей давала Анна Витальевна. Вскоре отвалились и корки, открыв розоватую нежную наготу шрамов. Вначале шрамы чесались, но спустя некоторое время Воронцов о них забыл.

Глава вторая

Август уже заплетал в берёзовые косы золотые ленточки. Воздух стал прозрачнее, а тени на полянах резче и темнее. Захолодели обильные росы по зорям.

В одну из таких зорь Воронцов уходил с хутора в сторону фронта. Не нужно было компаса, чтобы определить направление движения, фронт рокотал, ухал тяжёлой артиллерией, гудел моторами, лязгал железом о железо, вытаптывая и выжигая вокруг себя окрестность за окрестностью. И к нему с обеих сторон по воле штабов и людей с маршальскими и генеральскими лампасами двигались новые и новые маршевые роты и батальоны, на ближайших железнодорожных станциях и полустанках спешно разгружались с платформ новые и уже побывавшие в боях, но основательно отремонтированные танки и бронетранспортёры, выкатывались на позиции орудия, взлетали с аэродромов подскока самолёты с полным комплектом бомб и нанесёнными на карты целями. Противоборствующие колонны сходились на каком-нибудь безымянном поле или на лесной опушке и приступали к своей кровавой работе, стараясь сделать её основательно, чтобы потом заслуженно отметить отличившихся, а убитых и раненых положить на отдых в братские могилы и тыловые госпитали.

— Прощай, Зиночка. — И Воронцов потянул её к себе за руку и почувствовал, как она сразу хлынула к нему всем своим теплом и доверчивой нежностью. — Не знаю, доведётся ли... Улю береги, ребят. Автомат я оставил в сарае, под сеном. Но лучше, если что, сразу — в лес. С Анной Витальевной держитесь вместе. Она женщина хорошая, добрая. Бывалая. Думаю, что мы о ней очень мало знаем. Но человек она хороший. Пока ты с ней, люди Старшины вам никакого зла не сделают. Она и сама к тебе льнёт, ни на шаг не отходит. Вместе держитесь. И Тоню с Настенькой не бросайте. Старики уже старые стали, скоро валиться начнут...

— Молока у неё много. Улюшку подкармливает. Сразу двоих и кладёт на колени, Лёньку к левой груди, а Улю к правой.

Зинаида обхватила его за шею и стала целовать в губы. Он перехватил её за талию и прижал крепче, так что она откинулась назад и засмеялась. Смеялась она тихо, будто боясь, что их могут услышать. Смеялась она так, что спрашивала: ну? что? что дальше?

А что дальше? Дальше — разлука. Уходить надо. Уходя, не остаются. Даже на час. Чтобы не остаться навсегда.

— Где искать нас, знаешь. — И она резко оттолкнула его, высвободилась и принялась поправлять волосы и платок, сбившийся на затылок.

— Знаю.

— И помни, что ты теперь для нас роднее всех родных. Понятно тебе? — Голос её дрожал. Последнюю фразу она почти выкрикнула.

— И вы для меня. Самые родные. И поэтому я вернусь. Обещаю.

Так они и объяснились в любви. Потому что это и были самые дорогие, самые нежные и главные слова. В других нужды не оказалось.

Воронцов зашагал в сторону леса. Сосны чернели непроницаемыми пред-рассветными сумерками. Точно такие же сумерки стояли и в душе Воронцова. Вот с ними-то справиться было труднее. Он смотрел вперёд, высматривал стёжку. Скоро она кончится, и он пойдёт по лесным дебрям. Чем ближе он подходил к соснам, тем гуще становились сумерки. В такую глухую пору кажется, что всё вокруг ещё спит и проснётся не скоро. Он шёл и чувствовал, что та, тепло и запах губ которой ещё пылали на его губах, смотрит ему вслед. Но рано или поздно деревья и темень разлучат их.

В лесу было ещё совсем темно. Но птицы уже перепархивали где-то сверху, под чёрными куполами сосен, и посвистывали, позванивали, торопили сонный рассвет. Ноги сами понесли Воронцова к кладбищу. По знакомой, едва различимой в зарослях черничника тропе он вскоре вышел к березняку. Пелагеин холмик осел и начал зарастать редкой травкой. Воронцов сел на край.

— Ну, здравствуй, Пелагея Петровна. И прощай. Ухожу. Жив буду, детей не брошу. А что ещё сказать тебе, я и не знаю. Слышишь ли ты меня? А, Пелагея? Дочь у нас с тобою растёт. — И он вздохнул тяжким и долгим вздохом.

До полудня он добрался до шоссе. Вышел на просеку, осмотрелся. Редкие грузовики пронеслись то на восток, то на запад, протягивая за собой шлейфы серой известняковой пыли. Фронт отсюда слышался уже совсем близко. И можно было отчётливо различить удары крупнокалиберных снарядов. Они ухали через одинаковые промежутки времени километрах в пятнадцати. Он подождал с полчаса и перешёл шоссе. Углубился на полкилометра, нашёл место поукромнее, надёргал мха, лёг, укрывшись от комаров шинелью. Уснул мгновенно. А проснулся, когда солнце высоким малиновым столбом стояло на закатной стороне неба, просвечивая сквозь ветви деревьев уже неживым и прохладным светом. Он быстро встал, закинул за спину вещмешок, прислушался к дальнему гулу и пошёл, держась всё время на него.

Шёл всю ночь. Утром Воронцов вышел к лесному ручью.

На берегу, на замшелых зелёных камнях лежал убитый. Форма на нём была красноармейская, но сапоги немецкие и немецкая камуфляжная плащ-накидка. Голова убитого наполовину погружена в воду. Никакого оружия при нём не оказалось. Воронцов, давая от приступов тошноты, обшарил его карманы. В карманах — пусто. Ни документов, ничего. Он прошёл несколько шагов навстречу течению, помыл руки и тут увидел в траве фляжку. Фляжка немецкая, стеклянная, в каучуковой оболочке, обшитой материей.

Это была хорошая офицерская фляжка. Она тоже оказалась пустой. Воронцов подобрал её, понюхал и принялся мыть. Он засунул внутрь пучок крапивы и начал старательно драить свою находку. Фляжка ему была нужна. Тщательно оттерев и промыв её с песком, он наполнил её водой и сразу же, чтобы подавить в себе приступ тошноты, сделал несколько глотков. За год своих скитаний по лесам он привык ко многому. То, что в иных обстоятельствах казалось немислимым, отвратительным, здесь, на войне, стало обыденным. На раздутый труп он всё же старался не глядеть...

Вскоре Воронцов обнаружил винтовку. Это была не просто винтовка, а карабин системы “маузер” с отличным, можно сказать, лучшим в мире оптическим прицелом. Таковую он однажды видел у десантников на Извери. Оптический прицел был аккуратно закрыт самодельным чехольчиком, снизу задёнутым тесёмкой. Тут же лежал ремень с подсумками. Воронцов схватил карабин, смахнул со ствола землю, протёр рукавом затвор и аккуратно отвёл его. В глубине патронника блеснул жёлтой латуной патрон. Он потянул затвор ещё немного, и, убедившись в том, что в патроннике не стреляная гильза, а патрон с пулей, толкнул затвор на место.

Воронцов оцупал подсумки. Два оказались пустыми, но в четырёх других плотно лежали обоймы, придавленные клапанами с медными застёжками. Он перекинул ремень с подсумками через голову, болтавшиеся концы пристегнул карабинчиками к ремню.

Через несколько минут Воронцов уже стоял на опушке леса, откуда хорошо виднелся край шоссе, белёсая запылённая насыпь и выкрашенные белой краской, видать, ещё до войны, аккуратные столбики моста. Он лёг на дерево, расчехлил прицел, вскинул винтовку и посмотрел через поле. Двое охранников сидели на корточках возле костерка и подкладывали под гирлянду котелков дрова. В окопе, возле пулемёта маячили ещё две головы в круглых красноармейских касках. Воронцов насчитал пять котелков. Значит, где-то находился и пятый. Выйти к ним? В лучшем случае разоружат и отведут потом в особый отдел. В худшем — полоснут очередью издали. А вот и пятый, разглядел-таки Воронцов ещё одного охранника, сидевшего на ящике под ивовым кустом и пристально смотревшего в бинокль вдоль ложины. Воронцов, увидев наблюдателя, медленно опустил винтовку и такими же медленными движениями стал отползать в глубину березняка.

Куда идти теперь? Дальше? Но куда? Партизанский отряд майора Жабо действовал где-то в лесах возле Выходов. Только там его знали, там его могли принять как своего. Но туда ещё нужно пройти. Карты у него не было. Но карту он помнил. И представлял примерно линию расположения немецкой и своей обороны. Запомнил и то, что его родное Подлесное находится на немецкой стороне. Всё чаще и больше он думал о своей деревне. Что там сейчас? Стоят ли немцы? Или хозяйничают полицейские? А может, квартирует по-прежнему казачья сотня? Или нет уже Подлесного... Что с матерью и сёстрами? Линия фронта, помеченная на карте синим и красным карандашом, проходила в стороне от его села, и это немного успокаивало.

Фронт гудел совсем рядом. По всем просёлкам сновали мотоциклы и грузовики. В основном одиночные. Он посмотрел в прицел: так и есть — немецкие! Мотоциклисты были одеты в плащи и каски. В глубоком тылу на дорогах они обычно ездили в пилотках или в носатых кефи. Теперь стало понятно, почему над лесом несколько раз пролетали и разворачивались косяки “петляковых” и штурмовиков. Немцы начали наступление. Или отходили наши. А значит, линия фронта меняла свою конфигурацию. И авиация прикрывала отход, бомбила немецкие колонны на подходе к передовой, чтобы противник не мог ввести в дело свежие части и развить наступление. Или ночью он, сам того не зная, перешёл линию фронта на каком-то тихом участке.

Вечером Воронцов вышел к переправе через небольшую реку. И в это время на неё налетели “Илы”. Впереди виднелась дорога и понтонный мост, наведённый в два ряда, забитый грузовиками и танками. По краю, держась за шатучие тросы поручней, гуськом перебегала пехота. И когда из-за леса вынырнули три пары штурмовиков, тут же, с обеих сторон моста захлопали

эрликоны. Зенитные установки были хорошо замаскированы, и Воронцов увидел их только тогда, когда они заработали. Иссиня-белые пульсирующие трассы мелкокалиберных снарядов уходили в небо, пытаясь перехватить стремительный полёт самолётов. На втором заходе пара “Илов” изменила траекторию полёта и накинута на ближайшую установку. В одно мгновение площадка, с которой яростно стрелял эрликон, была очень точно накрыта серией снарядов, всё потонуло в разрывах, в багрово-чёрном дыму и облаках тяжёлой пыли.

Грузовики и фургоны, оказавшиеся в момент налёта по эту или ту сторону переправы, начали расползаться по пойме. Водители, поняв, что реальная возможность спастись самим и спасти груз — как можно скорее оказаться подальше от переправы, погнали свои машины вдоль реки или повернули назад и газовали по всему лугу, пытаясь забраться на гору. Опыт им подсказывал: штурмовики не улетят до тех пор, пока не израсходуют весь боекомплект. А пара, ловко подавившая один из эрликонов, тем временем делала заход для выполнения очередного противозенитного маневра. Снова облако огня и пыли поднялось вверх. Но сиреневые струи зенитной установки продолжали выплёскиваться вверх, и ведомый штурмовик, мгновенно потеряв пластичность и стремительность полёта, начал отставать от своего ведущего, затем выбросил узкий шлейф дыма. Дым потянулся за ним, как будто это был вовсе не дым, а привязанная к фюзеляжу материя. Материя буквально на глазах начала менять цвет, из сизовато-белого превращаясь в чёрный. “Ил” стал уходить к лесу с набором высоты, задымил ещё гуще.

Еловые лапки хлестали по лицу и рукам Воронцова. Наконец он отыскал коровью стёжку и побежал по ней.

Штурмовик срубил верхушки нескольких сосен и торчал в земле, нелепо задрал вверх обтрёпанный фанерный фюзеляж. Обе плоскости лежали неподалёку. Мотор ушёл в землю и, видимо, поэтому ни пожара, ни взрыва не произошло. Пахло авиационным бензином и свежей хвоей. Шагах в десяти от рухнувшего самолёта лежали бронестекло и человек в кожаной куртке и лётном шлеме. Лежал он неподвижно. Лицо залито кровью. В задней части кабины, под колпаком, быстро наполнявшимся бурым дымом, кто-то судорожно шарил по стеклу окровавленными руками. Воронцов подбежал к самолёту и отодвинул заклинившее стекло. Вытащил из кабины стрелка. Тот мотал головой, задышливо кашлял и повторял одно и то же слово:

— Лейтенант... лейтенант... лейтенант...

— Там твой лейтенант, — толкнул его Воронцов вперёд. — Выбросило его из кабины. Вон, вроде ковыряется. Живой.

Через час они снова остановились на отдых. Опустили носилки возле ручья. Бегущая по камням в тени смородинных кустов прозрачная вода завораживала. Хотелось упасть прямо в ручей, лечь грудью на камни и — пить, пить, пить. Так они и поступили. А когда напились и немного отдышались, стали решать, что делать дальше.

— Надо перевязать твоего лейтенанта. Есть чем? А то мухи вон лезут...

Стрелок достал индивидуальный пакет. Рану на лбу тут же промыли. Когда начали бинтовать, лейтенант открыл глаза и спросил:

— Калюжный, ты рацию забрал?

Тот даже вздрогнул. И сказал:

— Разбило её вдребезги, нашу рацию, товарищ лейтенант. Так что нечего там снимать было. Самолёт — в лепёшку.

— Машину надо было взорвать. Или сжечь. Почему ты этого не сделал, Калюжный?

Лейтенанту помогли сесть. Но его ещё болтало из стороны в сторону. Воронцов посмотрел на него и махнул рукой:

— Ложись, ложись, лейтенант. Тебе лежать надо. Головой всё же ударился.

— Сжечь надо было машину, — не унимался лейтенант. — Ты, Калюжный, приказ нарушил. Воспользовался тем, что я находился в бессознательном состоянии.

Воронцов прикрыл раненого своей шинелью. Тот закрыл глаза. Вскоре его начал бить озноб.

— Жар у него. Надо отвар сделать. Но тут костёр разжигать нельзя.

— Пеглицы у тебя курсантские, — кивнул стрелок на шинель Воронцова. — Ты что, курсант?

— Курсант.

— Значит, лейтенанта не успел получить.

— Не успел.

— Я тоже. Нас на лётчиков-истребителей учили. Потом вдруг в срочном порядке начали переучивать на штурмовиков. Ускоренный выпуск. А тут полковник в училище приехал, построили наш курс: на фронтовых аэдроммах не хватает техников и техников-оружейников, если есть, мол, добровольцы, — шаг вперёд. Мне мой земляк и говорит: Федька, давай пойдём техниками, лётчиков скорее убивают. Это точно. Начальник курса наш до ранения летал на “Ил-2”. Так он сказал, что у штурмовиков на фронте самый короткий век. Пять-шесть вылетов, и сбивают. Мы и вышли из строя.

...На носилках тащить раненого было куда легче и удобнее. Правда, приходилось всё же обходить заросли кустарника. Вскоре начались сосновые посадки, и они пошли по просеке. Здесь почти бежали. Снова появилась возможность поговорить.

— Винтовка у тебя немецкая. И подсумки тоже. — Стрелок говорил медленно, задыхливо кашляя почти после каждого слова. Видать, наглотался-таки дыма, отравил что-то внутри. Но после всего пережитого поговорить ему очень хотелось. — Ты что, в разведке, что ли?

— Да вроде бы, — уклончиво ответил Воронцов.

— Это как понимать?

— А так. В разведке... Почти уже год...

— Не понял...

— Потом как-нибудь расскажу. Когда лейтенант очухается. А сейчас вот что скажи: кто наступает, мы или немцы?

— Никто не наступает. — Стрелок закашлялся. Быстрая ходьба влияла на его бронхи плохо: чем глубже он дышал, тем сильнее его душил кашель. — Мы сегодня утром вылетели на штурмовку колонны, которая двигалась к фронту. На обратном пути должны были ударить по переправе. Но колонну застали как раз на переправе. Так получилось. А неделю назад наступали. Но сейчас наступление заглохло. Немцы начали жать. Контратакуют по всей ширине нашего фронта. Видал, сколько техники к передовой гонят?

Значит, ночью он всё-таки миновал и своих и немцев. Прошёл две линии и ничего не заметил. Вот тебе и разведчик.

Стрелок пристально смотрел ему в спину. Воронцов это почувствовал. И понял, что дальше, тем более если очнётся лейтенант, такие ответы не пройдут, и надо будет лётчикам говорить что-то определённое. Но как им расскажешь правду? Кто в неё поверит? Они здесь, по эту сторону фронта, всего несколько часов, а он... Они и войну знают разную. У них она — одна. У него — другая. И он решил молчать, пока не очнётся лейтенант. Всё-таки старшим по званию среди них был лётчик, и уже если кому-то докладывать, то только ему. А сержант-стрелок, которого распирало любопытство и одновременно доминала тревога, подождёт.

— Ты бы потише кашлял, сержант, — предупредил его Воронцов.

— Не могу. Мутит. Внутри будто гарь стоит. Как будто ожог внутри. Дыма наглотался.

— Хочешь воды?

Они остановились. Лейтенант застонал. Воронцов помог ему повернуться набок.

— И фляжка у тебя, курсант, не нашенская...

— А вода? — усмехнулся Воронцов, не сводя со стрелка пристального и холодного взгляда.

— Вода-то в норме, — напряжённо засмеялся стрелок. — Наша водичка. Но её, как известно, и немцы пьют.

Что ж, разговор зашёл в тупик.

— Всё. Привал. Надо разжечь костёр. Лейтенанта колотит. Жар не спадает. Да и ты бохаешь... — Воронцов осмотрел голову лейтенанта, осторожно поддел пальцем бинты. — Рану ещё раз промыть надо. Отваром. Иначе загубим твоего командира.

— А ты, курсант, нас не сдашь? — спросил вдруг стрелок, и в голосе его Воронцов почувствовал страх.

Глава третья

Стрельба в стороне траншеи стала постепенно затихать. Григорьев то привставал на корточках, то снова садился, прислушивался. Там, за деревьями, прогрохотали танки, лоскоча гусеницами. Похоже было, будто трактора возвращались с пахоты. Нелюбин даже прикрыл глаза от внезапных сладких воспоминаний, когда всё в окружающем мире происходило правильно, без особой обиды для людей, когда люди не гонялись друг за другом, чтобы поймать на мушку или всадить в живот штык. Было ж и такое хорошее время. Эх, какое хорошее время было! Ушло. Разом обрезало. В одно утро.

— Григорьев, ты, голову убери. Пока не прошли. А то заметят...

— А видать, поздно, взводный. — Голос сержанта Григорьева разом задеревенел, осип. — Идут... Вон они...

Нелюбин приподнялся на локте и посмотрел туда, куда неподвижным истуканом глядел сержант Григорьев.

И правда, по коровьей стёжке, держа как раз на их осину, под которой они залегли в надежде переждать контратаку, шли трое немцев. Один с автоматом, двое с винтовками. В солнечных бликах поблёскивали гофрированные коробки противогазов, мелькали каски, обтянутые камуфляжной материей и утыканные берёзовыми веточками.

Их повели той же коровьей стёжкой, по которой полчаса назад они пытались уйти в лес и затаиться, переждать контратаку. Немцы шли следом, курили и тихо переговаривались. Вот, Кондрат, и опять опрокинулась твоя фронтовая жизнь, корил себя за малодушие младший лейтенант Нелюбин. Ну что тебе стоило разжать пальцы? Сейчас бы летела душа в рай. И не мучился бы, не мучил бы ни Григорьева, ни себя. Как всё неладно вышло... Господи, как неладно... Сходили, называется, в атаку...

Лес кончился. По чистине их погнали бегом. Немец в кепи с длинным козырьком подтолкнул Григорьева прикладом:

— Schnell, Iwan! Schnell!

Вот и началось, подумал Нелюбин. И сказал Григорьеву:

— А ты думал, нас тут баранками кормить будет...

Григорьев ничего не ответил, а только крепче перехватил взводного под руку и потащил через луговину. Ноги у Нелюбина всё ещё заплетались.

Вскоре спрыгнули в пыльную, разбитую минами траншею, укреплённую изнутри прутьяными матами. По отводному ходу их повели в глубину, к вершине холма. Нелюбин угрюмо смотрел по сторонам и, видя, как основательно, в несколько линий, укрепились немцы на этой проклятой Зайцевой горе, подумал: а мы, дураки, ротой хотели прорвать на всю глубину... Вон сколько пулемётов у них во всех местах порасставлено. Запасные позиции отрыты. Блиндажи. Судя по ступеням, глубокие. Не то что у нас, там, внизу, в болоте — только на карачках и влезешь на нары, а под жердями в чёрной воде тритоны плавают. Половину взвода малярия катает от сырости и ночных холодов. Другая половина чирьями покрылась. А вон у них и миномёты спрятаны. Умно, в лощинке, снизу и в бинокль не разглядишь. Но воронок и у них полно. Видно, наши артиллеристы всё же научились засекать их огневые.

Их втолкнули в тёмную землянку, по всей видимости, штабную. И Нелюбин с удивлением обнаружил, что стены внутри землянки обшиты тёсом. Да ещё и струганым. И потолок тёсом забран. Ну прямо — вагон-ресторан. За столом возле керосиновой лампы сидел пожилой немец. В углу молодой

солдат — телефонист, совсем мальчишка. Связист с любопытством разглядывал их. Нелюбин тоже смотрел на него и думал: видать, и у них детей стали в армию забирать. Взгляды их встретились. Немец отвернулся. Следом за ними вошли ещё двое, судя по шитью на погонах, тоже офицеры, но рангом, видать, пониже пожилого. Один из вошедших что-то спросил немца, который их конвоировал. Тот долго рассказывал. Потом указал на младшего лейтенанта Нелюбина, дёрнул его за петлицу. Немцы некоторое время молча смотрели на его руки. Видать, конвоир рассказал им про гранату, догадался Нелюбин.

— Ну что, младший лейтенант, закурим? — вдруг заговорил один из офицеров и вытащил портсигар.

Нелюбин успел разглядеть тот портсигар. Узкий, вполтину меньше обычного солдатского и, должно быть, серебряный. На крышке, которую этот самый не то немец, не то русский ловко открыл перед ним, была выгравирована Спасская башня Кремля и надпись: “Москва”. Что ж, раз дают покурить, надо воспользоваться, подумал Нелюбин. Содержимое их карманов, в том числе и кisetы с табаком, немцы очистили ещё в лесу. Он собрал все свои силы, прицелился и, удерживая дрожь в руке, взял не одну, а сразу две сигареты. Одну тут же передал сержанту Григорьеву, стоявшему рядом.

— Курите, курите, младший лейтенант. — Офицер снял фуражку, бросил её на топчан, застланный красноармейскими шинелями. — И приготовьтесь ответить на некоторые вопросы, которые вам задаст господин полковник. Отвечать советую точно, по возможности кратко.

После допроса их погнали дальше в тыл. Уже вечерело, когда они увидели впереди наполовину выгоревшую деревню. Печные трубы, как аисты, стояли вдоль дороги. Другая сторона уцелела. В огородах, прикрытые нарубленными берёзами, стояли танки, средние Т-IV и несколько бронетранспортеров. Возле “гробов” ходил часовой. Вот бы куда закинуть несколько тяжёлых снарядов, подумал Нелюбин, оглядывая огороды, забитые техникой. Он вспомнил офицера, его безупречно подогнанную форму, тщательно начищенные сапоги и узкий серебряный портсигар. Видать, из господ. Русский. Говорит без акцента. Но и по-немецки лопочет без запинки. Обещал, что нас сразу же после допроса накормят. Где там, хорошо, хоть не расстреляли. А то шлёпнули бы где-нибудь в дальней траншее, чтобы через пару часов не завоняли.

Их загнали в приземистый сарай на краю деревни. В сарае пахло овечьим помётом и извёсткой.

...Конвоиров было двое. Один шёл впереди, другой замыкающим. Вскоре, когда они проходили какую-то полуразбитую деревню, к их колонне присоединили ещё шестерых пленных. Выглядели они совсем неважно. Обросшие, грязные, бледные, оголодавшие. Одеты в тряпье, в котором почти не угадывалась красноармейская форма. Вместо сапог и ботинок обуты кто в опорки из шинельного сукна, кто в обрезанные красноармейские валенки, подвязанные проволокой. И где они раздобыли те валенки? Нелюбин и танкист снова переглянулись, когда поняли, что конвой с увеличением колонны остался прежним. В той же деревне конвоирам передали повозку. Гнедой конь, как видно, кавалерийской выучки, тащил широкую телегу на железных осях. В телеге лежали двое раненых. Нелюбин успел разглядеть лежавшего спереди — пожилого артиллерист, вроде капитан. А может, даже и майор. В петлицах — шпалы. Сколько, не разглядел.

Один из пленных жестами начал уговаривать конвоира, чтобы тот позволил ему сесть на телегу.

— Nein, — сказал конвоир и оттолкнул пленного от повозки.

Тот снова подошёл и указал на ногу. Под разодранной штаниной виднелась грязная повязка. Из-под повязки багровыми сгустками сочилась сукровица. Пленный, конечно, понимал, что в таком состоянии он до Рославля не дойдёт. О том, что будет с отстающими, их уже предупредили.

— Пан солдат, разреши ему ехать, — начали просить за раненого его товарищи.

— Плохой он, пан солдат.

— Кранк. Посмотрите на его ногу.

— Не дойдёт же...

— Пожалейте, пан солдат.

Конвоир, видимо, понимал немного по-русски.

— Никт дойдёт? Никт дойдёт? — закричал он и сдёргнул с плеча винтовку. — Дойдёт! Карашо дойдёт!

— Дойдёт, дойдёт, — замахали руками пленные и затолкали раненого в середину колонны.

Шли медленно. Впереди похрустывали на камнях железные обода телеги. Конвоиры через каждый километр менялись. При этом один из них шёл замыкающим и видел всё, что происходило на дороге.

Однажды им встретилась войсковая колонна. Она двигалась к фронту. Кони, запряжённые парами, тащили просторные фуры, выкрашенные в болотно-зелёный цвет. Конвой снова начал окриками и прикладами теснить пленных к обочине. Немецкие пехотинцы с любопытством смотрели на них из-под запылённых кепи. Некоторые, привстав в телегах, прицеливались в пленных, выбирая то одного из них, то другого.

— Пуф, Иван! Пуф!

Немцы весело гоготали. Горячий пыльный воздух над дорогой так и колыхало здоровыми, не знающими ещё никакого горя голосами. А другая колонна тем временем молчала, провожая встречных угрюмыми взглядами.

— Под Зайцеву гору пошли, — заговорили в колонне, оглядываясь на последнюю фуру, на которой лежали пулемёты и какие-то ящики, тоже выкрашенные в зелёный цвет.

— На усиление.

— Маршевые...

— Ишь, весёлые какие.

— Ничего, под Зайцевой и им лапти сплетут...

— Мы туда, к той проклятой горе, тоже весёлые шли, с гармошкой.

А Нелюбин подумал вот о чём: немцы едут на телегах, значит, не может Гитлер все свои войска обеспечить машинами. И танков у них поменьше стало, чем зимой. Тогда вон какой силой пёрли! И где теперь их танки? Он-то знал — под Иневкой да под Мальми Семёнычами. Под Наро-Фоминском да под Вязьмой. Вот где они свои танки растеряли.

В другой раз их догнал санитарный обоз. Также на телегах. Немцы вывозили в тыл своих раненых. Вот тут повеселело на душе и у Нелюбина, и у других пленных. А танкист, проводив цепким взглядом холодных голубых глаз очередную подводку, подхохотнул зло и тихо процедил сквозь стиснутые зубы:

— Это, братцы, называется: сходили на танцы в чужую деревню...

Понял ли что конвоир, или понял по-своему, но ехавший впереди немец вдруг соскочил с телеги и пошёл гулять прикладом — по головам, по плечам, по выброшенным вперёд рукам. Не понравилось.

— Тебя как зовут, танкист?

— Демьяном, — ответил тот, трогая свою засохшую ссадину над глазом. — А ты разве не слышал, как меня мои ребята окликают?

— Слышал. А теперь от тебя самого услышал. А меня — Кондратом.

— Ну и что, Кондрат, ты мне хорошего скажешь? — скосил цепкий взгляд Демьян.

— Да ничего пока.

— То-то и оно-то, что половина колонны уже никуда не побежит. А некоторые действительно верят, что в Рославле их гречкой с маслом сливочным кормить будут. А что мы им, Кондрат, можем предложить против котелка горячей гречки на сливочном масле?

— Да я бы и сам сейчас хорошенько присел возле такого котелка.

— Какая ж живая душа такому не возрадуется?

Прошли ещё километр. Километры Нелюбин считал по сменам конвоиров на телеге.

Солнце палило над дорогой, мучило жаждой и без того выбившуюся из сил колонну. И когда впереди, в долине, в ольхах, блеснул ручей, пленные,

сгрудившись и сбивая шаг, инстинктивно шатнулись всей своей зыбучей массой к обочине. Конвоиры сразу всё поняли.

— Steht! Стоять! — скомандовал старший конвоир.

Немцы о чём-то переговорили. Второй конвоир взял у старшего фляжку, отстегнул от ремня свою и спустился с насыпи вниз, к ручью.

— Ну, Григорьев, приготовься.

— Давай, взводный, сперва напьёмся. А так сил никаких нет.

Но к ручью их отпустили не всей оравой, а только по три человека. Второй конвоир жестом командовал очередной шеренге, вскидывал винтовку и внимательно следил за тем, чтобы никто из пленных не переходил на сторону ручья и не заступал дальше стёжки на затоптанном берегу. По всему было видно, что здесь, через этот лесной ручей, прошли уже тысячи людей. И технология водопоя у охраны уже была хорошо отработана. Старший конвоир тем временем сидел на фуре и курил. Винтовка лежала у него на коленях. Нет, понял Нелюбин, здесь бежать не получится. Дальше, там, за ручьём, болотина, быстро не побежишь. Пристрелят. Вот если бы кто-то бросился на того, который сидит на телеге, мы бы с Григорьевым со вторым как-нибудь справились. Демьян тоже крутил головой, хмуро освещивал своим холодным взглядом. И, когда, наконец, подошла их очередь, тихо обронил:

— Тут нельзя.

Вода в ручье была холодной и такой желанной, что Нелюбин припал к ней иссохшими губами и начал с такой жадной силой захватывать её вместе с сором и мутным дымком илистого дна. Кто-то из лежавших здесь до него, видать, неосторожно ступил в ручей ногой. Но мутная вода была всё же водой. Хотя и пахла илом. Вот бы такой, мутненькой, после каждого километра...

— Хороша водичка, — утёр свой небритый рот Демьян.

— Григорьев, давай котелки, — приказал Нелюбин.

Сержант мигом развязал “сидор”, выхватил оттуда котелки. Они возвращались в строй с котелками, наполненными водой. Многие потом по их примеру делали то же. Черпали воду кто в консервную банку, кто в каску, а кто просто в ладони. Что ж, и из ладоней, если крепко их держать, можно было сделать ещё полтора-два хороших глотка.

И тут произошло вот что. Раненый, которого всё время вели его товарищи в середине колонны, тоже спустился с насыпи. Он лёг прямо в воду и пил не переставая. Блестел на солнце его потный, в грязных потёках стриженный затылок, судорожно дёргалась жила на напряжённой шее. Двое красноармейцев из его тройки, напившись, стали поднимать его. Но он оттолкнул их. Второй конвоир, внимательно следивший за очередностью и всё время потопрапливавший пленных, крикнул:

— Steht!

Но раненый не вставал. Казалось, уже ничто, никакие окрики и угрозы не смогут разлучить этого невыносимо измученного жаждой и недомоганием человека с тем желанным, что возвращало ему жизнь. Товарищи снова начали тормозить его. Но конвоир сделал жест, чтобы они отошли в сторону.

— Застрелит... Он же сейчас его застрелит!

— Что же он делает!

— Эх, сволочь! — загудела колонна угрюмыми голосами.

Конвоир подошёл к обрывистому краю насыпи, вскинул винтовку. Раненый устало повернул голову и, шурясь, посмотрел на него. Всё он, видимо, сразу понял. И... снова прильнул к воде. Судорожно двигались его бледные, заросшие грязной щетиной скулы.

Выстрел в одно мгновение прервал все сомнения и надежды. Пуля ударила прямо в стриженный затылок и, пройдя навывлет, разбросала по затоптаным кочкам берега брызги серого ила. Через мгновение подбежала очередная тройка. Хрипя от жажды, они перетасили тело своего товарища в заросли таволги и принялись пить из бочажины, в которой ещё не осела розовая муть.

В колонне кто-то вздохнул то ли с жалостью, то ли с облегчением:

— Только зря тасили...

До ближайшей деревни, где колонну застал вечер, шли молча. Второй конвоир, тот, который расстрелял раненого, сменив на повозке своего товарища, пиликал на губной гармошке какую-то незамысловатую весёленькую мелодийку. Ни о чём он уже, видать, не думал.

— Вот сволочь, ему хоть бы что...

— Да они нас за людей не считают.

— Людей от нас, ребятки, сразу отделили, — подхватил настроение колонны Нелюбин. — А мы... Кто мы для них? Пыль дорожная.

Нелюбин, пользуясь тем, что конвоиры были сравнительно далеко, и ещё хотел сказать что-то, чтобы подбодрить идущих рядом, а заодно и прощупать, кого бы ещё можно подбить на побег, но Демьян толкнул его в бок и сказал тихо:

— Не надо, Кондрат, не хлопочи. Тут половина добровольно к немцам перешли.

— А что ж они из строя не вышли, когда их в роту, на хороший харч, поманули?

— А ты не понял? Не хотят они воевать. Ни за белых, ни за красных. Рассчитывают, что войне скоро конец. А там — новая власть. Всё всем спешется. А им — в первую очередь. Потому как винтовки добровольно покидали. Так что ты тут со своей агитацией поосторожней. Впятером пойдём.

А танкист малый тёртый, подумал Нелюбин, глядя на серые, унылые поляны вокруг, и, пожалуй что, прав. Его надо держаться. Его и его ребят.

За полянами, выжженными солнцем, пошли болота, потянулись заросшие бурым хвощом бесконечные кочкарники с польньями, затянутыми нежно-зелёной ряской. И вот, наконец, за болотами показалась деревня.

Когда они подходили к деревне, солнце уже провалилось за дальний лесной окоём. Сразу захолодало. Осень всё же сказывалась. Днём стояла августовская жара, как будто лето, уходя, торопливо растрачивало свои нерастраченные запасы. А по ночам, в низинах, уже прихватывало белым. Взводу младшего лейтенанта Нелюбина буквально на днях выдали ватники. Правда, не всем. У кого были ещё годные, не особо изношенные шинели, ватников не досталось. Но в атаку, через сухой ручей, большинство пошли налегке, побросав в окопах и скатки, телогрейки. Оставил свой новенький ватник и Нелюбин. Теперь горевал: кто-нибудь, должно быть, уже прихватил его одежду. Жалко. Сейчас бы вон как сгодились.

На ночь их загнали в конюшню, закрыли ворота и заложили тяжёлой завалкой снаружи. Немного погода немец, застреливший возле ручья раненого, просунул им в окно полмешка ржи. Плохо вымолоченная, наполовину с мякинами и остью, она, эта скудная ржаная пайка, оказалась всё-таки нечаянной радостью, так что Нелюбин, слизывая с ладоней пахучие зёрна, втайне благодарил конвоира. Он понимал, что эти полмешка несортového фуражного зерна — не их пайка. Зерно предназначалось, скорее всего, для лошади. Стало быть, немец кормил их лошадиным фуражом из жалости, а не потому, что пленные тоже люди и им положен какой-то паёк, чтобы не умерли с голоду и чтобы дошли до Рославля.

Окно, сизо поблёскивавшее в ночи и пропускавшее вовнутрь свет звёздного неба, вскоре забили досками. Забывавшие окно ругались по-русски. Гвозди им попались гнутые, и они ими никак не могли пробить берёзовые горбыли, видать, засохшие за лето до костяной твёрдости. Охраняли конюшню местные полицейские. Рушились надежды и на ночной побег.

Глава четвёртая

Дождь с механическим звоном сёк по ельнику и кустам жимолости, тяжёлыми каплями падал на землю, шевеля коричневые еловые иголки. Лейтенант спал. Его стрелок терпеливо стоял под елью неподалёку и тоже дремал. Воронцов сидел возле костра, время от времени подбрасывал сухой хворост и слушал лес. Винтовка лежала рядом, и это успокаивало. От костра исходило тепло. И это уютное тепло, и спокойное дыхание лейтенанта, и ти-

хий шорох дождя, — всё слилось в одно, стало теснить внутри каким-то внезапным, сильным чувством, от которого он отвык, и, чтобы избавиться от него или хотя бы обмануть его, Воронцов начал думать о Зинаиде и Уле, о Пелагеиных сыновьях и всех, кто остался на хуторе. Улиту он только в мыслях научился называть дочерью. Зинаида однажды сказала:

— Поговори с ней. Она ведь очень любит, когда с ней разговаривают. Вот попробуй, скажи ей что-нибудь.

— Она же ничего не понимает, — возразил он.

— А посмотри, как она радуется, когда слышит твой голос.

— Разве она меня узнаёт?

— Она тебя узнаёт даже по запаху.

Не надо ни о чём думать, остановил он себя, чувствуя, что мысли о родных меняют окраску и завладевают в нём тем, что должно принадлежать только ему одному, и только тому, кто он сейчас есть. Только его воле. Он смотрел, как капли дождя падают на угли, оставляя на них тёмные пятна, как те пятна дрожат, мгновенно меняют цвета и вскоре исчезают вовсе. Вот так и жизнь человека на войне — не больше той дождевой капли в костре; иная хоть на угле померцает, а другая просто бесследно исчезает в пламени... Воронцов вдруг вспомнил, как год назад они хоронили Селиванова. Вспомнил, как его ранило, как Селиванов вскрикнул удивлённо и испуганно: “Р-б-б-б! Кажется, я ранен!” Теперь эти слова плыли в нём новым мучительным паводком, затоплявшим всё. Первые убитые запомнились больше всего.

Пора было сменить Калюжного, пусть поспит у костра. Воронцов встал и потянулся за винтовкой. И в это время в глубине ельника, в противоположной стороне треснул сучок. Нет, это был не случайный звук. Так ломается придавленная ногой сушина. Воронцов медленно опустился на землю и залёг за елью. Сдёрнул с оптического прицела парусиновый чехол и начал всматриваться в прогалы между стволами деревьев и зелёными наплывами кустарников. Вот качнулась ветка орешины, и человек в красноармейской телогрейке и надвинутой на уши пилотке перебежал от одного дерева к другому. Замер. Снова появился. Оружия в руках нет. За плечами вещмешок. Воронцов крепче придавил к плечу приклад и поймал в окружность прицела высокую фигуру. Да, оружия у него нет. Воронцов повёл прицелом вначале влево, потом вправо. Никого. Значит, один. Он снова поймал его в прицел. В лице и осанке человека в зелёной телогрейке, который, должно быть, заметив их костёр, теперь старался обойти его стороной и скрыться в орешнике, Воронцову показалось что-то очень знакомое, что он не просто вдруг узнал, а вспомнил. Это же Смирнов! Стёпка Смирнов! Что он здесь делает? И как его окликнуть? Сейчас ведь уйдёт... И, словно тугой сучок в глаз, селанула мысль: а если он не один? И если не один, то с кем? Если Стёпка выжил после Угры, то с кем он теперь? Если перешёл через фронт, то понятно. Послан в разведку. Местность он здесь знает неплохо. А если не вышел? Почти год война мотала Воронцова по окопам, лесам, деревьям и дорогам то по ту линию фронта, то по другую. За это время узнал и насмотрелся многого. И потому сейчас, увидев в орешнике крадущегося Смирнова, Стёпку Смирнова, бывшего командира третьего отделения курсантского взвода, а потом диверсанта из боевой группы Радовского, Воронцов мог предположить всё что угодно.

Воронцов вскочил на ноги и, прячась за деревом, перебежал к часовому. Калюжный всё так же дремал, привалившись плечом к дереву.

— Сержант, — окликнул его Воронцов, стараясь не выдать своего смещения, — иди к костру. Я подежурю.

Калюжный тут же побежал к костру, на ходу подхватывая сухие сучья.

А Воронцов пошёл вдоль тёмной непроницаемой гряды старых елей, за которыми открывалась узкая поляна или лощина, заросшая таволгой и крушиной. Вскинул винтовку: голова в глубоко надвинутой пилотке какое-то время колыхалась над порывевшими зонтиками таволги, а потом исчезла. Появилась снова, но уже правее. Оглянулась. Стёпка! Смирнов! Да он же! Он! Воронцов даже привстал и, не отрываясь от оптического прицела, сделал несколько шагов в заросли таволжника, когда увидел знакомый шрам

на лице убегающего от него человека. Ошибки быть не могло. Там, в конце лощины, бежал, часто оглядываясь, его боевой товарищ, Степан Смирнов, командир третьего отделения их погибшего под Юхновом взвода.

— Степа-а-ан! — кричал он что было сил, теряя осторожность и самообладание. Но тут же присел и, держа винтовку наготове, лихорадочно огляделся по сторонам. Кругом тихо. Ни звука, ни движения.

Через минуту голова в линялой пилотке, глубоко надвинутой на голову, выглянула из рыжего таволжника чуть левее, огляделась по сторонам и снова исчезла. И Воронцов понял, что Смирнов услышал его голос и возвращается.

— Степан! Иди к ёлкам и ничего не бойся! Это я! Воронцов!

— Санька? Как ты оказался здесь? — Шрам на подбородке Смирнова дёргался, натягиваясь в судорожных движениях, как будто под тонкой, как намокшая папиросная бумага, кожей пульсировал какой-то беспокойный нерв.

— А ты?

Когда они вернулись к костру, стрелок менял повязку на голове лейтенанта. Тот сидел уже не на носилках, а под елью, на охапке лапника, и встретил Воронцова и Смирнова напряжённым взглядом воспалённых глаз.

— То ты, курсант, один был, то вас уже двое... — Калюжный покосился на носилки, где лежал пистолет лейтенанта.

— Это мой напарник.

— Тоже курсант? — усмехнулся Калюжный.

— Тоже.

— Мутные вы ребята.

Воронцов и Смирнов никак не могли привыкнуть к тому, что судьба снова свела их вместе. Они радовались этой встрече и в то же время оба понимали, что впереди их ждут нелёгкие испытания. Там, возле тёмной гряды ельника, они успели рассказать друг другу многое. И дальше, что бы ни случилось, решили идти вместе.

Они пробрались к обмыску леса и затаились, прижавшись к земле, пахнущей прелой еловой хвоей и грибницей. Паутины, унизанные бисером росы, висели над головой, дрожа и раскачиваясь от неуловимого движения воздуха, и мешали обзору вправо и влево. И когда Воронцов расчехлил прицел и провёл им слева направо по всему сектору, ничего, кроме серой мглы и редких тёмных пятен выступающих на той стороне дороги кустов, не увидел. Туман прогоняло по дорожной просеке как в трубу, рваные клоки тащило мимо берёз, закручивало вокруг зарослей бурьяна. Вот-вот должно было встать солнце, и оно, быть может, уже стояло над дорожной просекой, но тяжёлый туман, сгрудившийся над шоссе, мешал ему взглянуть на землю и на всё, что здесь, внизу, происходило.

— Ну что, курсант? — ворохнулся на носилках лейтенант. — Что там? Видно что?

— Видно. Туман вокруг. Сейчас пойдём.

Смирнов и Калюжный уже взялись за ручки носилок, а Воронцов с винтовкой переместился левее, ближе к просеке, чтобы лучше контролировать дорогу, когда вдали послышались моторы. Шла колонна. Это сразу стало понятно по мощному однородному гулу. Когда в одном режиме работает больше десятка моторов, то всегда кажется, что слышишь звук одного, очень мощного. Потому и слышится он далеко.

— Тихо.

— Можно проскочить. Успеем, курсант!

— Лежать. Замереть.

И вот, буквально через мгновение, на дороге послышались голоса и шуршание лёгких шин. Из тумана, как из опрокинутой реки, выкатились велосипедисты. Пять или шесть, Воронцов даже не успел их сосчитать. Они ехали парами и беспечно болтали. У одних винтовки торчали над их пилотками, надвинутыми на уши. У других оружие болталось на ремнях спереди. Внезапное появление немецких велосипедистов, чужая речь, мгновенная мысль о том, что это — передовое охранение, которое шестью или семью парами глаз сейчас осматривает каждый придорожный куст, каждый бугорок и ка-

навку, заставили Воронцова и всех, лежавших под елями, буквально вдавить свои тела в землю, раствориться среди россыпей еловой хвои и кочек, обросших лишайником и редкой долговизой травой. Велосипеды прошуршали мимо, оставив едва уловимый запах табачного дыма.

— Всем — замереть. Будем пережидать колонну.

Колонна шла медленно, с потушенными фарами. Впереди, задрав вверх раструб тяжёлого пулемёта, мчалась танкетка. Из люка торчала голова в чёрной пилотке. Наблюдатель. На груди у танкиста висел бинокль. Немец держался за поручни и крутил головой. Следом за танкеткой прошла зенитная установка. За ней два средних танка. А потом — нескончаемым потоком грузовики, закрытые высокими плотными тентами.

Прошло уже около часа, а колонна всё продолжала двигаться в сторону Юхнова. Брезенты некоторых грузовиков сзади были откинuty, и Воронцов видел ряды бледных, запylённых лиц солдат в глубоких касках, стволы винтовок, зажатых между колен. Вот так когда-то к фронту ехали и они, курсанты шестой роты. И было это год назад. И ехали они тоже к Юхнову. Только с другой стороны. Наконец прогрохотал гусеницами замыкающий танк, и рокочущее, вибрирующее на басах эхо в лесу стало затихать. Но через несколько минут снова зашуршали по дорожному покрытию велосипедные шины, и новая группа велосипедистов молча проследовала тем же курсом. Туман уже рассеялся, как будто колонна грузовиков и бронетехники разрежала его вдоль, искромсала, разогнала по обочинам и ложбинам. Над лесом засияло солнце, разом озарив окрестность. Заблестела трава и паутины, растянутые по опушке леса. Стало явным то, чего в тумане невозможно было разглядеть и в двух шагах. Паутины изгибались под тяжестью нанизанного на них тумана, колыхались и время от времени взблёскивали, как только что отлитые из серебра нити. Вид облитой молодым утренним солнцем опушки настолько напомнил им, лежавшим здесь в ожидании перехода, совсем недавнее довоенное прошлое, что они не могли оторвать от просеки глаз и зачарованно ждали, что будет дальше.

Воронцов повёл прицелом по колонне. Туман прикатал пыль, и теперь видимость на дороге была хорошей. В песчано-зелёной массе выгоревших гимнастёрок отчётливо выделялись чёрные комбинезоны танкистов. Они шагали рядом, трое. А с ними, в крайней правой колонне, четвёртым или пятым от направляющего тяжело передвигал усталые ноги пожилой боец с лицами младшего лейтенанта. Худощавое загорелое лицо, несколько суток небритая щетина действительно напоминали бывшего бойца его взвода. С тех пор, как они расстались, прошло полгода. Война меняет многое, не только людей. Но людей — в первую очередь. А вот старшина Нелюбин, кажется, не изменился совсем.

— Действительно, похож на нашего Кондратия Герасимовича, — осторожно заметил Воронцов. — Правда, этот — младший лейтенант.

— Помнишь, он рассказывал, что учился на курсах младших лейтенантов. Он дедок шустрый. Ты вспомни, как он на льдину вскочил! Ну что, он или не он?

Воронцов провёл перекрестьем прицела в хвост колонны, где обочиной, в сбитой на затылок кепи, шёл замыкающим конвоир, потом снова вернулся в середину. Нелюбин. Конечно, он. Старшина. То, что вчера в лесу он вот точно так же, в прицел, разглядел своего боевого товарища и друга по курсу Степана Смирнова, было такой неожиданностью, что Воронцов ещё никак не мог привыкнуть даже к мысли о том, что теперь они снова вместе. Но что там, на дороге, в колонне пленных, которых немецкий конвой гонит куда-нибудь в Спас-Деменск или в Рославль, сейчас, в эту минуту идёт и с каждым мгновением и шагом приближается к ним всё ближе и ближе Кондратий Герасимович Нелюбин, их добрый и не унывающий старшина, в это поверить было почти невозможно.

— Он. — И в горле у Воронцова в одно мгновение пересохло, как перед атакой. — Что будем делать? А? Стёп?

У Воронцова уже возник план, но в одиночку его осуществить было нельзя.

— Пусть пройдут. Перенесём лейтенанта. А там посмотрим. Идут они медленно. Догоним. Только вот с одной винтовкой...

— Ничего. Охранников всего двое. Стреляешь ты хорошо...

Колонна шла с кашлем и стонами. Воронцов и Смирнов, теперь уже не в прицел, внимательно разглядывали идущих. В пятой шеренге крайний справа шёл Кондратий Герасимович Нелюбин. Теперь они уже не сомневались в этом.

Глава пятая

Колонну они догнали быстро. Зашли немного вперёд, чтобы отдышаться, и залегли в кустах крушины.

— Сань, помни, у тебя два выстрела.

— Знаю.

Они переглянулись и увидели в глазах друг друга то, что видят перед атакой, когда ничего уже изменить нельзя. Смирнов вытащил из-за пазухи ТТ и дослал патрон в патронник. Воронцов снял с прицела чехол, аккуратно сложил его и сунул в карман. Его первый патрон был уже в патроннике. Стрелять надо, когда колонна поравняется с ними. Тогда оба конвоира окажутся в зоне его огня. Тогда и Степан сможет помочь ему, если после первого выстрела что-то пойдёт не так. Хотя для пистолета расстояние до колонны всё равно оставалось критическим.

Телегу тащил гнедой кавалерийский конь. Конь так же, как и пленные, порядком уже устал, бока его потемнели и западали. Немец дёргал вожжами и покрикивал.

— Сань, — шептал Смирнов, — ты посмотри, какой конь... Коня не задень.

Конь, что и говорить, был хорош. Конь им очень даже нужен.

Воронцов придавил к плечу приклад "маузера", и все сомнения, которые только что одолевали его, отлетели прочь. Рука уже не дрожала. Левый висок конвоира плавал в его прицеле. Розовый, с синей веточкой вспухшей от жары вены, наполовину прикрытый пилоткой, обрамлённой тёмной неровной полоской пота. Воронцов сделал небольшое упреждение и надавил на спуск. Спуск у винтовки оказался плавным, и пуля, не отклонившись ни на сантиметр, вошла точно над ухом. Пилотка слетела с головы конвоира, а сам он сунулся под ноги коня, и тот, то ли почувствовав кровь, то ли удила больно врезались в его дёсны, шархнулся в сторону, опрокинул телегу и понёс вдоль кювета.

Второй конвоир тут же залёг и начал лихорадочно высматривать, откуда стреляли. Но уже через мгновение хлестнул второй выстрел, и пробитая его пилотка сползла на затоптанную дорогу.

Колонна остановилась, и, когда уронил голову и второй конвоир, половина пленных тут же ринулась к лесу. Остальные попадали прямо на дороге, обхватив руками головы. Выстрелы Воронцова поделили колонну на две части. И теперь обе части решали свою судьбу сами.

Воронцов вскочил на колени, выбросил из патронника пустую гильзу и заметил, как группа, человек семь, в которой были танкисты и тот, ради которого они пришли сюда, перемахнули через придорожный кювет и рассыпались по просеке. Но вдруг двое из них остановились и кинулись к лошади.

Выстрел рассёк тяжёлые мысли младшего лейтенанта Нелюбина как раз в то мгновение, когда танкист сказал, что больше тянуть нельзя и что, если он сомневается, то они побегут одни. Нелюбин вдруг увидел, как шархнулся с дороги конь и как поволоклось под телегой зацепившееся за передок тело старшего конвоира. Вначале ему показалось, что их обстрелял самолёт и что звука мотора он просто не услышал из-за контузии. В ухах опять гудело и покалывало, как от простуды. Но потом увидел, как дымок ещё одного выстрела плеснул из-за куста, и человек в красноармейской гимнастёрке встал из травы и передёрнул затвор винтовки. В следующее мгновение его

сбили с ног и один из танкистов подхватил его за воротник и потащил с дороги на обочину. Там они кубарем покатались вниз, под насыпь.

Нелюбин бежал вместе со всеми, перепрыгивая через кочкарник и берёзовые пеньки, стараясь не упасть и не угодить кому-нибудь под ноги. Но, чем ближе они подбегали к лесу, тем очевидней становилась мысль о том, что и там, в лесу, без оружия они всё равно беглые бараны, а не бойцы. И он отыскал лихорадочным взглядом бегущего рядом Григорьева и крикнул ему:

— Сержант, к повозке! Винтовку надо!..

И они побежали к повозке, опрокинутой неподалёку. Раненые копошились в кювете. Немец неподвижно лежал передком, зацепившись ремнём за крюк. Винтовка висела на его окровавленной шее.

Нелюбин ловко, по-кошачьи прыгнул под телегу, сдёрнул с убитого винтовку. Григорьев тем временем расстегнул ремень с подсумком и кинжальным штыком.

— Ранец возьми! — рывкнул Нелюбин и выхватил из рук Григорьева ремень.

В лес они бежали уже вчетвером. Следом за ними какие-то бойцы вели выпряженного коня. На пленных они похожи не были. И уже в березняке, когда можно было перевести дыхание, он спросил их:

— А вы, ребяташки, кто такие будете?

— А мы, Кондратий Герасимович, шестой роты курсанты Смирнов и Воронцов! — радостно закричал ему в ответ Степан.

— Ох! Это ж опять спаситель мой! Опять тебя Бог прислал! Стёпушка ж ты мой родимый! Дай же я тебя обниму! — И Нелюбин повис на плече у Смирнова и некоторое время так и бежал, прилипнув к своему спасителю.

Ночью они сидели возле костра и разговаривали. Котелки уже были опустошены по нескольку раз. Всё, что удалось прихватить у немцев, а также припасы Смирнова, было пущено по кругу. Лейтенант спал на носилках. Чтобы он не мёрз, носилки поближе подтащили к костру. Танкисты и четверо бойцов спали вповалку на лапнике. Калюжный и Григорьев с винтовками ушли в охранение. Спать не ложились только трое: Воронцов, Смирнов и Нелюбин.

— И как же это вы нас, милыи вы мои, подкараулили! — мотал головой Нелюбин и тут же, с тем же внутренним ликованием продолжал: — А я всегда говорил, что товарищ на фронте для солдата — первая и самая близкая родня! Боевого испытанного товарища солдату на войне Бог даёт! А то, что Богом дадено, вот так беряжить надобно! — И Нелюбин сжал кулаки и потряс ими.

За полуночью разговор стал тускнеть. Всё, что шло от души, сказалось, а то, о чём все трое думали, но о чём пока молчали, угнетало. И вот Нелюбин, чувствуя, что подошли уже к краю, разорвал эту тягучую паутину:

— А куда ж, ребяташки, мы теперича пойдём?

Воронцов и Степан молча переглянулись.

— Я так думаю, что выходить нам надо где-то возле Зайцевой горы. Хоть там и самая бойня, и войска все сгрудились, но там и полк мой. А ежели где в другом месте переходить, ещё неизвестно, каким карим глазом на нас посмотрят.

— До Зайцевой горы ещё дойти надо. Сколько дотуда километров?

— Примерно сорок, сорок пять.

— Два перехода. Если по прямой. Но таких дорог не бывает. Да и нельзя нам по дорогам идти. А у нас раненый. Да и кормить людей уже завтра утром чем-то надо.

— И то правда, и то, а идти, ребяташки, — надо, — подытожил Нелюбин и хлопнул Воронцова по коленке. — Поведёшь ты. У тебя уже опыт есть. Народ у нас подобрался надёжный. Одни танкисты чего стоят. У них, имей в виду, младший сержант хороводит, Демьяном зовут.

Утром Воронцов построил свой отряд. Встал и лейтенант. Его ещё пошатывало. Но он уже был полон решимости дальше идти своим ходом. В строю оказалось пятнадцать человек, с Воронцовым — шестнадцать. В боевых условиях — взвод. Потому что на передовой, Воронцов это знал, через неделю боёв во взводе редко остаётся больше половины личного состава.

...Отряд всё глубже уходил в лес. Шоссе уже не окликало их своими звуками, каждый из которых таил опасность, угрожал погоней или слепой пулемётной очередью. Воронцов вёл взвод по компасу, время от времени сверяя маршрут по карте. Старая дорога, по которой они шли, на карте не значилась. Она уводила их всё глубже в лесной массив, но что было там, в конце её, никто не знал. Воронцов выслал вперёд разведку: Степана и Полёвкина. Через час те вернулись.

— Лучшего места для привала не придумаешь, — доложил Степан. — Километрах в двух отсюда — луга и брошенная усадьба. Видимо, до колхозов хутор был.

— Строения какие-нибудь остались?

— Сарай. Банька. И погреб. Дома нет. Видимо, перевезли куда-нибудь в ближайшую деревню.

— А дальше дорога куда уходит?

— Дороги дальше нет. Мы обошли хутор по всей округности — другой дороги, кроме этой, не обнаружили. Может, и была, но заросла. Хутор заброшен давно.

Обоз продолжал двигаться вперёд, и вскоре Воронцов, шедший в головном дозоре, в расступившейся лесной просеке увидел простор довольно обширного луга. Точно так же год назад он вышел к Прудкам. Только тогда простор, вот так же внезапно распахнувшийся перед ним, был ослепительно-белым, ярким — всюду сиял снег. А здесь всё казалось более скромным, меньшим по размерам. Но душа вздрогнула точно так же.

Воронцов приказал занимать прируб и баню. Коней распрягли и отогнали в лес, в лоцину, пастись. А телеги, вывернув из них оглобли, закатили в сеник. Под раковой возле бани развели костёр и заварили в ведре густую мучную болтушку, сдобренную мелко нарезанными кусочками сала. Это был первый горячий обед. Кухню и лошадей Воронцов поручил Нелюбину. Демьяну — охрану пленных.

Немцев заперли в погребе. Выставили часового.

Лейтенанта перенесли в баню. Воронцов нагнулся к носилкам, спросил лётчика:

— Горичкин, ну как ты? Держишься?

— Хреново. Знобит, — ответил тот нехотя и отвернулся.

— Ты держись. Немного осталось. Скоро перейдём. А там тебя сразу в госпиталь.

Конечно, лейтенант понимал, что без врачебной помощи ему с такой раной жить недолго. Срочно нужен врач. Лицо лётчика распухло. Губы посинели. Врач. Хотя бы фельдшер. Но где его возьмёшь? И тут Воронцов вспомнил, как в дороге один из немцев, тот, который во время захвата был мертвецки пьян и очнулся только в лесу, часто поглядывал на повозку с лейтенантом. Однажды подошёл к нему и что-то сказал, указывая на повязку. Что-то его не устраивало либо в том, как была наложена повязка, либо он всё же имел в виду состояние раненого. Но Калюжный оттолкнул немца, видимо, думая, что тот снова претендует на то, чтобы его везли на телеге. Немец покачал головой и снова дважды повторил незнакомое слово. Он сказал: "Eine Geschwulst". Гешвульт, гешвульт, повторял про себя Воронцов, пытаясь выловить из памяти перевод этого слова. Опухоль! Точно, немец сказал, что у лейтенанта начинается опухоль! Значит, он хотел их о чём-то предупредить. А может, он, тот проспавшийся пьяница, и есть фельдшер или даже врач?

Воронцов приказал танкисту, охранявшему дверь в погреб, вывести пленных.

— Wir haben Krank, — сказал он, тщательно подбирая слова. — Wir mochten Arzt. Helfen Sie wir bitte.

— Ich bin Arzt, — тут же ответил немец. Обут он был в опорки, которые оставил ему Полёвкин после того, как стащил с него, спящего, сапоги.

— Gehen sie mit, bitte, — сказал Воронцов и кивнул ему на баню.

Калюжный сидел на порожке и тоскливо смотрел в овраг, который начинался сразу за баней, огибал дуг и уходил сосняк, поднимавшийся сплош-

ной высокой стеной в полукилометре от хутора. По лицу стрелка было видно, что лейтенанту стало совсем худо.

— Вот, Каложный, доктора привёл.

— Да разве ж он доктор? Пьяница горький!

— Самые лучшие доктора всегда — пьяницы. Ты разве не знал? У нас в районе хирург до войны был. Так он без стакана спирта к больному не подходил. Вот так, Каложный. Тоже, между прочим, имел немецкую фамилию.

Каложный внимательно посмотрел на пленного.

— Думаете, он соображает?

— А посмотри на его руки. — И Воронцов кивнул немцу: — Der Argm... Zegen Sie mir der Argm.

Немец протянул руки. Пальцы его дрожали.

— Да, — покачал головой Каложный, наблюдая за тем, как ходили ходуном пальцы пленного немца, — сильно он там, в деревне, перебрал. Тут не одним стаканом пахнет.

— Не туда смотришь, Каложный. Видишь? Жёлтые пятна на кончиках?

— Так это, может, от курева.

— Да нет, Каложный, это следы йода. Будешь ему помогать. Делать всё, что он скажет. Понял?

— Вас-то я понял, а как я его пойму? Он же ни бельмеса по-русски.

— А ты с ним по-немецки поговори. Кому врач нужен, нам или им? Ты в школе какой язык изучал?

— Немецкий.

— Ну вот и примени свои знания.

Каложный помялся:

— Тройка у меня по-немецкому была. Но несколько фраз я помню точно.

— Например?

— Ви хайст ду? Их хайсе Федя. Ну, и так далее.

— Ну, этого, Федя, тебе будет вполне достаточно. Ты всё поймёшь. Хочешь, чтобы лейтенант выжил? Дюбин вас будет охранять. Посидит тут с винтовкой.

Бойцы уже сидели вокруг костра и хлебали из котелков и касок густое нелюбинское варево.

— Кондратий Герасимович, — окликнул Воронцов Нелюбина, хлопотавшего вокруг ведра, — ты сразу-то не перебарщивай. Не ели, небось, по несколько суток. Понемногу им сейчас надо. Пусть поспят пару часов, а там снова покорми.

Они пододвинули металлический ящик поближе к костру, откинули крышку. Три автомата, девять рожков, цинк с патронами, три сапёрных лопаты, три противогАЗа.

— Ох! Гожий же сундучок вы, ребяташки, нашли. — Нелюбин открыл один из противогАЗов. — А тут, видать, лекарства. Бинты вот, порошки. Может, и для лейтенанта что гожее есть? А, командир?

— Гожее, гожее. Тащи-ка из подвала немца.

— Хвершал там, в бане ночует. Рядом с лейтенантом. Там его Демьян держит.

Привели пленного. Тот схватил медикаменты и тут же побежал назад, к бане.

— Похоже, что и правда — настоящий доктор. Вон как старается.

— Он знает, за что старается. — И Воронцов окликнул часового, бегом поспешавшего за немцем: — Дюбин! Ты там не усни смотри. А то тебя немец будить не станет...

— У меня, командир, скорей он уснёт, — отозвалась темень.

— Что будем делать с немцами, курсант? — Нелюбин снял с палки ведро и прикрыл его сверху тряпичей.

— В костёр больше не подбрасывай. Хватит. Демаскирует. — Воронцов встал, взял с пенька котелок, вытащил из-за голенища ложку и принялся хлебать нелюбинский кулеш. — Спасибо, Кондратий Герасимович. Продукты вы не испортили. А с голодухи очень даже вкусно.

— Ну, конечно, не ротный повар, но при котле, в наряде, бывать случалось.

— Главное, не отошаем. Может, так и доберёмся до своих. Лесами. А там где-нибудь дырку найдём. Проскочим.

— Так что с немцами? Ребята на них косятся. Боюсь, ночью порежут.

— Немцев с собой поведём. Сдадим как пленных. Зачтут. За них Петров головой отвечает.

— Может, этот пьяница ихний лейтенанта нашего выходит. Всё же какая-никакая — польза.

На хуторе, вопреки первоначальному намерению выступить к фронту следующим же вечером, они простояли ещё несколько дней. Назавтра в полдень лейтенант Горичкин встал на ноги и, держась за притолоку, выбрался из бани. За ним следом вышел немец. Ноги лейтенанта тряслись. Немец его поддерживал.

Глава шестая

Фронт был рядом. По звукам, доносившимся из селений, которые они из предосторожности обходили стороной, по редким взрывам шальных снарядов, прилетавших с той стороны, из-за Варшавки, стало понятно, что они вышли в ближний тыл, что через два-три километра, а может, и меньше, начнутся немецкие линии. И здесь нужна была особая осторожность. Шли молча. Воронцов даже курить запретил. Хотя махорки давно уже ни у кого не было. Выкурили последние трофейные сигареты. Однако бойцы приспособились изготавливать табак из старого мха, листьев и травы. Курево, конечно, получалось слабым, а дым то невыносимо вонючим и приторным, то слишком кислым, то прогорклым и до одури противным. Но народ не унывал. Нелюбин посмеивался:

— Старики говорили: из бороньего зуба щей не сварить. А ведь неправда! Кустарный-то табачок очень даже питательный, порою у иных умельцев, вроде моего Куприкова, очень даже духовитый. — И вздыхал. — А что, товарищ курсант, как говорят: хлеба нету, так пей вино! А?

Воронцов присел на муравьиную кочку, снял в прицела чехол и начал всматриваться через прозрачные кусты в глубину дуга, где вот-вот должно было появиться тыловое охранение. Пролетела сорока, мелькнула в прицеле чёрно-белым ворохом своих крыльев и пропала в осиннике. Кто-то её вспугнул. Должно быть, охранение и вспугнуло. Когда проходило вон тот пологий дуг, обрамлённый с одной стороны стройным высоким ельником, а с другой таким же взгонистым зрелым березняком. Вот и летает теперь заполошная птица, не может никак успокоиться, что потревожили её покой, нарушили одиночество, принадлежащее только ей одной. Как должно быть счастливо одинокое существо в этом мире, подумал Воронцов. Ему не с кем враждовать. Собирай себе букашек и семена трав. Вон их тут сколько. Но сорока — хищница. И одиночество ей ни к чему. Это Воронцов знал.

Танкисты вышли из ельника одновременно. Они быстро пересекли луговину, и, если бы не чёрные комбинезоны, Воронцов вряд ли бы проконтролировал их появление. Ивовые заросли, ещё сохранившие на молодых побегах остатки бурой листвы, на некоторое время скрыли танкистов. Прицел был заполнен другими предметами. Танкисты вышли левее. Они часто оглядывались куда-то в дальний угол дуга, где темнели мокрые валуны, обросшие сизым лишайником. Пригнувшись, тут же побежали к нему. Мгновенно сразу всё поняв, Воронцов залёг и перевёл прицел в дальний угол дуга, туда, где зеленела изумрудной отавой болотистая лощина. Нет, никого там не было. Сорока вновь появилась в прицеле. Она стремительно ныряла в ольховые заросли, то исчезая в них, то вновь появляясь в сизой сырой дымке над лощиной. Слышался такой же нервный её стрёкот. Там кто-то ходил. Так сороки могут реагировать только на крупного зверя. Или на человека. Но вряд ли здесь, в нескольких километрах от фронта, остались кабаны или

лоси. Даже более мелкая живность наверняка давно откочевала подальше от грохота канонады и людей с оружием, заполнивших лес.

По хрусту травы и хриплому дыханию Воронцов понял: танкисты залегли где-то рядом.

— Демьян! — окликнул он младшего сержанта. — Кто там?

— Кто-то — за лощиной. С той стороны. Идут всё время параллельно нашему следу. На след не выходят. Дистанцию не сокращают.

— Вы их наблюдали?

— Нет. Думаю, и они нас тоже. Мы сразу сменили маршрут.

— Уходите живее. Я найду вас по следу. Передай Нелюбину — пусть свернёт в лес. Затайтесь там где-нибудь в лощине и выставите часовых.

Он продолжал осматривать опушку дальнего березняка за лощиной, гать левее, видимо, давно заброшенную, заросшую камышом и какими-то толстыми будыльями, высохшими и повалившимися в чёрную колею. Хорошо, что они не поехали по той дороге, не воспользовались бродом и не оставили там следа. Обозу он приказал двигаться по лесу. Но след за ними всё равно оставался. Если идут по нашему следу, то скорее всего местные полицаи. Эти не отстанут. Выследят и будут брать. А может, кто-нибудь и похуже.

Сорока вновь нырнула в березняк и больше не показывалась. Это означало только одно: те, кто её так раздражал, были совсем рядом. Оставалось ждать.

Качнулась ивовая ветка, роняя рыжий лист. Падающий лист мгновенно вспыхнул в окуляре прицела, как вспышка выстрела, и исчез в бурой траве. Человек в немецком камуфляже появился в глубине просеки. Остановился. Не оглядываясь, сделал знак рукой. И тотчас ещё трое в таких же камуфляжных накидках и кепи с длинными козырьками выскочили из-за ольх и, на бегу перестраиваясь в цепочку, напрямиком направились к броду. Трое. Четвёртый, опустившись на корточках, сидел на просеке и осматривал в бинокль луг и противоположную опушку. Блеснули окуляры его оптики. Судя по движениям, не заметил. Главное, теперь не двигаться. Хуже, если их больше. Четверо... Четверо... Четверо — тоже много. Нет, видимо, больше всё же никого. Четверо. Но если их только четверо... И если они идут по следу их обоза... Главное, не шевелиться. Сидевший на корточках встал, сунул за пазуху бинокль и тоже пошёл к броду. Во всё время, пока он сидел на просеке на четвереньках и смотрел в бинокль, ни с кем другим, кроме троих, перебежавших брод, он не перекинулся ни словом, ни жестом. Значит, четверо. Их было всего четверо. Вооружены немецкими автоматами. Приклады откинута для прицельной стрельбы.

Через минуту автоматчики в камуфляжах перебрались по гати через болотину и скрылись за ивняком в лощине.

Если они теперь за гатью уйдут правее, то след обоза не заметят. А значит, пусть уходит своей дорогой. Пусть спокойно уходят. Они — своей. Мы — своей. Такой вариант возможен был в том случае, если немцы шли не по следу.

Но “древесные лягушки” появились точно там, откуда полчаса назад выскочили танкисты. Значит, тележный след они всё-таки нашли и идут по нему. Пробежали шагов двадцать, присели. Видимо, совещались. Старший привстал и снова поднял к глазам бинокль. Опустился. И тотчас один из группы побежал назад, к броду.

Воронцов, всё это время лихорадочно метавшийся между надеждой, что всё обойдётся, что у “древесных лягушек”, скорее всего, другая задача, а не преследование обоза, и необходимостью действовать, мгновенно понял: если хотя бы один из четверых уйдёт, через несколько часов по их следу сюда придёт взвод с пулемётами и миномётами, они окружат обоз и всех расстреляют с расстояния. Кому-то повезёт меньше — их захватят живыми.

Он просунул винтовку в развилку молоденькой берёзки и взял в прицел бегущего к броду. Никто не должен раньше сроков вынести из леса тайну того, что здесь происходит и что через минуту произойдёт...

Хотя их обоз, как видно, для кого-то уже не тайна. Тогда хотя бы выиграть время. Несколько часов времени отряд выиграть у погони ещё может.

При условии, что он, Воронцов, командир отряда, будет действовать сейчас безошибочно.

Выстрел прозвучал так громко, что тишина лесного дуга, счастливо затеявшегося в прифронтовой полосе и чаявшего не увидеть ни человеческой крови и не услышать ни близкой стрельбы, ни стога смертельно раненных, оказалась разнесённой в ключья. У Воронцова оставался ещё один шанс и ещё один более или менее верный выстрел в том случае, если “древесные лягушки” не успели проконтролировать место вспышки его первого выстрела. Хотя это противоречило одной из главных заповедей снайпера: не стрелять с одной позиции, какой бы удобной и выгодной она ни была, более одного раза. Воронцов рискнул. Он остался в прежней позе: стоящим на колене, с винтовкой, удобно прилаженной на сучке молодой берёзы. Берёзка ещё шелестела, хлопала на ветру не опавшей листвой и неплохо его маскировала. Оставалось надеяться на то, что ветер мгновенно рассеял пороховой дым, и “древесные лягушки” его тоже не заметили. Упасть в траву и откатиться в сторону, чтобы поменять позицию на случай прицельного ответного выстрела, означало увеличить реальность того, что его заметят именно во время выполнения этого маневра. Если за ними идут немцы, то — егеря. Если спецподразделение, какая-нибудь айнзацкоманда, то тем более следует опасаться их. Всё знают, в том числе лес и повадки тех, кого преследуют. Правда, почему-то без радиопередатчика. Обычно такие группы, отряженные для преследования или выслеживания партизан, обеспечиваются портативным передатчиком “Петрике”. А эти, видимо, осуществляют связь посредством связных.

Воронцов наблюдал одним глазом — в окуляр прицела, — как неподвижно лежал в траве, упав ничком, вперёд и немного развернувшись, так что одна рука была с размаху откинута назад, связник, а другим, как залёгшие в траве крутили козырьками длинных кепи, похожих на утиные клювы. Они пока не стреляли. И Воронцов понял, что он всё же заполучил у судьбы и второй выстрел. Связник признаков жизни не подавал. К нему никто не бросился на помощь. Значит, он не стонал и не издавал других звуков, которые всегда заставляют находящихся рядом подбежать или подползти к раненому для оказания помощи. Но стрелять в первую же попавшуюся в прицел кепи или самую удобную цель было нельзя. Мешала листва, закрывавшая прицел своими жёлтыми напыльями. Следующий выстрел он должен сделать только в одного из них. Только в одного. Но его Воронцов пока ещё не видел. Для того, чтобы увидеть в прицел новую цель, нужно было перенести, переложить на другой сучок винтовку.

Воронцов осторожно перевёл ствол винтовки левее. Прицел удачно миновал жёлтые напыльи листвы и заскользил по бурным разводам травы. Вскоре остановился. Вот они... Лежат... Все трое... От напряжения скрипнули шейные позвонки. Который из них? Кепи приподнимались из травы и исчезали. Двигались плавно, словно в воде. В их движениях чувствовалась уверенность, опыт. Один начал отползать левее. Воронцов увидел стриженный затылок и белую подкладку капюшона. За спиной вещмешок. Но не красноармейского образца. Узел затянут не лямкой, а шнурком, который завязан петлёй и свисает вниз. Нет, не этот... Этот выполняет приказ. Командир тащить мешок не будет. У немцев это соблюдается строго. Значит, один из этих... Вон он. Лежавший правее шевельнулся и медленно приподнялся. Он наблюдал в бинокль. Движения его были медленны, как у хищника, готовившегося к атаке. Он вёл биноклем в сторону Воронцова. Вот остановился, замер, вытянул шею, бинокль в его руке вздрогнул, то ли он что-то успел сказать своим подчинённым, то ли не успел ничего, а просто пуля, вылетевшая из ствола “маузера”, мгновенно описав короткую, в полтора метра, траекторию над прогорклой осенней травой невыкошенного дуга, пробила ему кадык, и камуфляж рухнул в ту самую траву, которую только что обжил — примял, нагрел своим телом.

То, что произошло в следующие минуты, Воронцов отчасти предугадал заранее. Человек на войне приобретает многое. И если ты не пропал в одной из первых атак, не сгинул во время выхода из окружения, когда никому ни до кого, если научился спать вполглаза и при этом слышать не вполу-

ха, а абсолютно всё, что происходит вокруг, и мгновенно давать оценку услышанным звукам, то это означает, что ты научился жить на войне. Ты стал частью войны. Ты даже менее уязвим, чем еловый кол, стоящий в двадцати пяти шагах от твоего брестера с обрывками колочей проволоки. И вот теперь, не искушая судьбу, Воронцов медленно опустился в траву. Автоматы уже грохотали длинными очередями, и пули рубили верхушки сухостоя и кору деревьев вокруг. Но это была неприцельная, слепая стрельба. Так ведут огонь испуганные и неуверенные стрелки, желая, в первую очередь, психологически подавить противника, вынудить его сделать ошибку, торопливое движение — машинальный жест самосохранения или такой же торопливый ответный выстрел. Тогда станет ясно, где затаился противник и куда надо бросать гранаты, куда стрелять. По характеру стрельбы Воронцов понял, что “древесные лягушки” до сих пор не обнаружили его. Позиция могла послужить ещё одному верному выстрелу. А значит, незачем пока менять её. Надо лежать и ждать. Терпеливо выжидать удобного момента и наверняка поражать цель, как сказано в уставе.

Вот один автомат умолк. Кончились патроны. На то, чтобы перезарядить новый рожок, даже самому опытному солдату потребуется около десяти секунд: подтянуть автомат к себе, отщёлкнуть пустой рожок, вытянуть из магазинной сумки или из голенища сапога полный, защёлкнуть его на место, взвести затвор, чтобы дослать патрон в патронник. При этом стрелок вряд ли будет отвлекаться на наблюдение за противником. А этого вполне достаточно, чтобы произвести очередной выстрел. Но стрелять надо не в него. Хотя Воронцов его хорошо видел в прогал между двумя кустами ивняка: кепи торчала из травы, как манекен на стрельбище. И всадить пулю под обрез этой кепи, в висок или переносицу, не составляло для такого стрелка, каким был Воронцов, особого труда. Но именно это и было бы роковой ошибкой, после которой он бы остался с последним автоматчиком на равных. Впрочем, преимущество у него всё же было, и пока существенное: расстояние, которое делало стрельбу из автоматов малоэффективной.

Второй автомат тем временем продолжал молотить по площади, сосредоточив огонь в основном на зарослях ельника правее Воронцова. Именно там он хотел залечь в начале боя. Но, как оказалось, именно заросли можжевельников кустов больше всего настораживали и привлекали внимание “древесных лягушек”. Воронцов медленно начал привставать на колени, так же медленно просунул между ветвей винтовку. Прицел заскользил по бурым разводам травы и редких кустарников, остановился, замер. Воронцов сделал небольшую поправку на ветер и плавно надавил на спуск. Послышался стон и крик испуганного внезапной опасностью человека. Значит, промахнулся, понял Воронцов и тут же залёг, отполз на несколько шагов в сторону. Отсюда он уже не видел второго автоматчика, того закрывали кусты. Но кусты закрывали и его, Воронцова, от автоматчика, который наверняка его уже заметил. Стрельба прекратилась. Раненый продолжал стонать. А второй автоматчик молчал. Затаился и тоже ждал. Начался поединок.

Когда-то в детстве Воронцов услышал от деда Евсея такое поучение: если ты не видишь зверя или птицу, но слышишь её на расстоянии выстрела или точно знаешь, что она здесь, наберись терпения и жди. Не крути головой, не переступай с ноги на ногу, не шевели ружьём и ни в коем случае не пытайся найти её. Шевелить можешь только ноздрями. Не издавай ни звука. Растворись в тишине. Превратись в зверя или птицу. Стань такой же осторожной и мудрой, как она. Но помни, что ты — человек, и у тебя больше терпения и хитрости. Слушай, приноживайся к воздуху и жди.

Глава седьмая

Если они одни, то ждать можно спокойно. И минуту, и час. Тот, последний, которому Воронцов ещё не подарил свою пулю, тоже замер и тоже ждёт. Но он ждёт другого. И надежды у него другие. Потому что он не видит ничего, кроме леса впереди, редких кустов, заросших травой, с первы-

ми морозами превратившейся в солому и будьяля, да своих товарищей, которые истекали кровью справа, слева и позади него. Это, конечно, не прибавляло ни сил, ни храбрости. Но самое главное и самое опасное для него, он не видел стрелка, который тремя выстрелами выбил почти всю группу и теперь охотился за ним. Правда, его могла достать одна из автоматных очередей, которыми они хлестали хоть и наугад, но зато густо, так что основательно обработали все кусты, обступавшие их. Но расстояние... Расстояние, которое разделяло их, уменьшало шансы того, у кого в этот момент оказалось оружие ближнего боя, и увеличивало шансы того, у кого была винтовка.

Воронцов неподвижно стоял между двух кустов, упершись локтем в колено и держа на мушке последний коридор дуга и зарослей кустарника. Где-то за теми ивами замер последний автоматчик из группы “древесных лягушек”. Воронцов успеет взять его на мушку, даже если тот сейчас появится не там, где он его ждёт. Главное, не шевелиться. Первое, что может подумать последняя “лягушка”: стрелок убит автоматной очередью. Второе: ушёл, тихо упоз в лес и ушёл. Но оставалось и третье, самое опасное. Но “лягушка” не уверена ни в одном, ни в другом, ни в третьем. А Воронцов знает точно: немец жив, лежит где-то там, в сотне шагах от него, за кустами, и тоже ждёт.

Снова застонал раненый. Но уже тихо. Стоны раздавались через одинаковые промежутки времени, всё тише и тише. Надо ждать... Ждать... Не двигаться... Окаменеть... Воронцов почувствовал, как от напряжения поскрипывают шейные позвонки. Шевельнул пальцами — нет, всё в порядке, руки не затекли, не онемели, вполне послушны и готовы мгновенно исполнить любую его волю.

Раненый наконец затих. Только ветер гулко гулял по верхушкам сухих трав, теребил остатки листвы на ивах. Сорока вновь застрекотала в лесу. А может, Воронцов до этой минуты просто не обращал на неё внимания, весь поглощённый схваткой. Он прислушался. Он-то знал, что именно теперь сорочий гам тоже мог стать частью схватки, которая ещё не закончилась. Сорока явно кого-то заметила и сопровождала. Но на этот раз она подняла переполох не в ложине, откуда пришли “древесные лягушки”, а слева и немного позади его, почти там, куда ушли танкисты. Воронцов замер, прислушался. Если четвёртый немец успел отползти и теперь обходит его, он это услышит. Но ничто, ни единый звук не нарушал гулко шороха травы, придавленной ветром. Казалось, что никого, кроме ветра, и не было здесь в эти сдавленные ожиданием мгновения. Даже его, Воронцова, с винтовкой, вскинутой к плечу, тоже здесь не существовало. Только ветер, трава и кустарник с необлетевшей листвой. Даже сорока затихла. И Воронцов, не выдержав напряжения, начал медленно поворачивать голову.

Там, левее, в березняке, мелькали фигуры танкистов. Видимо, услышав стрельбу, охранение вернулось. Воронцова охватило беспокойство: танкисты бегут гурьбой, возможно, прямо на выстрел затаившегося автоматчика. Но останавливать их было уже поздно, да и себя он мгновенно бы выдал. И тогда, понимая, что всё произойдёт в ближайшую минуту-две, а может, и гораздо быстрее, Воронцов принял мгновенное решение: он начал медленно вставать, держа винтовку наготове. Глаза его ощупывали каждый бугорок впереди, каждую ветку зарослей густого кустарника, где несколько минут назад он потерял из виду четвёртого немца. Танкисты тем временем приближались, охватывая дуг слева своей короткой цепью. С ними был и младший сержант — его голос Воронцов услышал отчётливо: Демьян спрашивал танкистов, где они выходили, а потом скомандовал: в цепь. Воронцов распрямил спину и уже стоял во весь свой рост. Левая рука, поддерживающая холодное цевьё винтовки, начала дрожать, и бурые наплывы луговой травы, приближенные сильной оптикой прицела, задрожали ещё сильнее.

— Обходи левее! — послышался голос Демьяна.

И тотчас из-за куста привстал и замер со вскинутым автоматом осторожный, как рысь, человек. Он выжидал, когда танкисты, явно не видевшие его, подойдут на расстояние верной очереди. Приклад автомата был откинут. Немец рисковал. Но это выдавало в нём опытного и хладнокровного воина.

Воронцов подвёл уголки прицела под обрез кепи, потом опустил ещё немного и плавно нажал на спуск. Немец вскинул над головой автомат и опёрся на спину.

Воронцов собрал автоматы, отстегнул магазинные подсумки, снял ранцы.

— Там, дальше, четвёртый, — указал он Демьяну в сторону лоцины.

— Ну, командир, навалил ты гансов! Четверо!

Минуту спустя, когда они отошли в лес, оставив на опушке Михайлова, он услышал такой разговор Демьяна и Штыренки:

— Обрати внимание, Штырь, все трое убиты в шею или в горло.

— У этих двоих — пуля вон куда вошла, под ухо. А у этого кадык оторвало. И где наш командир так стрелять научился?

— Курсант. Там их основательно учили.

Воронцов подошёл к ним, когда они уже сняли дёрн и начали углубляться в сырую землю.

— Глубоко не копайте. Надо спешить.

Он вытащил из-за голенища нож, спустился в лоцину и нарезал ивовых веток.

— Потом сверху набросать... Если будут искать, то, конечно, найдут. Но если им не до того, то и так сойдёт.

Демьян торопливо выбрасывал из ровика землю. Вскоре его сменил Штыренко. А Демьян обошёл немцев вокруг и указал лопатой:

— Обужа на них исправная. А, командир? А у нас половина отряда — разутые. И куртки у них хорошие. Сюда бы Золотарёва. Он бы быстро инвентаризацию произвёл.

— Вот что, Демьян, давайте быстро снимайте с них всю амуницию. Тела — в яму, а форму свяжите ремнями, по комплектам. Она нам ещё очень может пригодиться.

— Бинокль-то возьмите, товарищ командир. Это ваш трофей, законный. — И Демьян протянул Воронцову бинокль. — Видать, офицер. Вон у него какие нашивки.

— Да нет, не офицер. Шарфюрер, — определил Воронцов. — Петлицы, видите, какие? Руны. СС. У них свои звания. Не такие, как в вермахте.

— Один хрен — фашисты.

— Эсэсовцы хуже. Пленных наших расстреливают.

— У них в эсэс что ни звание, то — фюрер. Все фюрерами хотят быть. На нашей земле.

— Шарфюрер — это кто, старшина, чи шо? — поинтересовался Штыренко.

— Нет, унтер-фельдфебель, — пояснил Воронцов. — А по-нашему — старший сержант.

— А я думал, связисты или что-то в этом роде. Может, думаю, электрики какие-нибудь... — И Штыренко снова налёг на лопату.

— Ну да, Штырь, — тут же усмехнулся Демьян, — строители Днепророзга.

— Всего лишь старший сержант, а с биноклем. У нас во всём танковом батальоне всего три бинокля. А в пехотном батальоне, наверное, только у одного комбата.

Воронцов взял бинокль и пошёл к опушке, где сидел на корточках за кустом крушины часовой.

— Михайлов, ну что?

— Всё спокойно. Даже сороки не трещат. Напугали вы их своей стрельбой, товарищ командир.

— Стрельбы было много. Это верно. Но я стрелял мало.

— Всего четыре раза, — засмеялся танкист и смерил взглядом расстояние от лежавших в траве тел до позиции Воронцова.

— Иди, помоги ребятам. А я пока тут подежурю.

Воронцов подобрал с земли винтовку, положил её на колени и хотел было встать, но вскинул к глазам бинокль и решил ещё раз осмотреть противоположную опушку и гать. И тут же сказал танкисту:

— Штыренко, замри. А теперь тихо, без резких движений, — на землю.

— Что там, товарищ командир? Опять немцы?

— Может, и не немцы, но то, что по нашу душу — это точно. Ползи к ребятам, скажи, чтобы заканчивали. Через пять минут уходим.

Снежная крупа перешла в густые хлопья. Снова дёрнул и помчался по дугу ветер, захватывая остатки листвы на ивах и берёзах. Линзы бинокля залепляло белым, мутным, так что приходилось то и дело прочищать их. Сквозь молочную пелену снежных зарядов Воронцов всё же разглядел цепь, которая медленно выбиралась из леса и выравнивалась в ложине перед гатью, всадника на сером коне в казачьей папахе, группу людей, стоявших на опушке. Он протёр линзы и ещё раз всмотрелся в стоявших на опушке: один смотрел в бинокль, двое о чём-то разговаривали, одеты странно — двое в красноармейские офицерские шинели, перетянутые портупьями, один в куртке “древесной лягушки” и немецкой офицерской фуражке.

Спустя несколько минут они уже бежали по лесу, держась глубоко прорезанной во мху тележной колеи. Воронцов шёл замыкающим, время от времени останавливался, прислушивался. Погони он не слышал. Однажды во время очередной остановки он внимательно осмотрел свои руки, поднёс их к глазам. Нет, они не дрожали. На кончики пальцев падали снежинки и тут же таяли, прозрачными струйками стекая вниз, в ладони. Он подождал, когда в ладонях соберутся лужицы, и жадно схлебнул их и не почувствовал ничего — ни жажды, ни избавления от неё. Внутри, будто стальной стержень, стояла та же твёрдость и холодная мысль о том, как действовать в следующую минуту.

Примерно через час они догнали свой обоз.

Нелобин вёл его лесной дорогой, выслав вперёд усиленный дозор.

Остановились. Стали решать, что делать дальше.

— Распрягай коней, Кондратий Герасимович! Живо! — распорядился Воронцов. — Телеги загнать в лес, замаскировать. Лейтенанта посадите на коня. Петров, раздайте одежду и обувь всем, кто разут и плохо одет. Оружие я раздам сам. Гранаты — только тем, кто умеет ими пользоваться. Действуйте. — Затем он окликнул Степана. Развернул карту.

Дорога шла, по всей вероятности, через ту самую гать, которую они миновали стороной, и вела в село Маковец, которое было обозначено на карте как крупный населённый пункт.

— Там наверняка сильный гарнизон. До фронта — километра три-четыре. Если они нас прижмут к этому селу, то...

— Надо изменить маршрут, — предложил Степан и кинул пальцем на север.

— Глубже в их тыл? — Воронцов задумался. — Конечно, они, если даже потеряют след, будут искать нас здесь, в ближнем тылу. Да, Стёп, ты, пожалуй, прав — поворачиваем резко на север. Здесь больше возможности затеряться, оторваться от погони.

Но вначале они несколько километров прошли по дороге, потом часть отряда свернула на юг, к фронту, а другая часть продолжала идти по дороге. Затем они соединились, свернули на юг, прошли с полкилометра и так же резко повернули на север. Арьергардное охранение тащило за собой срубленные молодые берёзки. Листва легко скрывала тропу отряда. Шли след в след, аккуратно и тщательно затаптывая глубокие лунки лошадиных копыт. Снег сыпал до самой ночи и прятал то последнее и незначительное, что оставляли люди.

Глава восьмая

Воронцов приказал не останавливаться до утра. Шли из последних сил. Шли, засыпая на ходу, толкая плечами деревья и мгновенно просыпаясь от посторонних шорохов и криков младших командиров: “Не спать! Подтянуться!” Разговаривать Курсант запретил. Команды — только полусёпотом.

Нелобин, не доверяя конвоирам, которые тоже клевали носом, сам приглядывал за пленными. Шёл немного позади и всё время смотрел вперёд

и слушал, не шагнул ли кто из немцев в сторону, не замер ли за деревом. Нет, Нелюбина не обманешь, Нелюбин на войне уже опытный человек. Не только на фронте, но и в окружении, и в плену, и в партизанах побывал. И что такое ночной марш по лесу без дороги, с вымотанными вконец людьми тоже знает. Слава Богу, приделали немного совсем обносившихся и раздетых. Теперь и они стали похожи на бойцов. Эх, какой молодец у них командир, думал Нелюбин о Воронцове. Вот выйдем, выпустил он на волю свою мечту, и присвоят нашему курсанту лейтенантское звание. А может, даже сразу старшего лейтенанта. А что? Разберутся, учтут все его заслуги и героические поступки и вынесут справедливое решение — присвоить курсанту Воронцову Александру Григорьевичу звание старший лейтенант и назначить на должность... командира стрелковой роты, а может, даже и батальона! Вот так! С таким командиром не страшно воевать. Умный, рассудительный. Младших командиров ценит, прислушивается к их мнению. Хотя и строг порой бывает. Настоящий боевой командир. Другого солдату и желать не надобно.

— Кондратий Герасимович, — очнулся Нелюбин от голоса Воронцова. Тот догнал его и, видать, давно уже шёл совсем рядом. — Останавливайте людей на отдых. Располагайтесь. А я с танкистами и Степаном вперёд пройдуся.

— Есть останавливаться. А костёр можно жечь? Обсушиться бы...

— Придётся. Все продрогли. Обувь хлопает, одежда мокрая. Где-нибудь под елью, чтобы сверху не было видно. И по бокам заплетите маты. И теплей будет, и маскировка какая-никакая...

— Слушаюсь.

Нелюбин остановил колонну. Распорядился о дозорах, костре, матах и лошадях. А Воронцов собрал вокруг себя танкистов, окликнул Степана.

— Вот что, ребята. Пока взвод будет отдыхать и приводить себя в порядок, мы должны разведать маршрут. Впереди, как я понимаю, последний переход. Надо всё там прощупать, продумать. У кого есть какие предложения?

— Я согласен с Александром Григорьевичем, — отозвался Демьян. — Эту разведку лучше провести самим.

Впервые во взводе его называли имени и отчеству.

— Я тоже так думаю, — кивнул и Степан.

Пошли. Рассвет ещё дремал где-то на востоке, в той стороне, где рокотал и гулко долбил мёрзлую землю фронт, передвигаая с места на место своё непомерно разросшееся железное тело. Впереди Демьян с Николаевым, следом на ними, шагах в двадцати, на пушечный выстрел, Воронцов, Штыренко, а замыкающим — Степан. Это были самые надёжные люди в его взводе, на кого он мог положиться как на себя самого. Так, в полной темноте, прошли несколько километров, когда в лицо пахнуло свежим ветром и вместе с его лёгкими порывами откуда-то из глубины бездонной темноты донёсся какой-то странный звук, явно чужой и лесной тишине, и рокочущей впереди войне. Тут же рябчиком свистнули в передовом дозоре, и вся группа замерла в ожидании. Звук повторился. Из передового дозора пришёл Демьян и сказал, возбуждённо дыша морозным паром:

— Александр Григорьевич, товарищ командир, похоже, там или дорога, или, скорее всего, сборный пункт битой техники.

— Почему ты так думаешь?

— Так это ж танк ремонтируют! Во-во, слышите? Кувалдой палец загоняют. Гусеницу сращивают. Я это ни с чем не спутаю. Тут у них ближний тыл? Так? Чтобы битую технику не далеко таскать. Что у наших, что у них...

— Выходит, мы вышли на их тылы? Что ж, похоже. Пора. Тогда здесь где-то должны быть их посты.

Дальше пошли двумя группами по два человека. Воронцов с Николаевым двинулись в обход справа, младший сержант Петров со своим заряжающим начали обходить слева. Степан остался в прикрытии.

Все эти дни казались Степану Смирнову одним непрерывным сном. Сон длился, прессывая новые события и превращая их в смутную массу. Так он жил почти год с тех пор, как попал в плен. Потом служба в русской роте, которую вскоре стали называть Боевой группой Радовского. Бывший переводчик штаба 5-й танковой дивизии получил разрешение на формирование

вспомогательного подразделения. Дивизия несла большие и непрерывные потери. Тыловые службы, из которых почти каждый день кого-нибудь забирали и отправляли на передовую, начали заполнять пленными русскими. Но Степан сразу был зачислен в Боевую группу. По сути дела это был полнокровный батальон: три взвода курсантов, которых обучали навыкам ведения боя в лесу и на открытой местности без применения тяжёлого оружия, взвод связи, разведвзвод, из которого потом часть людей перевели во вновь формируемый диверсионный взвод, транспортный взвод, миномётный взвод, хозвзвод, караульный взвод. Степана зачислили в разведвзвод. Радовский сразу приметил его и начал брать с собой на задания. В Боевой группе поговаривали: и зачем старику, бывшему белогвардейцу, бегать с молодыми разведчиками по лесам? Какая в том надобность? Не доверял? Но тогда мог бы послать других инструкторов. Когда ликвидировали кочующий “котёл” 33-й армии и поступил приказ захватить во время выхода управление вместе с двумя генералами*, Радовский, казалось, не спал сутками. Разведвзвод гоняли день и ночь. По всему чувствовалось, что предстоящей операции немецкое командование придавало особое значение. В роту приезжал какой-то важный штабной чин, ходили разговоры, что из самого Берлина.

И вот в начале апреля их перебросили в расположение 33-й армии. Сплошной линии фронта не существовало, и они свободно прошли по одной из просёлочных дорог в деревню, занятую обозами армии, изготовившейся для решающего броска в сторону Юхнова. Их группу возглавлял сам Радовский. Вначале всё шло хорошо. Агент, некий Профессор, всегда находившийся рядом с генералом, исправно снабжал их информацией о маршруте движения. Непосредственно с ними в связь вступал не сам Профессор, а его связник. Профессора Радовский берёт как ценнейшего резидента и поэтому оградил его от малейшего риска. Хотя, и это Степан заметил сразу, своего ценного резидента Радовский презирал. Что, впрочем, никак не мешало делу. Всё было отлажено. Действовало, как механизм тщательно вычищенной и смазанной винтовки. Информация из штаба окружённой группировки — связник, который тут же передавал её дальше — немедленная реакция группы Радовского и, одновременно, — информирование через других связников штаба 5-й танковой дивизии. Люди, участвовавшие в проведении операции, действовали слаженно. Всё шло к тому, что задача будет успешно выполнена и управление 33-й армии, весь её штаб, со всеми службами и архивом, окажется в руках немцев. То есть вначале в руках Боевой группы Радовского. И только потом — немцев. Но именно немцы вскоре всё и испортили. Видимо, почувствовав напор прорывающихся и боясь, что им действительно удастся уйти через их оборонительные линии к Юхнову, немцы начали непрерывно атаковать и обстреливать из орудий и миномётов колонну кочующего “котла”. На дорогах курсировали танки, которые открывали огонь на любое движение в поле их видимости. Штабная группа почти вся погибла. А когда генерал потерял связь и управление дивизиями и группами оказалось полностью нарушенным, он просто поступил так, как должен поступить офицер. Степан видел, как это подействовало на Радовского. Тогда, в сосняке, они тоже едва не погибли под пулями автоматчиков, которые зачищали лес. И там уже началась другая война. И у курсанта Смирнова именно тогда мелькнула надежда уйти к своим. Вместе с Санькой Воронцовым. Вместе со старшиной. Не вышло. И выйдет ли теперь?

Степан слушал ночь. Разведка ушла вперёд. Обе группы исчезли в густой темени предрассветья, растворились в тишине. А в поле, которое угадывалось по характеру тянувшего оттуда ветра и звукам, действительно ремонтировали какую-то технику. Либо немцы стояли на дороге, устраняя какую-нибудь поломку, либо...

* Во время прорыва из окружения Западной группировки 33-й армии в апреле 1942 г. в составе штабной группы было два генерала: командующий 33-й армией генерал-лейтенант М. Г. Ефремов и командующий артиллерией 33-й армии генерал-майор П. Н. Офросимов. М. Г. Ефремов застрелился во время последнего боя, получив тяжёлое ранение. П. Н. Офросимов был ранен в грудь днём раньше, во время очередной атаки на прорыв, в лесу, и вскоре умер.

Неожиданно, так что Степан даже вздрогнул и машинально плотнее прижал к телогрейке металлическую скобу откидного приклада “шмайссера”, взревел мощный танковый двигатель. Дернул несколько раз на высоких оборотах и заработал мерно. Но это был не немецкий бензиновый двигатель. Моторы немецких танков работали иначе.

Рёв мотора заставил залечь и обе группы разведчиков. Демьян Петров, услышав раскатистый запуск родной “тридцатьчетвёрки”, присел и перестал дышать. Откуда здесь наши? Неужели наши? Кто там, на дороге? И куда они вообще вышли? Может, в темноте они благополучно миновали посты обеих линий и оказались на своей стороне, в ближнем тылу? И вот вышли в расположение ремонтного подразделения.

— Штырь, слышал?

— Демьян, наши, чи шо? — поднял голову Штыренко, изо всех сил вслушиваясь в глубину дороги.

Звук запущенного мотора застал их как раз в тот момент, когда они перебежали просёлок, исклёванный гусеницами не то танков, не то тягачей. Разъезженные колеи смёрзлись, образовав две глубоких траншеи. В одну из них и залёг безжавший следом за своим командиром Штыренко.

— Бачь, командир, по-нашему гуторюют.

— Хер поймёшь, — прошептал сквозь стиснутые зубы младший сержант Петров. — Одно пока ясно: там, на дороге, “тридцатьчетвёрка”... и её ремонтируют. А запустили для того, чтобы прогреть.

Теперь, когда двигатель танка был запущен и тишина была в одно мгновение разрушена, разведчики почувствовали себя свободнее. Звуки кувалды не прекращались. Обойдя заросли кустарника, танкисты увидели шагах в двадцати от дороги, ближе к перелеску, вывернутый в сторону хобот башенной пушки, очертания башни и кормы Т-34. Возле танка стоял немец с зажжённым факелом. В каске с подшлемником, в шинели, повязанной то ли шарфом, то ли скрученным бабьим платком. Винтовку он держал подмышкой.

— Немец.

— Часовой. Греется, — зашептал, загораясь азартом младший сержант Петров.

— Ты что задумал? Надо с Курсантом согласовать.

— А что тут согласовывать? Командир и сам сейчас наверняка о том же думает.

Тем временем возле танка шла работа. Возле распушенной гусеницы мелькали люди, одетые не то в телогрейки, не в комбинезоны. Ещё двое гремели кувалдой. Ещё один обдалбливал гусеницу на другой стороне. Видимо, она вмёрзла в землю. Слышались голоса. Звук работающего мотора заставлял говорить громко. Говорили на двух языках.

— Придержи, придержи!

— Да ты ж мимо сергы́ не бей! Один раз по железке, два раза по рукам... Работник, твою-раствору...

— Ничего не вижу. Скажи ему, чтобы повыше светил.

— Скажи ему... Он тебе по башке засветит...

— Kurt, sagt Sie mir die genaue Zeit?¹

— Halb seben².

— Beeilen Sie sich!³ — закричал ещё один, высунувшийся из башенного люка. — Иван, быстро! Бистро! — И снова исчез, грохнув за собой люком.

Стало развиднать. Засинелось внизу, где проходила неглубокая лощина.

Немцы загремели котелками. Вспыхнул за кормой небольшой костерок. Видимо, плеснули соляры.

— Kurt, — снова послышался знакомый голос, — bitte Speisekarte!⁴

— Fleisch in Aspik! Und... Und Zwiebelsuppe!⁵

¹ Курт, который час?

² Четверть седьмого.

³ Поторапливайтесь!

⁴ Курт, пожалуйста, меню!

⁵ Заливное мясо! И... и луковый суп!

— Sprechen Sie mir bitte, ist das Frühstück im Preis inbegriffen?¹ — про-рычала, высунувшись из люка, голова в мятой офицерской фуражке с наушниками, и возле танка раздался дружный смех.

— Что они там?..

— Меню обсуждают, завтрак, — коротко перевёл Воронцов.

— Шутники.

— Интересно, что у них на завтрак? — поинтересовался Михайлов.

— Мясо заливное и луковый суп, — сказал Воронцов, не отрываясь от бинокля.

— А шо цэ такэ?

— Ты что, Штырь, не знаешь, что такое луковый суп?

— Та ни. Цэ я бачу. М'ясо заливное...

— А это, Штырь, навроче нашего холодца, — снова усмехнулся младший сержант Петров.

— А-а...

— Ну что, ребята, будем ждать, когда они свой луковый суп сварят? — И Воронцов опустил бинокль.

— А что ты предлагаешь, командир?

— Демьян, ты мне сперва вот что скажи: кто-нибудь из вас танком управлять может?

— У нас в экипаже полная взаимозаменяемость. Все могут. Но лучший мехвод — Штыренко. Что молчишь, Штырь?

— Смогу, — коротко согласился Штыренко.

— Тогда будем брать танк. Николаев, дуй быстро за Степаном. Не вздумай срезать. Иди точно по нашему следу. Тихо. Наблюдай и слушай. Если что, три раза — рябчиком. Вперёд.

— Есть, командир. — И Николаев бесшумно растворился в зарослях кустарника.

Воронцов снова вытащил из-за пазухи бинокль. Танкистов было трое или четверо. Один сидел возле костра и занимался приготовлением завтрака. Другой ломом отдалбливал мёрзлую землю. Третий, видимо, командир, сидел в танке. Но возможно, там же, в танке, был и ещё один. Механик-водитель. Он сидел за рычагами и не высовывался, прогревал двигатель. Значит, четверо. Пятый немец, с винтовкой подмышкой, похаживал с факелом вокруг русских механиков. Если не брать в расчёт русских, немцев всего пятеро. Как раз по одному.

— Ну, что, Семён, надо натягивать, — сказал пожилой механик своему напарнику.

Кувалда затихла. Русские встали, проделали в отверстия крайнего звена лом, тяжело подняли и так же тяжело понесли провисающую дорожку гусеницы к танку. Перекинули через ленивец. Загрели ломом по каткам. Немцы тут же кинулись им помогать. Снова ударила по металлу кувалда.

— Ловко работают. Со знанием дела, — заметил Демьян.

Русские ещё возились с гусеницей, а немцы гуськом побежали к лошине. Через минуту там, в овраге, загремели железом. Вспыхнул скупой луч карманного фонарика. Погас. Танкисты вскоре вернулись, неся на плечах какие-то продолговатые предметы.

— Снаряды несут, — догадался Демьян.

— Интересно, откуда?

Один из немецких танкистов нырнул в открытый люк башни, другой стоял на площадке трансмиссии. Третий подавал длинные снаряды, сложенные внизу. Получалось у них ловко и быстро. Как будто всю войну они воевали на “тридцатьчетвёрке”. Через несколько минут они снова побежали в лошину и опять вернулись со снарядами.

План созрел мгновенно. Воронцов с беспокойством оглянулся: позади, в кустах, захрустела трава под торопливыми шагами — наконец-то пришли Николаев и Степан.

¹ Скажите, пожалуйста, входит ли завтрак в стоимость номера?

Глава девятая

Они побежали гуськом к лощине. Воронцов — впереди, Степан — замыкающим. Танкисты — в середине. Танкистов надо было беречь. Тихо спустились в лощину. Взяли правее, пробежали по темнеющей ольховой лиственной стёжке, протоптанной, видимо, немецкими танкистами, и вскоре впереди, на переезде, увидели застрявшую в болотине вторую “тридцатьчетвёрку”.

В поле уже рассветало. Только здесь, в глубине лощины, переходящей в лесной овраг, всё ещё царилась ночь. Воронцов сидел на четвереньках, прижавшись к заиндевелым каткам танка и прислушивался. Т-34, по всей вероятности был вполне исправным. Его просто утопили в болоте. Теперь он вмёрз в грязь, одной стороной утонув почти до моторной решётки. И немцы перетаскивали из затопленного танка боеукладку. Однажды на дороге, пережидая немецкую колонну, Воронцов видел целую колонну наших “тридцатьчетвёрок” и тяжёлых КВ, уже перекрашенных, с крестами на башнях. Шли они к фронту. Вот и этот Т-34 завтра-послезавтра вытащат. А тот, куда таскают снаряды, видимо, уже боеготов. Немцы — народ хозяйственный, бережливый. Из лесов вытащили все брошенные нашими войсками пушки и миномёты, собрали все снаряды и мины. И теперь стреляют из них по нашим же окопам и танкам.

Голоса, которые донёс со стороны поляны низкой утренний ветер, заставили Воронцова забыть обо всём. Он держал в рукаве нож, найденный им несколько дней назад, ещё до морозов, на теле убитого снайпера. Винтовку он оставил Нелюбину. Ремень МП-40 перекинул через голову, передвинул автомат за спину, чтобы не мешал свободно двигаться.

Немцы шли не спеша. Один из них курил, роняя под ноги тусклые искры. Шли спокойно, переговаривались. Миновали ивовый куст, за которым затаился Николаев. Начали приближаться к танку. Воронцов примерился к замыкающему. Курил именно тот, шедший последним. Его предстояло валить Воронцову, если Степан замешкается. Плотный, чуть выше среднего роста. Здоровяк. Не дай бог, если именно он полезет в танк. Штыренко, метр с пилоткой, с таким не справится. У шедшего впереди Воронцов увидел на ремне тяжёлую кобуру. Пистолетами, видимо, вооружены и остальные. Если случится заминка, начнут стрельбу, а там уж — чья возьмёт... Шедший впереди, не останавливаясь, вскочил на броню, но то ли споткнулся, то ли поскользнулся на обмётанной инеем наклонной броне, тут же загremел вниз.

— Mein Gott! — взвыл упавший. — Es ist sehr glatt! Das ist vielleicht ein Wetter!¹

Двое других засмеялись. Танкист снова, уже осторожнее, вскарабкался на башню. В руке у него сверкнул фонарик. Луч скользнул по серым веткам ольхи и исчез в чреве башни. Вот этого они не учли. Воронцов потянул из рукава нож. Если Штыренко затаился в башне, немец его сразу же обнаружит. Немец благополучно спустился в люк, загremел сапогами по днищу, затих. Его окликнули. Но из танка никто не отозвался. Второй танкист взял у здоровяка тусклый огонёк сигареты, несколько раз ярко осветил своё лицо, отщёлкнул недокуренную сигарету в снег. Окурочок подпрыгнул и зашипел. И в это время танковый мотор за ольхами затих. Сразу вокруг всё замерло. Немец натянул перчатки и постучал сапогом по броне:

— Helmut! Was ist geschehen?²

Почему медлит Степан? Штыренко, видимо, уже сделал своё дело. Воронцов сразу понял те звуки, которые прекратили топот немецкого танкиста по днищу танка. Насторожился тот, который, видимо, приготовился принимать из люка снаряды.

И в это мгновение напряжённая скрюченная тень метнулась к здоровяку. Тот охнул и, медленно поворачиваясь к ольхам, стал заваливаться набок. Второй танкист успел вскрикнуть, но тут же рухнул на колени, мотнул головой и захрапел, разбрызгивая по затоптанному снегу кровавые пятна. Во-

¹ Боже! Очень скользко! Ну и погода!

² Гельмут! Что случилось?

ронцов запрыгнул в люк, чиркнул зажигалкой: Штыренко сидел на днище танка, держа в руках огромный гаечный ключ, а под ногами у него лежал танкист, уткнувшись лицом в россыпи гильз.

— Общи его, Штыренко! Давай, быстро!

Воронцов спрыгнул вниз. Степан заскрёб под ногами пригоршню снега, протёр нож и сунул его обратно за голенище. Потом вытащил из-под днища свой автомат, ватник и начал не спеша одеваться, застёгивать пуговицы — снизу вверх, все до одной.

Переоделись молча, быстро. Своё затолкали под днище танка. Взвалили на плечи по два снаряда и гуськом, как ходили немцы, пошли по тропинке в сторону поляны. Штыренко впереди, за ним Степан, Воронцов — замыкающим. Николаев оставался следить за дорогой.

Уже совсем рассвело. Внизу, левее, виднелась какая-то речка или овраг, заросший ольхами и раkitами. Правее начинался пологий склон, исхлестанный колеями. Дальше, по опушке, виднелись колья с обрывками колючей проволоки. И по всему склону — разнокалиберные воронки, присыпанные снегом. На обочине, в кювете, запрокинувшись в небо обгоревшим остовом, лежал искорёженный грузовик. Видимо, совсем недавно здесь проходила передовая. Или наши действительно прорвались сюда, и здесь их остановили.

Охранник ходил вокруг “тридцатьчетвёрки”, размахивал руками в широких рукавицах, грелся. Механики по-прежнему возились возле гусеницы. Костерок прогорел. Из котелков пахло разогретой тушёнкой и кашей.

— Если сейчас дело сделаем, сразу пожрём. А, командир? — Штыренко оглянулся, сверкнул горячечными глазами. Губы его дрожали в неестественной улыбке, от которой ему, видимо, хотелось избавиться, но всё никак не получалось.

Когда вышли на чистое, Воронцов огляделся и оценил обстановку.

— Слушайте внимательно: на дороге долго находиться нельзя, поэтому действуем быстро. Всё собираем, танкисты угоняют танк в лес, мы — следом.

— А мехвод ихний вон он, — с той же дрожащей улыбкой сказал Штыренко. — Курит.

На башне “тридцатьчетвёрки” сидел четвёртый танкист и курил сигарету.

— Эх, не положено на борту курить... Эх, не положено... Что будем делать, командир? Узнает он нас, постреляет издали.

— Идём как шли. Спокойно, Штыренко. Запомни: ты идёшь к своему танку. Понял?

— Понял.

Где Демьян? Если бы он подполз с другой стороны... Нет, оттуда не добраться. Сверху, с башни, всё видно на десятки шагов. У механика-водителя на ремне кобура с пистолетом. У охранника — карабин. Воронцов почувствовал, что его начинает бить озноб.

— Поднимите повыше локти, закройте лица, — сказал он шедшим впереди, когда до танка оставалось шагов пятьдесят.

И в это время он увидел младшего сержанта Петрова. Демьян медленно встал из зарослей бурьяна. Руки его были высоко подняты.

— Не стреляйте, гер офицер! — крикнул он. — Не стреляйте! Хенде хох! Сдаюсь!

Часовой тут же сорвал с плеча карабин, клацнул затвором, прицелился. Неужели выстрелит?

— Если выстрелит, бегом к танку. Снаряды сразу не бросать, а то всё поймут. Степан, твой — танкист. Я возьму часового. Штыренко, твои — механики.

— Ком! Ком, Rus! — неожиданно засмеялся немецкий танкист. Он встал, спрыгнул на корму и замахал Демьяну руками.

Механики тоже бросили работу. Все смотрели на неизвестно откуда взявшегося красноармейца.

— Быстрей! — скомандовал Воронцов. — Степан, давай вперёд!

Штыренко отстал и занял место за Воронцовым. Они быстро приближались к танку. Демьян что-то кричал, спотыкался, падал, снова вставал и снова что-то кричал... Он выполнял свою роль — отвлекал немцев. Грубо, неле-

по. Но у него получалось. Немцы смеялись, весело жестикулировали. Часовой опустил карабин и пошёл навстречу Демьяну. И Воронцов, превозмогая лихорадочную дрожь, понял, что хотя бы на часового им теперь не надо отвлекаться, Демьян с ним управится сам. А им оставалось добраться до танка. Поскорее — до танка. Они уже почти бежали. И в это время немецкий танкист, стоявший на корме “тридцатьчетвёрки”, что-то резко крикнул часовому.

Но Демьян уже шагнул к своему противнику, схватил его своими огромными руками, рванул на себя с такой силой, что тот выронил карабин. Демьян и часовой покатались в воронку, молотя друг друга кулаками. Демьян, наконец, изловчился, сорвал с немца каску и начал рубить ею по голове, по выброшенным вперёд рукам и бил до тех пор, пока тот не перестал двигаться.

Степан с разбегу запрыгнул на броню танка и, пока механик-водитель вытаскивал пистолет и досылал патрон в патронник, дважды ударил его ножом.

— Штыренко, быстро в танк! Проверь там! — И Воронцов подбежал к механикам.

Трактористы, пригнанные немцами из ближайшего села, где совсем недавно со всеми своими службами размещалась межколхозная МТС, стояли возле танка и испуганно наблюдали за происходящим. Старший толкнул своего напарника, и они тут же подняли руки. Воронцов посмотрел на них и ничего не сказал.

— В танке, командир, никого, — доложил Штыренко.

Демьян вылез из воронки, устало посмотрел по сторонам и, убедившись, что всё в порядке, сел прямо на снег — отдохнуть.

— Ну что, мужики, — отдышавшись, хрипло позвал он механиков, которые всё ещё стояли, онемев, — машина исправна? Запускать можно? Ходовая не подведёт?

— Всё как есть в полной исправности, товарищ командир, — бойко доложил старший, медленно опуская озябшие руки. — Тут только и было делов, что ленивец сбило да гусеницу порвало. Она и размоталась. Пару звеньев только и поменять пришлось.

— Горючее?

— Бак почти полный, товарищ командир, — тут же уточнил старший механик. — Мы из того... ну, который в овраге, в болоте утоплен, слили и дозаправили. И вон они... — Он указал на убитого танкиста. — Три канистры с собой принесли.

— Штыренко, проверь уровень масла. И — запускай.

— Танк отгоняйте к опушке. След замаскировать. Степан, бери автомат и — на дорогу. — И Воронцов спросил механиков: — Село ваше далеко отсюда?

— Ровно три километра.

— Немцы есть?

— Есть. Батальон пехоты и танки. До села деревня ещё есть, примерно в полутора километрах, Рябухино, шесть дворов. Там немцев нет. Три полица постоем стоят. При лошадях. Они каждое утро все дороги здешние объезжают. Мы второй день тут. Вчера — были. Все трое. С винтовками.

— Что, вас проводят?

— Вряд ли. Служба у них такая. Когда тут глубокий тыл был, жизнь у полицаев куда как вольготная была. Ездили по деревням, поросят резали. Печёнку ели да баб шупали. А теперь — другое дело. Фронт, вон он, рядом. И немцы с них службу требуют.

Воронцов посмотрел на механиков. Второму, который всё ещё стоял с поднятыми руками, было лет двадцать пять. Пряча в кобуру пистолет, спросил его:

— А ты почему не в армии?

— Не призвали, — ответил тот и опустил руки. — Да я хоть сейчас. С вами пойду. Возьмёте?

— Нет, не возьмём. Но и отпустить вас сейчас не можем. Уйдёте, когда и мы пойдём. Карту кто-нибудь из вас читать умеет?

— Да мы вам и без карты всё тут знаем и расскажем. Вам, как я понял, через фронт надо?

Воронцов кивнул.

— Тогда вот что. Этой дорогой ехать нельзя. Там, дальше, Луковка, немцев там много, большая часть стоит. И танки, и пехота, и артиллерия. Оттуда они ездят к Зайцевой горе. До Зайцевой от Луковки километра четыре, не больше. А правее есть лесная дорога. Там только в одном месте неважный переезд. Но если брёвен настелить, то проехать можно.

— Куда идёт эта дорога?

— На вырубки. А с вырубок — на шоссе. Немцы по ней ездят редко. На лошадях. Там у них то ли пост, то ли что...

— Проводить сможете?

— Что ж, смогу, — сдержанно согласился старший.

— Зовут-то вас как?

— Дядей Захаром. А вас же как величать, товарищ командир?

— Курсантом.

Дядя Захар качнул головой и сказал:

— Для командира уж больно невеликое звание.

— А это, дядя Захар, и не звание, — сдержанно ответил Воронцов.

— А что ж?

— Должность.

Механик снова покачал головой.

В это время мотор “тридцатьчетвёрки” дёрнул тишину, эхом прокатился по окрестности и заработал ровно. Из башни выглянул улыбающийся Демьян. Ссадина на его лбу совсем засохла, казалась масляным пятном. Он крикнул:

— Подавайте снаряды!

И механики кинулись выполнять приказание нового командира танка.

Покончив с укладкой снарядов, Демьян снова выглянул из люка и сказал: — Товарищ командир, Штырь говорит, что там ещё полный “чемодан” броневой. Давайте заберем? Пригодятся. И ещё кое-какое барахлишко. Тоже надо забрать.

— Пулемёты проверил? — спросил Воронцов.

— Пулемёты, похоже, в порядке. Патронов маловато. Надо там посмотреть.

— Быстро — туда и обратно. Ждём вас на опушке. Заезжать в лес так: вначале дайте кругалю по краю поля, а потом — заднюю, и вон до той осины. Заглушите мотор и ждите. Кто у вас за механика?

— Штырь.

— А мы с Николаевым, если что, стрелять будем. — Демьян указал на котелки над прогоревшим костром. В горячке о них, казалось, забыли: — Штырь просит поест. Подайте, товарищ командир, пару котелков.

— А пару-то зачем?

— Как зачем? На весь экипаж, — улыбнулся Демьян, и холодные глаза его немного потептели.

Глава десятая

В разведку Воронцов отправил троих: Степана, молодого механика Гришку, который хорошо знал местность, и одного из танкистов. От своего экипажа Демьян назначил в разведку Штыренко. Сказал ему:

— Тебе, Штырь, машину вести, вот и посмотри там, где и как проехать лучше. Особенно низины проверь. Чтобы нигде не сели. И разведайте позиции ПТО. Учитывай сразу и то, что мы будем прорываться с тыла.

— Понял, — радостно козырнул ему Штыренко.

Экипаж летал как на крыльях. То, что они снова обрели боевую машину, что под завязку заправили баки соляжкой и имели полную боеукладку, казалось невероятным. Особенно после того, что с ними произошло: гибель товарища, плен, побег. Появился реальный шанс не только вновь вернуться в строй, но и вернуть родной бригаде исправную “тридцатьчетвёрку”, которая наверняка уже считалась в графе безвозвратных потерь.

Группу возглавил Степан.

Они прошли с километр. Лесной просёлок повернул на восток.

— Зайцева гора там, левее, — пояснил Гришка. — А дорогу мы можем пересечь здесь. Или левее. До неё отсюда километра полтора, не больше.

— Судя по карте, — заметил Степан, — высот тут несколько. Которая из них Зайцева?

— Так и есть. — Гришка для важности заглянул в карту. — Там этих гор — гора на горе. Сразу и не разберёшь, где какая. А Зайцева посреди. Самая большая. Говорят, там немцы и сидят.

— Что же получается? — Штыренко протиснулся к карте, ткнул пальцем в карандашный кружок, сделанный Воронцовым. — Значит, высоты, если их несколько, начинаются ближе?

— Выходит, что так. Значит, и до передовой уже рукой подать.

Решили разведать подступы к шоссе.

Пошли дальше — сплошной траншеи у немцев здесь не оказалось. Она начиналась левее. Несколькими линиями, удалёнными одна от другой где на триста метров, где на полкилометра и больше, траншеи расплзались в снежных просторах изломанными линиями и уходили в перелески, то теряясь там, то снова возникая вдали на горбовинах холмов и высотках. Виднелись квадратные шапки блиндажей, из которых курились дымки. Часовые в грязно-белых касках и маскировочных халатах расхаживали возле пулемётов.

Впереди, возле самого шоссе, виднелись крыши деревни.

— Мамоновка, — сказал Гришка. — Там у них небольшой гарнизон. Иногда они отсюда на машинах ездят в сторону Зайцевой горы. Что-то постоянно возят. Машины — под брезентом.

— Людей возят. Меняют своих.

Лесом они пробрались к Мамоновке. Выползли на опушку. Степан пристально осматривал в бинокль деревню.

— Немцев здесь немного. Может, до взвода. Но не тыловые. А это опасно. Эти быстро нам *иди сюда* сделают. Это тыловых можно путнуть, а эти ребята пуганые.

— Противотанковых пушек нет? — спросил Штыренко.

— Пушек не вижу. Но есть кое-что похуже. На, посмотри сам. Подумаешь, как эту бандуру можно будет объехать.

Штыренко взял бинокль и тут же выругался:

— Ох, ты... От этой "гусыни" нам не уйти. Она на километр бьёт без промаха. Тут нам не пройти — сто процентов. Я от неё уже горел.

На краю деревни, возле высокой постройки, видимо, сеного сарая, чернела хорошо оборудованная позиция 88-миллиметрового зенитного орудия.

— Всё правильно. Танков они здесь не ждут ни на дороге, ни с тыла. А вот самолёты отпугивать от деревни надо. Таким образом, снаряды у них наверняка не бронестойкие.

— Ну и что? — снова взял бинокль Штыренко. — Она нас любыми разделяет, как слон черепаху. У неё начальная скорость полёта снаряда знаешь какая?

— А у вас пушка для чего?

— Нам с ними соревноваться в меткости — дело рискованное. Сто процентов — они окажутся более меткими и быстрыми.

— Танкисты, вашу мать...

— Была бы тридцатисемимиллиметровка... Её бы мы раскатали в два счёта. А с этой тягаться не стоит.

Они обошли деревню и пересекли шоссе.

Степан подозвал к себе Гришку, спросил:

— Ты тут дорогу какую-нибудь знаешь? Чтобы — в обход деревни?..

— Тут больше дорог нет, — неожиданно заявил проводник. — Тут болота одни. Топь непроходимая. Дорога есть в двух километрах отсюда. Если проехать по шоссе на запад, то скоро будет деревня. Небольшая, такая же, как и эта. Клесты называется. Вот там дорога есть. От Клестов она идёт в сторону Кирова. К фронту.

— А нельзя нам к Клестам напрямую проехать, чтобы сюда не показываться? — спросил Штыренко механика. — И кругалья не давать...

— Нельзя. Там сплошной лес. Ни одной дороги. И тоже болота. Это путь — самый короткий. И единственный.

— Ладно, Штыренко, ты особо не переживай. Двинемся ночью. “Гусыню” твою как-нибудь уговорим. Чтобы нам не мешала.

— А если у них там прожектор? Зенитчикам ночь — не помеха. Осветят и — нате вам пудовую болванку в моторное отделение...

— А другого пути у нас всё равно нет.

Дотемна они успели разведать остальной участок пути. Дошли до немецких траншей, вырытых в лесу. У дороги обнаружили позицию противотанкового орудия. Внизу виднелся разрушенный мост, а дальше, метрах в трёхстах, чернели плохо замаскированные или недавно отрытые линии других окопов.

— Наши, — сглотнул Штыренко, не отрываясь от бинокля. — Мост этот мы проскочим. Ручей — так себе. Проскочим с ходу. Если бронебой не останавят.

— Переезд, сто процентов, утыкан минами. И нашими, и ихними. Расчистить его мы не сможем. Это, танкист, ещё один вопрос тебе. Думай, как нам тут перескочить на ту сторону.

Воронцов стоял за сосной рядом с часовым, и, когда увидел возвращающуюся разведку, обрадовался. Выслушал. Собрал отделённых и танковый экипаж. Начали решать, как идти и где прорываться. Маршрут непростой. Две позиции противотанковых орудий на пути. Заминированная переправа.

— А может, бросим танк? — предложил кто-то из сержантов.

— Нет, танк мы не бросим, — тут же твёрдо ответил Демьян. — Вы, если сомневаетесь в нас или что-то другое надумали, идите в обход. Может, и правда где найдёте свободную дырку. А мы на своей машине пойдём. Сожгут — не сожгут... Пойдём напролом.

Демьяна выслушали молча. Шли, шли все вместе, а теперь... Словно что-то начало разлаживаться. Вот о чём вдруг подумали стоявшие возле “тридцатьчетвёрки”. Молчал и Воронцов. И вдруг почувствовал, что все смотрят на него. Уже стемнело, и лица стоявших вокруг него он видел смутно, а потому и почувствовал напряжённые взгляды танкистов и бойцов.

— Пойдём все вместе, — сказал он. И это было главное. — Никто танк бросать не собирается. Зенитку возьмём ночью. По-тихому. Чтобы немцев в дворах не переполошить. Пройдём краем леса, там — на дорогу. С потушенными фарами — до следующей деревни. К передовой мы должны успеть до рассвета. Что делать с противотанковым орудием возле дороги, надо подумать.

Через полчаса выдвинулись по заранее разведанной дороге. Впереди шла разведка: Степан, Дюбин, Золотарёв и Полёвкин. Метрах в трёхстах следом за ними двигался на небольшой скорости Т-34 с бойцами на броне. Остальные на лошадях ехали следом. Немцев связали и уложили на десантную площадку. Охранял их один из бойцов, имея приказ Воронцова: в случае крайней опасности пленных расстрелять.

В километре от шоссе остановились. Танк, ломая молоденькие берёзки, залез в перелесок. Выставили охранения. Разведка ушла вперёд.

...Воронцов сам вышел вперёд, и, когда увидел в поле бегущего к ним разведчика, сам побежал навстречу.

Взревел мотор “тридцатьчетвёрки”. Придавливая молодой березняк и ёлочки, танк выполз на опушку и снова пошёл вдоль леса, держась старого, наполовину заметённого просёлка, по которому, как видно, с самого первого снега никто не обновлял следа.

— Давай, давай, ребята, не отставать, — поторапливал людей Воронцов.

Сердце Воронцова прыгало под самым горлом. Снова его захватила упругая волна, и он уже знал, что надо делать, как поступить в следующее мгновение. И эта его уверенность передавалась бойцам. Они оглядывались на своего командира и поторапливали друг друга и лошадей.

Обогнули поле, оставляя слева бледные пятна деревенских крыш. Танк качнулся в глубоком кювете, прибавил оборотов, выбросил густой чёрный сноп выхлопных газов и легко развернулся на просторном шоссе. Следом за ним шли кони.

Дальше Воронцов выстроил колонну следующим образом: впереди — конные, а следом, с интервалом в двадцать шагов, двигался танк с автоматчиками на броне. Всех переделали в немецкое.

Степан, Полёвкин и Золотарёв ушли вперёд. Артиллеристы Дюбин и Прибылов остались возле зенитки.

— Дюбин, твоя задача следующая: если со стороны деревни появится какой-либо транспорт, остановить его здесь. На тот случай, если пойдёт пехота, оставляю вам пулемёт. Коня лучше запрягите в повозку. Телега вон есть. — И Воронцов указал на немецкую фуру, стоявшую в сенном сарае. Коня оставляю самого лучшего. Досчитайте до двух тысяч и догоняйте нас.

— Ох, Курсант, погубишь нас, до конца жизни Бога не отмолишь. — Дюбин в упор смотрел на Воронцова.

— Ничего, Дюбин, мы ещё поживём.

— Ох, уверенный ты, командир! Душа заходится, тебя слушаю.

— Только раньше срока не уходить. Иначе погубишь, Дюбин, всех. И нас, и себя.

— Да понял я, понял. Смертники мы тут с Прибыловым. После того, что мы сделали с их часовыми, в плен они нас брать не станут. Что ж тут ждать.

— Всё правильно ты понимаешь, Дюбин. Держись.

Артиллеристы развернули орудие. Зенитка была установлена на спланированной площадке, на мощной турели, легко поворачивалась в любую сторону. Снаряды лежали тут же, в плоских контейнерах, сплетённых из лозы.

— Поищи-ка прапнельные или фугасные, — сказал своему напарнику Дюбин. — Ты в ихней маркировке разбираешься?

— Понять можно. Что у них, что у нас...

— Подтащи-ка их поближе. А то, если попрут, не управимся подносить.

— А ты что, Дюбин, стрелять собираешься?

— Собираюсь, не собираюсь, а снаряды всё ж таки поднеси, как я сказал.

Прибылова Дюбин знал мало. Можно сказать, совсем не знал. Шли в одной колонне. Молчаливый, замкнутый. То ли контуженый, то ли пережил много.

— Слышь, гаубичник, ты в плен-то как попал?

Прибылов подтащил одну плетёнку. Аккуратно положил её возле станины. Откинул клапан, чтобы легче было брать снаряды. Пошёл за другой. Ничего не ответил.

— В плен, говорю...

— А какое тебе дело до моего плена? — тихо сказал он и взялся за следующую плетёнку. Снаряды были тяжёлые, и Прибылов с трудом волок их по затоптанному снегу, пятясь враскорячку.

— Да мне никакого дела до этого, конечно, нет.

— А тогда давай думать, как отсюда поскорей ноги унести, — неожиданно оживился Прибылов.

— Нам, гаубичник, приказ какой даден?

Прибылов вдруг распрямился, посмотрел на Дюбина, на то, как тот уверенно трогал маховики, как пытался заглянуть в панораму, подошёл, сказал тем же тихим голосом:

— А ну-ка...

— Ты ж не наводчик. — Но Дюбин всё же уступил место наводчика.

— Я и наводчик, и заряжающий, и по танкам тоже, между прочим, стрелял.

Прибылов повернул ствол орудия и тем же тихим голосом приказал:

— Заряжай.

Дюбин откинул затвор, засунул длинный снаряд.

— Высоко как! Заряжать неудобно.

— Немцы вдвоём заряжают, с ящиков.

Они сели на зарядные контейнеры и напряжённо всматривались в чёрную полосу дороги, исчезающую в сотне шагов среди деревенских построек и тынов. Спустя некоторое время Дюбин сказал шёпотом:

— Ну что, гаубичник?

— А что? Тихо.

— Да я не про то. Пора нам. Иди, выводи коня, а я за пулемётом схожу.

Они погрузили на телегу оружие. Дюбин сбегал в сарай, принёс коробки с пулемётными лентами.

— Гони, гаубичник!

Они отъехали метров двести, когда в середине деревни, на шоссе, мелькнули приглушённые фары и послышался рокот мотора. Грузовик с высоким тентом медленно выполз из-за дворов. За ним второй, третий.

В эту ночь на Зайцевой горе немцы меняли батальон, который не выходил из боя уже около месяца. Солдаты дремали под застёгнутыми тентами. Грелись, прижавшись друг к другу. Грузовики двигались медленно, с приглушенными фарами, закрытыми специальными колпаками, через которые свет пробивался настолько скудно, что водители попросту выключали освещение и двигались на ощупь, стараясь соблюдать дистанцию и не наскочить на впереди идущий транспорт. И когда впереди раздался стук пулемёта и первые пули начали рвать брезент и кромсать спины и затылки сидевших в кузовах, передние грузовики шархнулись в кюветы, а третья машина, остановившись посреди шоссе, выпыхнула, как факел. Солдаты съпанули с кузовов. Погодя, опомнившись, начали вытаскивать раненых, складывать на обочине в ряд убитых. Другие залегли и открыли беспорядочный огонь по лесу. Но вскоре поняли, откуда стрелял пулемёт. Офицер позвал к себе двоих солдат, отдал короткое распоряжение, и тотчас они исчезли в лесу. Через несколько минут на дороге, в той стороне, откуда стрелял пулемёт, разорвались, перемешивая пламя со снегом и мёрзлой землёй, одна за другой четыре гранаты. И сразу наступила тишина.

Глава одиннадцатая

Сквозь рёв двигателя они слышали позади, на дороге дальнюю стрельбу. Длинные очереди прерывались короткими, торопливыми. Воронцов сразу всё понял. Он остановил коня, прислушался. Последовала серия гранатных взрывов. Ну, вот и всё, подумал он и снова тронул каблуком сапога чуткий бок коня.

Раненого лейтенанта они разместили в танке. Немцы, нахохлившись, сидели на броне. Рядом с ними, с автоматами, опершись на броню башни, стояли бойцы. Воронцов, Нелюбин, Григорьев и Куприков ехали на лошадях. Воронцов приспособил вместо седла сложенную вчетверо шинель, которую Степан снял с убитого пулемётчика. Подвязал её верёвкой. Если погнать коня галопом, то на таком седле далеко не ускачешь. Степан с разведчиками шёл где-то впереди.

Вскоре повернули. Танк прошёл вперёд. Тут, если что случится, решили уже лезть напролом. Глаза, свыкшиеся с темнотой, мгновенно различили впереди, сквозь снежную пыль, гряду окопов. Видимо, они были пустыми. Скорее всего, это была вторая линия, которую немцы занимали в случае опасности или перегруппировки. Впереди было тихо. Связной, которого должен был выслать Степан и в случае опасности, и в случае удачи, не возвращался. Воронцов хлестнул куском верёвки коня, догнал “тридцатьчетвёрку” и постучал прикладом винтовки по броне. Танк остановился. Из люка высунулся Демьян:

— Ну что, командир?

— Надо подождать. Глуши мотор.

Немцев связали попарно и уложили на площадку трансмиссии. Рты заткнули тряпками и паклей.

Воронцов приказал занять круговую оборону и ждать.

Степан полз по полю, время от времени останавливался, замирал, слушал ночь, всматривался в темень, обрамлённую впереди грядой кустарника, росшего вдоль придорожного кювета. Днём дорога казалась ближе. Вскоре он увидел бруствер большого окопа, над которым чернела полоска косого орудийного щита. Левее виднелась белая шапка блиндажа с чёрной трубой. Пахло дымом костра. Из трубы высвёркивали струи искр. Неужели с той стороны оврага, от наших окопов, этого не видят, подумал Степан. Хороший корректировщик и несколько снарядов давно бы расковыряли этот блиндаж вместе с пушкой. А вот и часовой. Он увидел сторбленную фигуру над приземистым щитом пушки. Подползти к нему со стороны поля невозможно. Заметит.

Немец тем временем с кем-то разговаривал.

Степан выждал несколько минут. Ситуация не менялась. И тогда он начал отползать назад.

Полёвкин и Золотарёв его ждали в лощинке, в кустарнике.

— Ничего не получается. — Он лёг на снег рядом с ними. — Полёвкин, дай сюда гранату. Иди к командиру и доложи следующее: подобраться к орудийному окопу ПТО скрытно нет никакой возможности, я принял решение атаковать и забросать блиндаж гранатами. Они пусть начинают движение по дороге. В случае успеха мы присоединимся к ним на месте. Золотарёв, за мной.

Полёвкин ушёл через поле, исчез в темноте, подсинённой морозным снегом. Степан толкнул в бок замершего Золотарёва:

— Ну что, скокарь, пойдём сходим по мокрому делу?

— С таким напарником, как ты, скоканёшь... Мы что, прямо на них полезем?

— А ты думал что? Это тебе не по форточкам лазить. Пошли.

Они подползли к позиции шагов на тридцать. Часовой стоял на прежнем месте. Но голоса затихли. Значит, тот, второй, с кем он несколько минут назад разговаривал, ушёл. И часовой остался один.

Накинув на голову белый капюшон немецкой камуфляжной куртки, в которые Курсант приказал одеть разведку, Золотарёв быстро продвигался по неглубокому снегу вдоль полосы молоденьких берёз и редкого кустарника, которым зарос придорожный кювет. До трубы, из которой теперь уже изредка вылетали яркие, как окурки, искры, оставалось шагов пятнадцать, когда впереди, возле немецкого орудия, он опять услышал тихий разговор. Разговаривали немцы. Не спят, зыбнуло внутри у Золотарёва. На мгновение он затаился. Но тут же заставил себя снова ползти к чёрной трубе блиндажа. Давай, давай, Клятый, сержант уже, должно быть, подполз, момента ждёт. И вот она, труба. Тепло от неё чувствуется на несколько шагов. Он ошупал за пазухой гранаты. Две “феньки” он бросит в трубу. Немецкую, с длинной ручкой, — в проход. Свои гранаты он знал хорошо. После третьего броска и “феньки”, и “эргэдэшки” стали как родные. Немецкой побаивался. Но ничего, справится как-нибудь и с ней. Степан всё объяснил. Что отвинчивать и какой шнурок дёргать. Предупредил и о том, что взрыватель у неё поздний. Получается, что наши даже поопасней.

В это время позади него, где-то на дороге, дёрнул ночь танковый мотор. Всё, через пять минут “тридцатьчетвёрка” и весь взвод будет здесь. А орудие ещё не уничтожено.

Где-то левее, за дорогой и лесом, отстучал дежурный пулемёт, отстрелял в ночное безмолвие положенный кусок ленты и затих. Ему, видимо, с другой стороны, но пореже, ответил другой. Золотарёв его узнал — “максим”, наш.

Золотарёв приготовил гранаты и привстал, чтобы лучше видеть, что происходит в артиллерийском окопе. И в это время там началась возня. Он вскочил, выдернул чеку первой гранаты и сунул её в жаркую струю чёрной трубы. Землю, укреплённую бревенчатым настилом, встряхнуло. Трубу вырвало из земли, и в дыру ударило потоком искр. Послышались вопли раненых. Золотарёв разжал скобу второй гранаты, дождался щелчка взрывателя и сунул её в багровую дунку. Снова встряхнуло шапку блиндажа. Крики ра-

ненных затихли. Он оглянулся в сторону артиллерийского окопа. Там тоже было тихо. За пазухой лежала ещё одна граната. Он скатился вниз к лазу, прислушался. В блиндаже разгорался пожар. А в стороне пехотных окопов послышались голоса. В небо, расплёскивая искры, как от электросварки, взметнулось сразу несколько осветительных ракет. Они повисли в стороне, но здесь, в окрестностях блиндажа и в артиллерийском окопе, стало видно как днём. Приземистый косой щит орудия и узкий, как шило, ствол, развёрнутый вдоль дороги. Чёрная тень бруствера. Плетень внутри окопа. Штабель ящиков в углу. Степана не видеть. Часового тоже.

— Золотарёв! — послышалось откуда сквозь кашель.

— Командир! Живой!

— Давай третью! Сюда! — Степан выбрался откуда-то сбоку, из-за бруствера, сплюнул тягучую багровую слюну. — Давай! Засовывай!

Золотарёв увидел, как Степан сдёрнул с орудийного прицела плащ-накидку, открыл затвор.

— Сюда суй! Не бойся! Она не кусается. Разве что голову оторвёт.

Золотарёв сунув в казённый гранату, и они со Степаном кубарем покатились за бруствер, в придорожный кювет. Грохнуло ещё раз.

И в это время к ним подошла “тридцатьчетвёрка”. Танк остановился, развернул башню, опустил орудие и сделал несколько выстрелов. Фугасные снаряды рвались недалеко, в ольхах, справа и слева от дороги. Оттуда уже выплёскивало пулемётные струи. Но немцы, застигнутые врасплох, вели огонь вслепую.

Степану и Золотарёву помогли взобраться на броню танка.

— Ну, ребята, теперь держись! — крикнул младший сержант Петров и захопнул люк. Танк послал в ольхи ещё несколько осколочных и рванулся вперёд. Следом за ним скакали всадники.

Заработали все пулемёты. Курсовой стриг кусты, перепахивал окопы, отгонял немецких пехотинцев в глубину траншеи. Стреляли и сидевшие на броне.

Вскоре пришли в себя и немцы. Сообразив, что это вовсе не атака и не прорыв на соседнем участке с выходом в их тылы, а одиночный танк, неизвестно как оказавшийся позади их позиций, быть может, заблудившийся, они начали возвращаться по траншее и ходам сообщения и занимать свои ячейки. Через несколько минут они уже вели прицельный огонь. Один из них, неожиданно оказавшись вне зоны огня курсового пулемёта, стрелявшего трассирующими, побежал на сближение с танком. Он держал в руке круглый контейнер и, припадая к земле, продвигался всё ближе и ближе к “тридцатьчетвёрке”.

— Сержант! Мина! — закричал Полёвкин; он расстрелял последние три патрона, но ни одна из его пуль не достигла цели. Немец, ловко маневрируя между деревьев и одиночных окопов, быстро сблизился с танком.

Короткая автоматная очередь срезала бежавшего в десяти шагах от левой гусеницы Т-34. Достигнув линии траншеи, танк резко остановился, развернул башню и послал несколько осколочных снарядов туда, откуда взлетали частые ракеты. Один из снарядов опрокинул противотанковое орудие. Немецкие артиллеристы спешно разворачивали его, чтобы ударить в борт “тридцатьчетвёрки”. Осколками перебило расчёт. И это спасло прорывающихся.

Под Воронцовым убило коня.

— Сашка! Хватай стремя! — услышал он голос Кондратия Герасимовича.

Он вскочил на ноги и, хромая, поймал ногу младшего лейтенанта и побежал рядом. “Тридцатьчетвёрка” грохотала гусеницами, расчищая им путь. Впереди был мост через замёрзший ручей. Воронцов увидел его в свете ракет, которые продолжали взлетать в чёрное небо теперь уже с двух сторон. Но окопы, белевшие брустверами на той стороне поймы, огня не открывали. Неужели сейчас полоснут, с ужасом думал Воронцов. Башня “тридцатьчетвёрки” медленно поворачивалась назад. Время от времени из неё в сторону немецких окопов полыхало стремительным длинным языком пламя очередного выстрела. Возможно, эта стрельба экипажа никакого урона немцам

не приносила, но она показала сидевшим за нейтралкой, что прорываются свои и что свои нуждаются в поддержке. Не прошло и минуты, как по всей полосе немецких окопов начали рваться мины.

Танк остановился перед мостом.

— Командир! Курсант! — закричали с брони, высовываясь из-за развёрнутой башни. — Мост разобран!

Из люка высунулся Демьян:

— Курсант, вброд нельзя! Брод наверняка заминирован!

— Быстро взяли бревна! По два! — И Воронцов первый бросился к штабелю брёвен, которые он вначале принял за мост.

Брёвна со звоном падали на лёд. Через несколько минут всё было готово. Взвод переправился на другую сторону и залёг на обочине дороги. А танк, хрустя обледенелыми разезжающими брёвнами, медленно перебрался через ручей.

Последние сто метров взвод под прикрытием “тридцатьчетвёрки” преодолевал под сплошным градом мин. Наши миномёты затихли. Но немцы, видимо, окончательно придя в себя, открыли шквальный огонь по всей линии окопов. Т-34 изредка останавливался, делал очередной выстрел и снова пятился вверх по склону. Курсовой пулемёт его молчал — закончились патроны.

Воронцов последним прыгнул в глубокую траншею. Рядом, гремя траками, перелез через брусстер танк. Заполз в огород, обнесённый высокой изгородью, остановился шагах в десяти от траншеи и выстрелил. Трассер сверкнул над поймой и ушёл в сторону немецкой траншеи. Танкисты, израсходовав весь боезапас осколочных, в азарте стреляли бронебойными. “Тридцатьчетвёрка” снова взревела мотором и ушла в заросли тёрна.

Стрельба прекратилась. Стало тихо. Так что было слышно, как за ручьём кричали раненые немцы.

Воронцов огляделся и с удивлением обнаружил, что уже рассвело. Сыпал снег. Тихо шуршал по одежде и краям окопов.

— Товарищ Курсант, а траншея — пустая! Вот ёшки-матрёшки! Куда ж мы прибежали?

Воронцов открыл слипавшиеся глаза. Рядом с ним на дне траншеи стоял на коленях боец в закопченной каске. Это был Куприков.

— Куприков, это ты?

— Я, товарищ Курсант. — Куприков высунулся из траншеи, покрутил головой. — Неужели мы проскочили? — И он снова устало опустился на колени. — Проскочили. Это ж надо...

Снег шуршал, охлаждал потный лоб, залеплял глаза, щекотал ноздри. Белые пушистые шапки прилетали с неба, невесомо опускались на землю, засыпали следы и копать. Казалось, небо опустилось к истерзанной земле, трогало дымящиеся раны, стараясь хоть как-то успокоить их. Умиротворить людей, копошащихся среди сотворённого хаоса разрушения и смерти, дать им возможность одуматься, остановиться, ужаснуться.

— Спасибо вам, товарищ Курсант. — Это сказал всё тот же Куприков. Его голос услышал Воронцов где-то совсем рядом и открыл глаза. Закопченная каска колыхнулась и замерла действительно рядом, в полушаге. Воронцова это обрадовало: Куприков жив, он тоже добежал...

— За что?

— За то, что вывели нас. Вы ж нас спасли от позора. — Куприков уткнулся в угол окопа, затрясся. — От позора, товарищ Курсант. От позора... У меня ж дома двое детей. Сыны. Кем они вырастут, если папка ихний в плену сгинет?

— Ты что, Куприков? Плачешь? — Воронцов никак не мог отдышаться. Слова из него выходили с хрипами, с глубоким задышленным кашлем. — Пустое. Не плачь. Лучше сходи, позови Нелюбина, Степана и сержанта Григорьева. Всех — ко мне.

Закопченная каска качнулась и приподнялась.

— Подожди, Куприков. Знаешь что... Это тебе спасибо, Куприков.

— А мне-то за что? Я вон и патроны не все израсходовал. Танк как даст

через наши головы! Ёшки-матрёшки!.. Вот где страху! А коня моего тоже убили. Жалко коня. Да где ж тут коня убережешь?

Воронцов, карабкаясь руками по стенке окопа, тоже встал. Обнял Куприкова и сказал ему:

— Ты хороший боец, Куприков. Вот за это я и выражаю тебе благодарность.

— Служу трудовому народу! — неожиданно ответил Куприков и подобрался.

— Голову-то не высовывай. Рассвело. Для снайпера самое время.

Спустия некоторое время боец вернулся. Доложил:

— Спят они все, товарищ Курсант. Сморил. Никого не смог разбудить.

— Раненые есть?

— В драке не без синяков. Но тяжёлых, слава богу, нет. Степану досталось. Там, в окопе, возле “колотушки”¹. Немец ему попался, видать, здоровенный.

— А что так тихо, Куприков?

— Наши спят. А хозяева, видать, разбежались. Мы ж на них — с той стороны, да ещё с танком. Их тоже понять можно. У них же тут пушек противотанковых нет. Это вон у немцев — всякой твари по паре. Даже в пехотных окопах.

— Куприков, я назначаю тебя в наряд. Пока взвод спит, будешь охранять наш участок траншеи. А я немного посижу. Посижу и пойду хозяев поищу. Должен же тут кто-то быть.

На рассвете командиру стрелкового полка, державшему оборону перед склоном одной из высот в окрестностях Зайцевой горы, подполковнику Колчину доложили из левофлангового батальона: немцы проявляют активность в районе деревни Фомино, слышна ружейная стрельба. Через несколько минут новое сообщение: в ближнем тылу у немцев, похоже, идёт бой, с применением танков, но с чьей стороны, пока не ясно. Наших танков там нет. Но стрельба ведётся явно из танковой пушки калибра не меньше 76 мм. По темпу стрельбы очень похоже, что там ведёт бой “тридцатьчетвёрка”.

— Ты, Дроздов, повнимательней будь, — предупредил комбата-3 Колчин. — От немцев всего можно ждать. Но, возможно, что на твоём участке прорывается заблудившаяся разведка из соседней дивизии. Будь готов ко всему.

— С танком прорываются, Илья Митрофанович, — сообщил комбат-3. — Вот только из второй роты позвонили. Солодовников сообщил: “тридцатьчетвёрка” с десантом на броне, пятится, ведёт сосредоточенный огонь по немецким траншеям. На провокацию не похоже. Солодовников докладывает, что лупит по немецким окопам — только брёвна летят.

— Ну так помогите им, Дроздов! Или хотите, чтобы их перед вашими траншеями распекли?! Действуйте. Пусть миномётчики откроют отсечной огонь.

— Да ведь мин и так по десятку на ствол.

— Танк потеряем — дороже выйдет.

— Танк не наш. Нам за него в бригаде и спасибо не скажут. А мины нам на артекладах по счёту выдают. Израсходуем сейчас суточную норму, другой не будет.

— Слушай, Дроздов, срочно прикажи миномётчикам открыть огонь. И брось мне эти рассуждения: мой колхоз, не мой колхоз... Докладывать — через каждые пятнадцать минут!

— Понял. Разрешите действовать?

— Вы уже должны действовать!

...Старший лейтенант Солодовников бежал по траншее. Теперь достаточно было пригнуть голову, чтобы каска не маячила над бруствером и не дразнила снайпера. Топот сапог и обледенелых валенок за спиной свидетельство-

¹ “Колотушкой” немцы называли свою противотанковую 37-миллиметровую пушку.

вал о том, что взвод Могилевского бежал следом, постепенно собираясь из отводных ходов сообщения и ячеек. За вторым изгибом Солодовников увидел лежавших вповалку людей с немецкими автоматами и карабинами, в немецких камуфляжных куртках и сапогах. Несколько человек среди них были одеты иначе. Один, рослый, худощавый, в поношенной шинели с курсантскими петлицами, в пилотке, глубоко надвинутой на уши. Другой в таком же поношенном ватнике и тоже в пилотке. Третий смотрел на пистолет Солодовникова испуганными глазами из-под закопченной каски. Каска его была в таком затрапезном состоянии, как будто в ней сутки на костре варили кашу на весь взвод.

— Кто такие? — Старший лейтенант Солодовников строго смотрел на людей, занявших окопы левого крыла его роты. — Разведка, что ли? Почему в немецкой форме?

То, что это не немцы, старший лейтенант Солодовников понял сразу. С такими заросшими рожами... Немцы, даже убитые, выглядели куда лучше.

Младший политрук тем временем выглядывал в сторону поймы. Двоим автоматчикам, на всякий случай, приказал взять на мушку людей, занявших их траншею при совершенно неожиданных и странных обстоятельствах и теперь спавших вповалку прямо в ячейках, на затоптанном снегу, на ящиках. Словом, кто где.

А немцы, наблюдавшие за их траншеей, тем временем окончательно придя в себя, кинули несколько пристрелочных мин. Взрывы хряснули в саду, немного с перелётом, между первой и второй траншеями роты.

— Пристрелочный, — сразу определил старший лейтенант Солодовников. — Могилевский! Живо расставляй людей! Сейчас в атаку попрут!

Бойцы протискивались в тесной траншее мимо ротного и младшего политрука, стараясь не смотреть им в глаза, карабкались на четвереньках к своим ячейкам, перешагивали через спящих в незнакомой форме, которых час назад они приняли за немцев, внезапно, при поддержке танка, атаковавших их взвод.

Мины начали перепахивать правый фланг. Потом немцы обработали левый, на стыке с третьей ротой, и обрушились на центр.

Когда обстрел закончился, взвод Воронцова зашевелился и начал выглядывать в пойму. Там, в полтора метра от них уже бежала, с каждой минутой выравниваясь в более правильный порядок, густая цепь. Атаку немцев поддерживали два бронетранспортёра с крупнокалиберными пулемётами и штурмовое орудие. Приземистое, как черепаха, оно осторожно ползло справа, подминая кустарник и не отрываясь от пехоты.

— Кто командует группой? — спросил ротный, как спрашивают своих, когда надо готовиться к бою.

Воронцов шагнул навстречу и вскинул ладонь к виску:

— Сержант Воронцов.

— Сержант? Как сержант? — В глазах ротного было недоумение. — Ладно, пусть будет сержант. Где ваш танк? У него есть снаряды? Он может вести огонь?

— Должны быть, товарищ старший лейтенант. — Внутри у Воронцова всё колыхалось и подпрыгивало от радости. Вот он, Сашка Воронцов, курсант шестой роты Подольского пехотно-пулемётного училища, принявший свой первый бой в октябре прошлого года неподалёку отсюда на реке Извери, а потом год скитавшийся по лесам, наконец-то вышел к своим. Вывел людей. Он докладывает старшему по званию. Правда, похоже, тот не особо нуждается в его докладе. Потому что немцы атакуют его участок, и сейчас, прежде всего, нужно приготовить людей к бою.

— Он что, не подчиняется вам? — спросил Солодовников, указав стволом пистолета в сторону сада.

— Подчиняется. Мы — одно подразделение, один взвод. Сформировались во время выхода.

Ротный снова в недоумении покачал головой и сказал:

— Ладно, потом разбираться будем. Пусть твоя “тридцатьчвёрка” попытается остановить их штурмовое орудие.

— Есть остановить штурмовое орудие, товарищ старший лейтенант! — И Воронцов снова лихо векинул ладонь к пилотке, которая теперь уже вполне по уставу, хотя и не по сезону сидела на голове сержанта с курсантскими петлицами и нашивками “ППУ”¹.

Воронцов позвал Степана и сказал:

— Ну, Стёп, надо отличиться. Сама судьба нам посылает эту атаку. Скажи Демьяну, если, конечно, у них есть бронебойные, чтобы стрелял по самоходке. У них тут, как видно, артиллерии нет. Так что пусть постарается.

Глава двенадцатая

Воронцов приказал своему взводу поделить поровну оставшиеся патроны. Автоматчики, которые всё это время неотлучно следовали за старшим лейтенантом, принесли ящик с гранатами.

— По две на брата, — сказал один из автоматчиков. Они поставили ящик к ногам Воронцова и побежали на левый фланг, где ротный распекал кого-то матюгами.

Воронцов крикнул:

— Кто не боится гранат, подходи получать!

Первым подбежал Куприков.

— Давайте, товарищ Курсант, мою пайку и пайку Калюжного.

— А ты разве бросать умеешь?

— Умею.

— А Калюжный что?

— Да не бросал он ни разу.

Ребристые, настывшие на морозе “Ф-1” быстро расхватили из ящика, Начали торопливо ввинчивать запалы. Оборона — не наступление. Если немцы подбегут на бросок гранаты, поздно будет вставлять воспламенители.

Воронцов рассовал три доставшиеся ему гранаты по карманам и выглянул в поле. И в это время сине-фиолетовая трасса, гулко шипя в морозном воздухе над головами затаившегося взвода, ушла в пойму, и Воронцов увидел, как бронебойная болванка ковырнула землю перед гусеницей самоходки и рикошетом ушла в сторону ольховых зарослей. Штурмовое орудие тут же остановилось, сделало небольшой доворот. Короткий ствол её, торчащий из ниши приплюснутой башни, дёрнулся, выплонул снаряд. И она, снова выровнявшись и держась своего курса, пошла вперёд. Опасаясь мин, своих и русских, механик-водитель вёл машину точно по следу “тридцатьчвёрки”.

В саду взревел танковый мотор. Танкисты меняли позицию. Потому что из ольховой гряды на той стороне поймы вдруг начало стрелять одиночное противотанковое орудие. “Тридцатьчвёрка” переместилась куда-то левее, на стык с соседней ротой. Там слышались команды старшего лейтенанта. Вскоре оттуда с тем же гулким шипением в пойму, к мосту, унеслась вторая трасса. Она ударила под углом в низкую боковую броню немецкого штурмового орудия, вспыхнула искрами и, выломав дыру, проникла внутрь. Потому что самоходка резко остановилась, дёрнулась и медленно начала сползать с дороги вниз, в болотину. Открылся люк. Но никто оттуда не вылез. А ещё через мгновение чёрный дым повалил из моторной части и откинутого люка, окутывая омертвевшую машину маслянистыми разводами. Следом за второй ещё несколько трасс ударили в разгоравшуюся самоходку. Она вздрагивала и ещё глубже оседала в чёрную болотину, расплывавшуюся бесформенной лужей по льду вокруг гусениц.

А танковый мотор за спиной взвода снова взрѣвывал и затихал. Танкисты маневрировали, чтобы не попасть под огонь ПТО.

— Не стрелять! — кричал изо всех сил, матерясь, старший лейтенант Солодовников. — Не стрелять!

Время начала огня для стрелков ещё не наступило.

И тут резким электрическим щелчком ударило по каске стоявшего в со-

¹ Подольское пехотно-пулемётное училище.

седней ячейке Куприкова. Боец опрокинулся навзничь. Воронцов увидел его испуганные глаза.

— Убрать головы! — рывкнул Воронцов и кинулся к Куприкову. — Огонь открывать только по моему приказу!

Куприков лежал с открытыми глазами. Во взгляде не было того покоя, который Воронцов видел у умирающих.

— Куприков, живой?

— Ох, ёшки-матрёшки... — Боец сдвинул рукой каску, потрогал голову. — Я думал, мне голову оторвало.

— Разрывными бьёт.

— Снайпер, что ли? Вот гад. Каска ему моя глянулась.

— А ты тоже, головешку свою высунул. Хоть бы снегом облепил...

Воронцов расчехлил прицел винтовки, снял с головы пилотку, свернул её вчетверо, сунул в карман и осторожно высунулся над бруствером. Немецкая цепь как раз забежала в полосу замёрзшего ручья. Чёрные и белые фигурки в капюшонах перепрыгивали через расклёванные во льду и болотине лунки, оставленные минами. Немцы атаковали примерно двумя взводами. Но, кто знает, сколько их там сосредоточилось в траншее на исходных в ожидании результатов атаки ограниченных сил первой волны. Бронетранспортёры сунулись было вниз, но слабый лёд, видимо, не держал, и они тут же дали задний ход, остановились и начали поливать траншею на противоположной стороне огнём крупнокалиберных пулемётов с расстояния. Штурмовое орудие, осев набок, всюду горело, выбрасывая из люка багровое пламя. Хорошо ему вцепили танкисты. Воронцов скользнул окуляром прицела по фронту. Ничего подозрительного. Цепь бежала по льду и болотине. Самоходка разгоралась. “Гробы”, маневрируя и время от времени меняя позиции, продолжали стрелять длинными очередями, поддерживая атаку своей пехоты. И тут над бортом одного из бронетранспортёров вспыхнул дымок порохового заряда. Без сомнения, это был одиночный выстрел. Воронцов медленно повернулся влево и поймал в прицел крайний “гроб”. Над бронеплитой, окрашенной в грязно-белый цвет, показалась такая же белая каска, обернутая материей, прихваченной по окружности тонким ремешком. Блеснула линза оптики. Немец произвёл свой очередной выстрел так быстро, что Воронцов не успел его упредить. Дымок порохового заряда снесло в сторону. Белая каска с поперечным ремешком медленно утонула за обрезом бронеплиты. Что ж, полдела сделано, Воронцов его обнаружил, и теперь надо ждать, когда немец перезарядит винтовку и снова высунется, чтобы определить очередную свою жертву и снова выстрелить.

— Рот-та-а! Слушай мою команду! — И старший лейтенант Солодовников в азарте выскочил на бруствер, трепанул над головой своим ТТ. — По фашистским извергам — огонь! — Ротный прибавил ещё несколько слов для связи и выстрелил в поёму.

Почти одновременно с ним выстрелил и Воронцов. Потому что белая каска снова начала подниматься над наклонной бронеплитой. Воронцов не стал ждать, когда снайпер покажется до плеч, нажал на спуск. Но бронетранспортёр дёрнул. Возле переднего колеса вырос багровый фонтан взрыва фугасного снаряда, и водитель тут же отреагировал. Снайпер исчез. Воронцов успел заметить, как его пуля ударила в край бронированного борта.

Он знал, что снайпер теперь вряд ли снова высунется из-за борта. Но огонь он продолжит. Только с другой позиции.

— Витюков! Бегом к миномётчикам! Скажи, чтобы накрыли склон. Хотя бы пару залпов! — Старший лейтенант Солодовников размахивал винтовкой с примкнутым штыком. Видимо, взял у кого-то из убитых. — Всем раненым, кто может стоять, взять в руки оружие! Отобьёмся, ребята! Отобьёмся!

Но немцы, сломав цепь, накатывались стремительной лавой. До некоторых из них оставалось шагов пятьдесят. И Воронцов увидел, что бежавшие в передней цепи начали выдёргивать из-за голенищ противопехотные гранаты с длинными ручками. Он знал, что такие палки можно бросать издалека.

Нелюбин, проснувшись, не сразу понял, куда попал. Его трясло. Но холода он не чувствовал. С ним происходило что-то нервное. Эх, утомила меня война проклятая, подумал он, глядя в молочно-мутное небо, откуда на землю, на бруствер и в траншею, на плечи и лица его товарищей падали белые шапки снега. Потом, услышав знакомый голос командира роты, которая держала оборону рядом, в соседях, когда они атаковали в Сухом ручье, понял, что фронтовая судьба всё же милостива к нему. Он хотел было окликнуть старшего лейтенанта Солодовникова, но тот, яростно матерясь, пролез по траншее, наступая на их ноги и руки, и начал приводить в чувство кого-то на левом фланге. Туда немного погодя, по приказу Курсанта, ушёл Калюжний. И Нелюбин вспомнил, что там, когда они спрягивали в траншею, он заметил пулемётный окоп и на дне его накрытый плащ-палаткой и припорошенный сверху снегом “максим”. Тут же мелькнуло: позиция рядом с пулемётом... опасная позиция... накроют первым же залпом. Когда автоматчики принесли ящик с гранатами и Курсант начал распределять по едокам самые гожие для такого случая оборонительные Ф-1, Нелюбин, как всегда, пожадничал, взял шесть штук. Рассовывал и рассовывал по карманам, пока не отяжелела куртка.

— Так-то оно... Так-то, Сашка... Укуси пирожка, да и за пазушку... — приговаривал он, понимая, что сейчас будет.

— Бери, бери, Кондратий Герасимович, — помогал ему Воронцов, глядя, как дрожат большие натруженные руки Нелюбина. — У тебя не пропадут.

— Да уж беряжить буду, — засмеялся невесело Нелюбин. — На Пасху вместо яиц на божницу положу...

— Кондратий Герасимович, позиция у вас хреновая. Пулемёт.

— Да я вижу.

— Они сейчас на него полезут. Попытаются его гранатами закидать. Так что держитесь.

— Удержимся. Не впервой. А не удержимся, так и побежать можно.

— Нельзя нам тут бегать. Вы, главное, не подпустите их. Подпустите, все гранаты — ваши.

— Да я уже всё понял. Арихметика нехитрая... Два пиши, а три — в кармане...

Когда началась пальба, Нелюбин управлял своим отделением и сам стрелял из автомата, тщательно выцеливая очередную фигуру в распахнутой шинели. Но сколько бы они ни палили по цепи, она всё равно продолжала приближаться к их траншее, накатываясь серо-зелёной волной от замёрзшего ручья вверх.

“Максим” заработал, когда до немецкой цепи оставалось метров восемьдесят. Пулемёт сделал несколько прицельных очередей, и Нелюбин увидел, как поредело сразу внизу. То ли пулемётчики их срезали точной стрельбой, то ли немцы залегли, прижатые более плотным огнём. Но тотчас из-за ольх на той стороне прилетели мины, легли перед бруствером, простригли пространство над головами хриплыми голосами осколков. Вслед за первой, с небольшим перелётом, легла следующая серия. И началось!

— Калюжний! В траншею! — успел крикнуть Нелюбин и увидел, как пулемётчики подхватили “максим” и перебежали вперёд, к траншее.

Третий залп точно накрыл пулемётный окоп, в котором, к счастью, никого и ничего уже не осталось, кроме пустых патронных коробок.

— Давай на запасную! Калюжний! На запасную!

Но пулемётчики уже сами знали, что делать. Спотыкаясь и падая, они тащили “максим” к зарослям шиповника. И через минуту оттуда ударили трассирующие струи, подрывая атакующих с фланга.

Теперь немцы бежали грушами. Нелюбин уже видел их лица, оскаленные рты, прыгающие в руках автоматы и белые лезвия плоских штыков на карабинах. И вот с недолётом, но точно напротив его ячейки в снег плюхнулась первая граната с длинной ручкой. Ну, подумал Нелюбин, вот оно и началось, о чём всегда копчик ноет...

— Отделение! Приготовить гранаты! — крикнул он, хотя знал, что бросать гранаты ему придётся одному. Рядом на дне окопа корчился незнако-

мый боец с простреленным плечом, и его уже пытались оттащить в боковую нишу, чтобы не мешал и чтобы его не затоптали, когда начнётся свалка. Полёвкин гранаты не брал. А Куприков стрелял где-то правее, находясь рядом с Курсантом.

Нелюбин выглянул из-за бруствера, чтобы определить, куда бросать первую, и увидел, что к ручью спускается новая волна атакующих. Как быстро они преодолели расстояние от своей траншеи до замёрзшего ручья! Если не отобьёмся от первой, вторая цепь наверняка прыгнет на головы, и тогда... Взглядом бывалого солдата Нелюбин успел заметить, что народ кругом был нестойкий. Бойцы палили наобум лазаря, не прицеливаясь, некоторые зажмуривались, прежде чем нажать на спуск. Лейтенант бегал за спинами с наганом, бледный как полотно, и что-то испуганно бормотал. Ротный наводил порядок на левом фланге. Нелюбин выдернул чеку, отпустил скобу и, хорошенько размахнувшись, бросил первую “феньку” далеко в пойму. Граната чёрным мячиком с серебристым карандашиком запала за кувыркалась в молочно-белом пространстве, описала дугу и ударилась под ноги бегущим от ручья. Взрыва Нелюбин не услышал. Только увидел, как раскидало снег и куски мёрзлой земли, как оглянулся назад один из бегущих и начал падать навзничь, будто его перевешивал тяжёлый рюкзак за плечами. И тотчас гряда взрывов пронеслась по всему фронту перед траншеей обороняющихся. По короткому истончающемуся свисту и характерному металлическому хряску Нелюбин сразу догадался — мины. Это миномётчики снова помогли им.

Когда снежная пыль и копоть осели, Воронцов увидел, что уцелевшие отползали к замёрзшему ручью, утаскивая раненых. Раненые кричали. Но вторая цепь уже поднималась по склону от ручья. По тому темпу, который они держали, как напирали, можно было понять, что немцы решили захватить траншею во что бы то ни стало.

Воронцов положил винтовку на бруствер, посмотрел в прицел. Офицеров и командиров отделений он определял сразу: время от времени те взмахивали руками или короткими автоматами, поторапливая своих подчинённых. Снайперская подготовка в училище оказалась короткой. Но самое главное он успел усвоить и за те несколько дней, когда с ними проводил полевые занятия один из лучших снайперов-инструкторов Московского военного округа. Нельзя вести фронтальный огонь, вспомнил он одну из основных заповедей снайпера, ищи цель на фланге, и тогда есть вероятность, что тебя обнаружат не раньше третьего выстрела. Он взял в прицел одного из тех, кто был похож на командира. Винтовка дёрнулась. Немец сунулся вперёд, выронив автомат. В такой сумятице можно рисковать и вести огонь, не меняя позиции. Но где-то там, в бронетранспортёре, который снова подошёл к ручью и поливал огнём из крупнокалиберного пулемёта их траншею, сидел немецкий снайпер. По всем правилам снайперской войны, он должен сменить позицию. А если и немец тоже рассчитывает на сумятицу, в которой вряд ли кто обратит внимание на то, что с той стороны ведёт интенсивный огонь снайпер. Воронцов перекинул винтовку вправо. В “гробе” никого, кроме двоих пулемётчиков, не было. Он прицелился в первого номера. Выстрел. Пулемёт замолчал. Бронетранспортёр дёрнулся и начал отползать. В лобовой части Воронцов увидел горизонтальное окошко, над ним приподнятую бронированную заслонку с узкой смотровой щелью. Водитель, видимо, нуждался в наибольшем обзоре и пренебрёг правилами безопасности. Воронцов поймал окошко и выстрелил в тот момент, когда в нём что-то мелькнуло. “Гроб” замер. Но Воронцов продолжал держать его в прицеле, опасаясь снайпера, который в любое мгновение мог высунуться из-за наклонного борта. Воронцов взял в прицел второго пулемётчика. Выстрел. Всё. Довольно. Удача снайпера не может длиться долго. Иначе это что-то другое. И он медленно убрал с бруствера винтовку.

Командир роты старший лейтенант Солодовников, навалившись грудью на край развороченной взрывом траншеи, смотрел в бинокль. Воронцов уже успел оценить его хладнокровие и выдержку.

По траншее, куда-то вправо, оттаскивали раненых. В обратном направлении пробежал один из автоматчиков. Воронцов узнал в нём связного, который во время первой атаки был послан к миномётчикам. Демьянова “тридцатьчетвёрка” молчала. Должно быть, боеприпасы закончились, подумал Воронцов. Вот что такое — стоять на позициях. Тут не уйдёшь. Окоп свой не оставишь. Это не по лесам бегать.

Мимо, отчаянно матерясь, пробежал с винтовкой ротный. Он на ходу отдавал распоряжения связным:

— Витюков! Давай жми к Лазуткину, скажи ему: оба пулемёта срочно на фланги! Сам пусть сидит и не дёргается. Ударит, когда нам на головы спрыгнут. Не раньше! Понял, Витюков? Ну, тогда — бегом!

Связной натренированным движением окопного человека выскочил из траншеи и мигом скрылся в зарослях тёрна и низкорослого кустарника, который был весь изрублен, искромсан пулями и осколками.

А этот старший лейтенант человек не такой уж и простой, каким кажется. Воюет с резервом.

Прибежал Степан, доложил:

— Выбили! Болванку наконец-то выбили!

— Что с танком? — спросил Воронцов. — Почему не стреляли?

— Болванка прямо под башню угодила. Заклинила поворотный механизм. Демьяну отбоем лицо посекло. Перевязывать пришлось.

— Как себя чувствует лейтенант?

— Лейтенанта в тыл отправили. Немцев тоже. Один ранен. Перевязали.

— А что со снарядами?

— Снаряды есть. Правда, одни бронебойные.

— Пусть дупят бронебойными! Вначале — по “гробам”. Потом — по цепи.

Винтовочных патронов у Воронцова осталось всего три обоймы. Он снова высунулся из-за бруствера. Повёл прицелом вдоль цепи. На лицах атакующих была решимость. Один из бронетранспортёров переместился ближе к мосту, где догорала самоходка. Воронцов поймал в прицел пулемётчика, выстрелил. Тот ткнулся головой в гашетку. Менять позицию было нельзя, да и некогда. Стрелять второй раз — опасно. Он перезарядил винтовку и,ждавшись команды ротного “Огонь!”, поставил рядом каску, брошенную кем-то из бойцов роты, кого, видимо, унесли в тыл санитары, отодвинул её на локоть в сторону, чтобы не мешала, и продолжил стрельбу. Он выхватывал из цепи бегущего прямо на него, поднимал прицел до подбородка, задерживал на мгновение дыхание и плавно давил на спуск. Снова досылал патрон в патронник, снова ловил цель, снова повторял то же. И вот патроны закончились. Взял из-под ног автомат. Передёрнул затвор. И тут почувствовал, что кто-то тормозит его за плечо. Оглянувшись — Куприков:

— Товарищ Курсант! Спрячьте винтовку! Захватят — разорвут на куски! Снайперов не любят.

Винтовку действительно надо было где-нибудь спрятать. Прикопать под бруствером. Сунуть под гранатные ящики. Но неловко это было делать на глазах у своего бойца. Хотя тот и понимал всё.

Первая бронебойная трасса ушла за ручей, обожгла моторную часть “гроба”, разбросала раскалённые искры, и бронетранспортёр тут же взорвался. На флангах заработали пулемёты. Ударил и “максим”, позиция которого находилась неподалёку. Цепь вначале замедлила своё продвижение, потом дрогнула и залегла. Добросить гранату до залёгших было невозможно. Но “тридцатьчетвёрка” продолжала методично, болванку за болванкой, посылать снаряды в пойму. Стальные стержни с упругим шипением пронеслись над головами обороняющихся, врубались в мёрзлую землю, кромсали тела залёгших и атакующих.

Миномёты и той, и другой стороны молчали. Слишком близко сошлись противники. В такой горячке можно в два счёта накрыть своих.

— Отползают, сволочи! — закричал Куприков. — Ну, товарищ Курсант, дали мы им! Смотрите, бегут!

Немцы подхватывали раненых и начали отход. Отходили они не оравой, как это бывает во время бега, а организованно, всё тем же, давно отрабо-

танным способом — перекатами. Воронцов смотрел в бинокль и видел, как они, по двое, подхватывали под руки раненого, несли его десять-пятнадцать шагов, ложились и открывали огонь. В это время, под прикрытием их огня, поднимались другие, подхватывали своих раненых и делали свои десять-пятнадцать шагов к спасению.

Немцы, отходя, утащили даже трупы убитых. Только на левом фланге, напротив горящего “гроба”, виднелись два тёмных пятна на исклёванном минами снегу. Степан, вернувшийся в траншею во время самой горячки боя, кивнул Воронцову:

— Твои?

Воронцов посмотрел Степану в глаза, и тот не выдержал его взгляда, отвернулся. Больше он его ни о чём не спрашивал. Разжился на закрутку у кого-то из местных, которые охотно делились с неожиданным подкреплением табаком и сухарями, пристроился в углу на ящиках и начал разбирать автомат.

Возле разрушенного пулемётного окопа стучали лопаты. Бойцы поправляли траншею, для маскировки набрасывали на бруствер свежего снега.

— Где ваш взводный? — послышался оттуда голос ротного.

В траншее показался старший лейтенант Солодовников, и люди Курсанта, до этой минуты устало сидевшие в своих ячейках, задвигались.

— Сержант! — издали окликнул его ротный, улыбаясь и блестя глазами. — Живой! Ну, спасибо, брат! Не знаю, кто ты есть и откуда на нашу голову свалился, но воевал ты со своими орлами хорошо. Особую благодарность передай танкистам. — И тут же, глядя куда-то в глубину хода сообщения, где бойцы возились с дверью в землянку, которую разбило прямым попаданием мины, закричал: — Да в гроб вас и душу! Раненых — в тыл! Могилевский, распорядись! Печатники, так вас и растак!..

Воронцов понял, что наступило время, когда старшему лейтенанту, как старшему по званию, он обязан был доложить по всей форме. Но что докладывать? Как вместить в короткий доклад всё, что они пережили за эти дни и недели? И когда ротный снова повернулся к нему, Воронцов вскинул к ладонке ладонь и сказал:

— Товарищ старший лейтенант, сводный взвод, сформированный из бойцов Красной Армии, бежавших из немецкого плена, вышел из окружения в полном составе, с оружием и ранеными. Выведен исправный средний танк Т-34 с боекомплектom и экипажем. Во время выхода приняли бой, уничтожив до десяти солдат и офицеров противника, а также два ПТО. Доставлены пленные, захваченные во время марша на выход. Все пленные с документами. Командир взвода — сержант Воронцов.

Доклад Воронцова изумил не только ротного, но и всех бойцов третьего взвода, которые в это время оказались рядом.

— Из окружения, говоришь? Из плена? А я думал, разведка. — Ротный поморщился. Спросил, уже тише: — А где попали в плен?

— Кто где. Из разных частей.

— А ты, я вижу, курсант?

— Курсант. Подольское пехотно-пулемётное училище, Шестая рота старшего лейтенанта Мамчича. Потом воевал в Тридцать третьей.

— Был в окружении?

— Так точно, был.

— Слыхали, слышали о Тридцать третьей... — В голосе ротного слышалось сочувствие.

Бойцы с любопытством разглядывали Воронцова и его бойцов. “Из плена” прозвучало как с *того света*.

Глава тринадцатая

Воронцов умылся, оделся в новую форму. Ремни пахли военторгом, добротностью. Однажды, ещё в училище, он зашёл в городской военторг. Чего там только не было! И он решил, что, когда окончит училище и получит лейтенантское звание, обязательно купит себе всё, что нужно. И даже начал

откладывать на это деньги. Лейтенантское звание он получил только вчера. Да и кубарь в петлицу понадобился всего один. А деньги, которые он откладывал, чтобы купить хорошую офицерскую полевую сумку, латунный наручный компас, яловые утепленные сапоги и ещё кое-какие мелочи, ушли на покупку хлеба в деревнях, когда выходил из окружения. Кое-что он отдал Пелагее, чтобы она потратила их на детей. Эх, Пелагея, Пелагея...

Форма сидела на нём ладно. Сапоги поскрипывали. Воронцов подошёл к умывальнику, заглянул в зеркало. Из глубины полусумрака землянки на него смотрело худощавое лицо человека лет тридцати, со скобками морщин вокруг рта. Даже глаз своих он не узнал. Они были темнее и глубже. Он отвернулся и сказал:

— Мы зачислены командирами взводов в штрафную роту. Знаете об этом?

— Знаем, Сашок. Знаем.

— Сегодня-завтра будет закончено формирование. Роте дадут номер. И — вперёд.

— Куда же нас пошлют? — спросил Могилевский.

— А сюда. На высоты. Высоты будем брать.

Как-то раз приказали построиться. Приехал батя. Посмотрел на шеренгу, прошёлся вдоль, заглядывая в лица.

— За что осуждён? — спросил молодого артиллериста, одетого в ватник.

Артиллерист шагнул из строя и чётко доложил:

— Рядовой Миронов! Неповиновение старшему по званию.

— Кто был старший по званию?

— Командир батареи старший лейтенант Гребенщиков.

— Это — грубое нарушение устава. Какой вы солдат, если не слушаетесь своего командира?! — Губы у полковника Колчина затряслись. Говорил он громко, чтобы слышали все.

— Когда это произошло? Во время боя?

— Никак нет. Дивизион отвели на отдых. Проводили учебные стрельбы. Товарищ старший лейтенант Гребенщиков приказал по часу бегать вокруг позиций, потом стрелять.

— Так?

— А я отказался.

— Стрелять?

— Нет, бегать. После продолжительной пробежки мне трудно наводить. А после каждого промаха по мишени товарищ старший лейтенант Гребенщиков назначал ещё несколько кругов.

— И что, ты никак не мог попасть?

— Иногда снаряд проходил мимо цели.

— Кем ты был в расчёте? Наводчиком?

— Так точно, наводчиком. — И боец лихо вскинул к виску ладонь. — Наводчик первого орудия второго взвода третьей батареи, бывший младший сержант Миронов!

— Ты знаешь, что тебя ждёт, сынок? — внимательно глядя в глаза штрафнику, спросил вдруг полковник Колчин.

— Знаю, товарищ полковник. Атака.

— Да, сынок. Постарайся её провести так, чтобы ваш взводный после боя тут же подготовил на вас положительную характеристику. А я эту характеристику подпишу. — И вдруг сказал: — А твой командир батареи — раздолбай!

После построения полковник Колчин уехал. А рота приступила к выдаче оружия.

Когда с саней сняли длинные ящики и откинули крышки, Нелюбин метался. В ящиках не оказалось обещанных первому взводу автоматов.

— Автоматы — только командирам взводов, — распорядился старший лейтенант Солодовников.

Но, прежде чем раздавать винтовки, ротный обошёл строй и спросил:

— Кто из вас умеет обращаться с противотанковым ружьём?

Вышли несколько человек. В том числе и Полёвкин.

Всех, кого вывел Воронцов, зачислили в третий взвод. Командирами отделений с присвоением сержантских званий Нелюбин назначил Григорьева и Демьяна Петрова. Куприкова и Золотарёва оставил при себе для связи. Танкистам учли их храбрость и находчивость при прорыве из окружения, спасении и возвращении в строй боевой машины: трибунал назначил экипажу самую лёгкую меру наказания — один месяц в ОШР¹. С ними привезли и механиков. Спустя несколько дней взвод пополнили ещё тридцатью пятью окруженцами. Ещё через два дня к землянкам, которые успели оборудовать окруженцы, подошли два взвода. Одеты они были неважно. В латанные-перелатанные ватники и шинели, судя по всему, последнего срока. Изношенные до последней степени шапки, побывавшие, как шинели и ватники, в дезинфекционной камере, обработанные от паразитов и кое-как отстиранные от присохшей крови.

Вместе со взводами прибыли лейтенанты: командир четвёртого взвода, заместитель командира роты, замполиты взводов и четверо младших лейтенантов — заместители командиров взводов по строевой части. Таким образом и переменный состав ОШР, и постоянный вскоре были сформированы².

Глава четырнадцатая

Зайцева гора, обозначенная на штабных картах как высота 269,8, представляла собой гряду довольно высоких холмов, с пологими скатами несколько квадратных километров лесов, дорог, лугов и болот, плотно опоясанных траншеями, ходами сообщения. Скаты холмов, склоны горок и долины, овраги и балки были изрыты артиллерийскими и танковыми окопами, блиндажами и воронками авиационных бомб. На местности противостояния, занятой войсками обеих армий, в одинаковой степени поработали и “катюши”, и шестиствольные миномёты, которые бойцы прозвали “ишаками”, и штурмовики Ил-2, и пикировщики Ю-87. К этому времени русские и немцы почти год стояли здесь. Одни мокли и гнили в болотах, ожидая в своём неглубоком окопчике в любую минуту пули или миномётного налёта с той стороны. Другие, устроившись в более выгодных условиях, сидели в своих блиндажах и полнопрофильных ячейках и ожидали того же с другой стороны. С некоторых пор немцы, до этого времени уверенные в непреступности высот, вдруг поняли, что, имея перед собой такого противника, как русские, невозможно быть уверенным ни в чём. Вскоре эти опасения подтвердились самыми невероятными событиями.

В самом начале октября одна из ключевых высот была сотрясена гигантским взрывом. Оказалось, что русские использовали древний способ: подвели подкоп, на глубине около пятнадцати метров заложили двадцать пять тонн взрывчатки. Взрыватель сработал утром 4 октября 1942 года. Сила взрыва была такова, что от детонации сработали все минные поля в радиу-

¹ Отдельная штрафная рота.

² Первые штрафные формирования в РККА в годы Великой Отечественной войны появились летом (28 июля) 1942 года, когда Сталин подписал приказ № 227, в котором потребовал прекратить отступление, “упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок Советской земли и отстаивать его до последней возможности”. В этом приказе, в частности, был такой пункт: “Сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной...” Данные статистики свидетельствуют: к концу 1942 года, то есть в период, когда действуют наши герои, в РККА насчитывалось 24 993 штрафника. В 1943 г. — 177 694. В 1944-м — 143 457. В 1945-м — 81 766. За период с 1942 г. по 1945 г. в РККА было сформировано 1028 штрафных рот и 65 отдельных штрафных батальонов. Постоянный состав роты, то есть офицерский, насчитывал 15 человек, включая командира роты. Переменный (бойцы), как правило, колебался от 200 до 350 человек. Постепенно офицерский состав сократился до 8 человек. Существенно уменьшилось число политработников: остался один агитатор.

се тысячи метров, усилив, таким образом, взрывную волну. Взрыв разметал немецкий батальон, орудия прямой наводки, миномётную батарею. Мощные стены бетонного дота, который не могли взять даже тяжёлые орудия, разлетелся, как скорлупа ореха. Дот был построен ещё в первые месяцы войны русскими, создававшими здесь, на Варшавском шоссе, систему обороны, хорошо понимая, что, если противник прорвётся к Москве, то пойдёт он, прежде всего, вдоль магистралей запад-восток. Что вскоре и произошло. Но год назад по этим же магистралям вермахт откатился на запад. В том числе и по Варшавскому шоссе. Зимой немцы оставили Малоярославец, Медынь, Мосальск, Киров¹. Весной — Юхнов. Вскоре положение на центральном участке фронта стабилизировалось. Лето прошло в непрерывных боях левее Варшавского шоссе, под Сухничами и Жиздрой, и правее, подо Ржевом и Сычёвкой. Сухничи и Киров немцам отбить не удалось. Но не отдали они и Вязьмы, Ржева и Жиздры. Катастрофа под Сталинградом заставила войска группы армий “Центр” сгруппировать все силы для того, чтобы не допустить подобного и здесь. Тем более что и развитие событий, и разведка, действовавшая и в ближнем тылу русских войск, и в глубоком, подтверждали: русские постоянно ведут перегруппировку и к чему-то готовятся.

И действительно, штаб Западного фронта требовал от командующего 50-й армией взять артиллерийские высоты, помеченные на полевых картах как высота 269,2 и высота 275, чтобы ликвидировать угрозу контроля противником этого участка фронта на многие десятки километров вокруг. Более того, на штабных и полевых картах хорошо просматривалась конфигурация передовой линии: высоты с немецкой стороны, словно надёжные кольца, держали туго натянутую проволоку фронта. На станцию Мятлевская прибывали всё новые и новые эшелоны с техникой и боеприпасами. С местного аэродрома, находящегося недалеко от станции, взлетали самолёты. Но танки горели на западных склонах Зайцевой горы. Самолёты падали в болота. И тысячи трупов пехотинцев стыли на нейтральной полосе между двумя рядами колючей проволоки. Их стриженные головы заметал снег. Мёрзлую плоть обледали мыши и лисы. Они были ничьи на этой ничейной полосе, где так же, как и метель, вольно гуляла только смерть. Только она одна. Взрыв одной из высот и последующая атака русских на несколько часов изменили положение на этом участке фронта. Один из батальонов прорвался вперёд и перехватил шоссе, отрезав, таким образом, оборонявшихся на высотах от тылов. Но удержать кольцо не удалось. Со стороны Милятина, где немцы сосредоточили свой резерв, подошли танки и пехота и сбили батальон с шоссе. На высотах танков не было. Немцы их держали в тылу, тщательно замаскировав от налётов авиации. Танки немцы берегли, зная, что все имеющиеся резервы израсходованы в боях на Волге. И что новых танков им не получить, потому что именно туда, в донскую и волжскую степи, направлял сейчас фюрер последние свои резервы, чтобы добить Сталинград и окончательно отрезать центральные области СССР от нефти и, таким образом, лишить Красную Армию горючего.

Здесь же, в центре, тоже всё колыхалось и гудело. Калининский и часть армий Западного штурмовали Ржев. Ржевская битва, начавшаяся ещё в январе, не прекращалась². Левый фланг Западного фронта тоже давил вперёд. И немцы хорошо понимали, что, в том случае, если они не удержатся на Варшавском шоссе, мгновенная угроза нависнет над Вязьмой. А если падёт Вязьма, то русские замкнут ржевский “котёл”. То, чего они добивались уже год. Таким образом, как часто случалось на войне, одна высота, возможно, даже незначительная, решала много задач, и она, как некий главный ключ, запирала сразу многие замки.

И то, что русские пошли на подкорм, впечатляло.

С того жуткого дня прошло больше двух месяцев. Но воронка ещё дымилась. Её завалило свежим снегом. Мороз сковал вывороченную землю.

¹ Районный центр на Западе Калужской области, бывшая Песочня.

² В историю Великой Отечественной, да и всей Второй мировой войны, битва подо Ржевом вошла как самая продолжительная и кровопролитная.

Но сидящим вверху возле дежурных пулемётов наблюдателям казалось, что воронка ещё дышит. Снег кое-где протаивал, и талая земля парила и дымилась.

Никто из офицеров штрафной роты не знал, когда их бросят в бой.

После пополнения состав роты снова перетасовали. Теперь первым взводом командовал лейтенант Могилевский. Первый взвод значительно пополнили вновь прибывшими, в основном из соседних полков дивизии. Могилевскому приказано было передать все автоматы, которые получили командиры отделений. ППШ оставили только лейтенантам. Зря хлопотал Кондратий Герасимович. Винтовки успели хорошенько пристрелять. Среди бойцов оказались такие, кто вообще впервые держал в руках оружие. С ними занимались особо.

Воронцова поставили на третий взвод. Состоял он из бывших карателей, в разное время перебежавших к партизанам, а затем переправленных через фронт или оказавшихся на освобождённой территории. Третий взвод тут же прозвали власовским, хотя настоящих власовцев было всего четверо. Их-то Воронцов и назначил на должности командиров отделений. На второй день во взводе произошло ЧП. В четвёртое отделение зачислили пятерых окруженцев. И в первую же ночь между ними и власовцами произошла драка. Воронцов и лейтенанты разняли, разбросали кучу малю. Попытались разобраться, из-за чего пошёл сыр-бор. Но ничего существенного ни одна сторона, ни другая объяснить не могли. Воронцов доложил Солодовникову. Тот приказал выстроить взвод. Вытащили перед строем зачинщиков. Но и ротный толком не смог ничего выяснить.

Четвёртый взвод пополняли до самого последнего дня. В него собрали бывших полицейских. Не все ушли с немцами. На ком не было крови, остались в деревнях и райцентрах — на милость победителей. Их некоторое время держали под арестом. Вскоре вышел указ: проверить, опросить местных жителей, и, если нет тяжких преступлений — на три месяца в штрафную роту. Вместе со взводом полицейских в роту пришли трое лейтенантов, Прохоренко, Безземельный и Теплицкий. Первого ротный назначил взводным, второго — его заместителем по строевой, а третьего, Теплицкого, замполитом.

Замполитов назначали в каждый взвод. Во взвод к Воронцову на должность замполита пришёл младший лейтенант Саенко, а замом по строевой — младший лейтенант Дронов.

Ротный в первый же вечер собрал лейтенантов и сказал:

— Вот что, ребята. Через неделю-другую, если не раньше, пойдём на горку. Роту гвардейской делать будем. Наше дело — обеспечить прорыв. Раскромсать их оборону на узком участке. Если артиллерия не поможет, штыками и сапёрными лопатками кромсать придётся. Или всех нас на склонах положат. Одно из двух. Так что подтягивайте людей. Обучайте. Чтобы стрелять умели и, главное, не боялись. Патронов будет достаточно. Сегодня же назначьте сержантов. Присмотритесь, кто у них там верховодит, кого слушаются. Это сразу заметно. Отделения большие, по двадцать человек. В штатных ротах через пару недель боёв во взводах людей остаётся меньше, чем сейчас у нас отделениях. Замполиты... Вы по своей, печатной части занимайтесь. Вас Кац всем газетным материалом обеспечит. Но имейте в виду, в атаку пойдём все. В ротах генералов не бывает. А во взводах... Во взводах выше лейтенанта генерала нет.

И вот ночью их подняли по тревоге. Построились взводными коробками и пошли по расчищенной дороге вдоль фронта, почти в тыл. Шли километров пять. Остановились. Глаза уже привыкли к темноте. И Воронцов увидел, что рота стояла на широко расчищенной дороге в небольшой низине, видимо, ложине.

Откуда ни возьмись вышел командир полка полковник Колчин:

— Ребята! Вы — не преступники, и в этот разряд вас никто не зачислял. Кто-то дрогнул в бою, кто-то совершил недостойное звания бойца и младшего командира Красной Армии. Родина и командование Пятидесятой армии Западного фронта дают вам возможность искупить свою вину, стереть

пятно позора со своей красноармейской книжки, вернуть свои награды, а возможно, и заслужить новые. Смойте свой позор! Пусть он вас больше не тяготит! Возьмите высоты, закрепитесь там! За вами поднимутся стрелковые батальоны. Их задача — сразу сменить вас там, на захваченных позициях, сразу, как только вы там закрепитесь. Всё, что от вас требуется — мощный рывок вперёд. Вас будет поддерживать артиллерия и миномёты. Сапёры делают проходы. Выполните приказ, сынки! И вы станете героями Зайцевой горы! Посмотрите на неё! Завтра она станет вашей!

Взводы стояли молчаливыми чёрными колоннами. Пламенная речь полковника Колчина, похоже, не вдохновила штрафников. Кто-то за спиной Воронцова вздохнул:

— Сказал бы проще — надо сдохнуть там...

Вновь пошли по скрипящему, искрящемуся под луной притоптанному снегу. У каждого за плечами топорщился вещмешок с патронами, гранатами. Там же лежали сухари, по две сушёных воблы. Воронцов свой паёк завернул в бумагу и сунул на дно “сидора”, чтобы не мешал заряжать запасные диски автомата.

— Ну что, младший лейтенант, в третьем взводе всё в порядке? — Его догнал лейтенант Гридякин, назначенный в роту оперуполномоченным особого отдела.

— Всё в порядке, товарищ лейтенант госбезопасности, — ответил Воронцов. Он не думал увидеть здесь, на дороге, в колонне марширующих к передовой взводов лейтенанта Гридякина.

— Тебя как зовут, Воронцов?

— Александром. Вы же знаете. Записывали.

Гридякин усмехнулся:

— Да я многих записывал. Всех не упомянешь. Сашкой, значит.

Вещмешок оттягивал плечи. Три запасных диска лежали в противогазной сумке, постукивали по бедру. Воронцов нащупал пряжку брезентовой лямки и подтянул её, поднял сумку повыше. Три диска — это хорошо. Где-то в обозе, на одной из санных повозок, лежала его снайперская винтовка.

Лейтенант Гридякин шёл с автоматом. И его противогазную сумку тоже оттягивали заряженные под завязку диски.

— А меня Николаем, — вдруг сказал Гридякин.

И Воронцов вдруг понял, что Гридякину тоже страшно. Старший лейтенант Солодовников в бой погонит всех. У этого на НП не отсидишься.

— Долго нам ещё? — спросил Воронцов.

— Уже пришли. — Гридякин кивнул в сторону пологой горы, которая серела впереди. — Вон она, передовая.

Остановились. По цепи передали, чтобы при подходе к передовой соблюдали тишину и порядок движения. Вперёд побежали сапёры — протаптывать тропу.

Чем ближе они подходили к Зайцевой горе, тем выше она вздымалась над ними. Контуры её гребня, озаряемые частыми вспышками осветительных ракет, смутно проступали из темноты, раздвигались и казались уже необъятными. И у Воронцова сдавило в груди: куда же мы, со своими тремя сотнями?..

— Вон они где.

— Высоко сидят, далеко глядят...

— Ой, гора-гора, гора высокая... — тихо пропел, не отрывая взгляда от склона, утыканного обрубками пней, командир первого отделения сержант Чинко.

Вокруг помкомвзвода, сбивая шаг, сразу образовалась теснота. Словно бойцы вдруг почувствовали, что сейчас сержант им скажет что-то такое, очень важное, что определит их судьбу. И тот действительно сказал:

— А знаете, братцы, как в окопах Зайцеву гору называют? — Он помедлил, будто наперед зная, что никто не ответит на его вопрос. Снова посмотрел вверх, где просверкивали, оплавливая чёрные сучья деревньев, немецкие ракеты. — Высота смертников.

Долго потом шли молча.

То, что сказал сержант Чинко, подавило многих. Нехорошо задёргалось и в груди Воронцова. Он отдавал себе отчёт, в какую роту получил назначение и с каким взводом предстоит идти в бой. Знал, что бой есть бой. Без убитых не бывает. Знал и то, что у взводных на передовой век недолгий. Но так уж устроен человек, что среди людей, среди забот нет места мрачным мыслям. И даже смерть близкого тебе человека, с которым только что спина к спине грелся в окопе и таскал холодной ложкой кашу из одного котелка, помнится и переживается не долго. Но тут подумалось о многом. И сёстры, и Улита, и Зинаида с ребятишками, и глаза Пелагеи вспомнились вдруг, выступили из темноты, будто пытаясь защитить его от предстоящей опасности.

— Ой, гора-гора, гора высокая! А под горою той четыре сокола... — снова услышал он голос сержанта Чинко.

Сержантов Воронцов назначал после совета со своими заместителями. Но Чинко на должность помкомвзвода он определил сам. Сразу приметил этого коренастого, лет двадцати пяти, бойца. Вокруг него на перекурах всегда образовывалась группа. И табачком Чинко делился с товарищами не скупясь. Хотя сам курил редко. Вроде как за компанию. В первый же день Воронцов расспросил его, как да что. История оказалась простая: 27 октября 1941 года батальоны 151-й мотострелковой бригады атаковали Большие Горки — село под Наро-Фоминском. Батальон, в котором на должности командира стрелкового отделения воевал младший сержант Чинко, наступал, имея локтевую связь с кавалерийским полком. Кавалеристов подвели накануне, на усиление. Пошли в атаку. Немцы подпустили близко и открыли ураганный огонь. Чинко ранили в обе руки. “С того поля мало кто уполз назад, — рассказывал ему власовец. — Меня потащил мой земляк, мы с ним одной станицы. Вместе призывались. Его — осколком. А меня подобрала немцы. Попал в лагерь, в Вязьму. А там... Из лагеря две дороги: в ров или в Хмелиту. Там, под Хмелитой, роту русскую формировали. Я и вызвался добровольцем. Всё лето снаряды к передовой возили. А осенью послали на прочёсывание лесов. Когда попали в партизанский район, установили связь с командиром одного из отрядов и перешли всем взводом. Месяц воевали в партизанском отряде под Дорогобужем и Веходами.

Выходило так, что с Чинко они воевали где-то совсем рядом. Только Воронцов прятался по лесам, бегал из деревни в деревню, а Чинко его искал.

— А ну, подтянись! Губин, что у тебя котелок болтается? Закрепи. А то я тебе его срежу к чёртовой матери и в снег выброшу! — Чинко толкнул прикладом винтовки высокого бойца, у которого на ремне действительно что-то постукивало в такт шагу.

Лейтенанты шли позади, замыкающими. Воронцов приказал им подтягивать отстающих. Но взвод шёл не растягиваясь.

— Взвод у тебя непростой, — сказал лейтенант Гридякин. — Так что, если ты не против, я с вами пойду. Солодовникова я предупредил.

Бойцы топтались в рыхлом снегу, наступали друг другу на пятки, держа плотный строй.

Неужто в бой с нами пойдёт? Зачем ему это? Но переспрашивать Гридякина он не стал. Хотя от одной только мысли, что в бой он поведёт свой взвод под присмотром уполномоченного Особого отдела НКВД.

Уже слышался стук дежурных пулемётов. Вот продолбил черноту ночи размеренный “максим”. А вот, откуда-то с фланга, торопливо истратил порядочный кусок ленты МГ. И — ракеты, ракеты, ракеты... Немцы не жалели на оборону своих высот ничего. Опустились в низину, заросшую ольхами и ельником. Здесь начинался ход сообщения.

— За мной, слева по одному, первое отделение вперёд! — скомандовал он и спрыгнул в заснеженный ход сообщения.

Снег в траншее был уже притоптан. Первый и второй взводы ушли вперёд. Воронцов бежал, придерживая в руках перед собой пахнущий смазкой ППШ с полным диском. Впереди мелькала спина в ватнике, перехваченном офицерской портупеей, — кто-то из заместителей Кондратия Герасимовича

закрывал второй взвод. Позади — приглушённый топот сотен ботинок по мёрзлой земле.

Воронцов оглянулся. Увидел лицо оперуполномоченного. Тот бежал за ним не отставая, придерживая одной рукой сумку с дисками, а другой автомат. Воронцов увидел его глаза и выдохнул в морозный воздух:

— Передать по цепи: соблюдать осторожность, подходим к передовой.

И тут же лейтенант Гридякин передал команду дальше.

Наконец, вышли к траншее. Набились в неё плотно, растворив и придавив в боковых щелях местных.

— Да вас не меньше батальона, — сказал Воронцову пожилой сержант, командир взвода, в траншее которого разместился третий взвод.

— Рота, — уточнил Воронцов.

— У нас в роте восемьдесят человек осталось. А во взводе — четырнадцать. Лейтенанта вон... Вчера... В тыл унесли, а, видать, не жилец...

— Что, на высоту ходили?

— Да какой там? На высоту мы ходили первые дни. А потом выбило нас. Снайпер. Снайпер лейтенанта ссёк. Не знаю, выживет ли. Разрывными бьёт, сволочь. Как рассветёт, головы не поднять.

Старший лейтенант Солодовников собрал всех в тесной землянке. В землянке было натоплено, пахло жильем, солдатским. Это, видимо, и был НП командира стрелковой роты.

— Атакуем на рассвете. — Ротный сделал паузу. — Сразу всем колхозом. Никакой артподготовки не будет.

Стало слышно, как с шипением горел кусок толстого брезента в сплюсненной гильзе от “сорокапятки”.

Вот тебе и на, без артподготовки... В горле у Воронцова пересохло.

— Бежать тихо. Огня не открывать до красной ракеты. Минные поля перед нами обезврежены. Так что проходы свободны. Проволока срезана снизу. Усиление будет двигаться следом. Артиллеристы и миномётчики. Огонь откроют вместе с нами. Но у них тут четыре пулемёта. Пулемётчики дежурят всю ночь. Так что, сами понимаете... Четырёх как раз хватит на наши четыре взвода.

— Какие у кого предложения?

— Сымать надо пулемёты, товарищ старший лейтенант, — первым подал голос Нелобин. — А так... Мы ж, товарищ старший лейтенант, и до проволоки ихней не добежим.

— Оно так, надо их как-то обезвредить до начала атаки. — Лицо ротного было бледным, на скулах бугрились, ходили туда-сюда напряжённые желваки. — Сейчас, пока не рассвело и есть час-другой до начала атаки, выделите от каждого взвода по одной группе с задачей: переползти через болото, подняться на скалы и уничтожить пулемёты. Задача ясна?

Лейтенанты молчали. То, что придётся наступать без предварительной артподготовки, противоречило всем уставам. К тому же, отработывая в тылу атаку на высоту, они учитывали в первую очередь то, что наступать предстоит по местности, обработанной огнём артиллерии и миномётов. А теперь выяснилось, что никакой артподготовки не будет. Да ещё пулемёты...

Глава пятнадцатая

Один из пулемётов через каждые двадцать минут отстукивал длинную очередь как раз напротив затаившегося в траншее внизу, за болотом, третьего взвода.

— Ну что, Чинко, справишься? — Воронцов ещё раз обошёл вокруг группы бойцов, осмотрел их снаряжение. — Подползите на бросок гранаты. Взрыватели вставьте на месте. Но чтобы там не копошились. Подползите и замрите. Не бросайте гранату через кусты. Найдите для броска свободный коридор. Чтобы — никакого срыва. Ваша жизнь — в ваших руках.

— Да там всё пусто, товарищ лейтенант. Давно всё вырублено. — Сержант Чинко смотрел на него спокойным взглядом.

— Хочу, чтобы все знали: выполните приказ, сразу же после боя подам рапорт о вашем досрочном переводе в стрелковый полк. Кто погибнет... — Воронцов сделал паузу. — Семьям погибших сам напишу домой. Так и напишу: смертью храбрых...

Никто ему ничего не ответил.

— Спасибо, товарищ лейтенант, и на том, — сказал тихо Чинко. — Но теперь всё в руках Божиих. Надеюсь, что мы у бога не самые последние негодяи. Пошли ребята.

Шестеро бойцов, один за другим, перекатились через бруствер и вскоре исчезли в пространстве ночи. Лишь когда на скате взмывала вверх осветительная ракета, расплёскивая свой мертвенно-белый свет, Воронцов видел удаляющиеся в сторону болота тени.

Всем шестерым он приказал поменять шинели на телогрейки. Пришлось раскулачить местных — забрали у них маскировочные халаты. Старенькие, уже порванные, замызганные, они всё же служили свою службу. На снегу, в десяти шагах, группа растаяла в темноте. И только очередная ракета обнаруживала ушедших на нейтральную полосу, отпечатывала на снегу их косые тени.

— Дронов, поведёте первое отделение.

— Есть повести первое отделение! — ответил младший лейтенант.

К атаке всё было уже готово. Где-то позади, где сосредоточивались миномётчики и расчёты дивизионных пушек, храпели кони и натужно скрипела упряжь. Что-то там постукивало, позвякивало. Немецкий пулемёт отгрохотал дежурную очередь, замер на мгновение и снова повёл трассирующим жгутом по брустверу траншеи.

— Пулемёт у них “на колышек” пристрелян, — сказал один из местных бойцов. — Может и ночью голову снести, если неурочно высунешься.

— Артиллеристы, — в сердцах бранился младший лейтенант Нелюбин. — Ну не могут тише!

Вскоре от артиллеристов пришёл связной. От каждого взвода для того, чтобы справиться с орудиями без лошадей, надо было выделить по три человека.

Нелюбин выделил тех, кто был истощён менее других. Степан, Золотарёв и ещё четверо из пополнения ушли через болото, к пулемёту. И теперь Нелюбин, да и весь взвод, молились за них.

— Знайте, ребяташки, — напутствовал их взводный, — наши жизни идёте выручать. Живы будем, детей наших научим молиться за вас. А нет, так скоро встретимся. Ступайте.

Степан полз в первой тройке. Следом за ним сопел, загребая снег руками и ногами, Золотарёв. Ракеты оставляли в небе электрическую вспышку и чёрный след копоти. Надо было успеть до очередной вспышки проползти хотя бы шагов пять-шесть. Возле колючки лежали трупы, наполовину замёрзшие снегом. Степан почувствовал толчок в подошву ботинка. Оглянулся. Торопливо подполз Золотарёв.

— Слышь, старшой. Смотри, сколько валенок кругом. Прикажи переобуться. Ноги отнимаются.

— После боя, Золотарёв. После боя.

— Старшой.

— Ну?

— А сейчас там нашим, в траншее, водку будут раздавать. Перед атакой. А нам — облом. Несправедливо.

— Я свою пайку после атаки тебе отдам.

— Правда, что ль? Вот за это спасибо.

Ракета отгорела, тьма снова легла на белое поле. Подползли к проволоке. Нижние ряды были срезаны и заведены к кольям. Штрафники тут же нырнули в приготовленные сапёрами лазы. Болото только-только начало замерзать. Ледок и кочки под их телами так и дышали. Степан пропустил Золотарёва вперёд, дождался вторую тройку.

— Шитов, давай назад. Скажи Нелюбину или ротному — я прислал. Передай ему: по болоту не пройти, лёд слабый. Только — ползком. Так что

пусть ползут до проволоки и дальше метров тридцать-сорок, до крайних берёз. Если раньше поднимутся, потопят немцы роту в болоте. Понял? Давай.

До начала атаки оставалось не больше часа. Как раз чтобы добраться до немецкой траншеи. Вот только как туда добраться? Ракеты серебряными струйками выскальзывали из-за обрубленных стволов берёз и расплывались в чёрном небе ослепительными кометами. Чёрт бы их побрал. Степан заметил, что “фонари” вверх взлетают из одних и тех же мест и что пулемётчик в окопе сидит хитрый: стреляет бессистемно, то длинными, то короткими очередями. Пули не трассирующие, а обычные. Так что куда он палит через каждые двадцать минут, не понять. Взводный сказал, что ночью немцы занимают окопы по всей ширине. Возвращаются из ближнего тыла все: и миномётчики, и стрелки, и расчёты противотанковых орудий. Так что сейчас они там, в траншее, в блиндажах. Все. Полный штат у них там. Везде выставлены часовые и наблюдатели. Только и ждут, когда к ним полезут вверх из русской траншеи.

Когда миновали болото и выползли к берёзовым пенёкам, двоим Степан приказал остаться:

— Ерёмченко, если мы не сможем, заходите с двух сторон и забрасывайте пулемёт гранатами. Другого приказа не будет. Ну, бывайте здоровы.

— Удачи, сержант.

Золотарёв полз впереди. За ним Зикун. Степан — замыкающим.

— Впереди — мины. Здесь наших сапёров не было. Так что прощупывайте перед собой каждый сантиметр.

Пулемёт снова расколол ночную тишину. Второй дежурил правее, где-то напротив первого взвода. Значит, две другие группы двигались на ощупь. В траншее, перед выходом, им указали примерные ориентиры, и они поползли на них вслепую. Гранаты будут бросать, когда пулемёты заработают. Но это не значит, что пулемётчики на тех позициях спят. Не спят. Дежурят. Смотрят вниз. Слушают. Просто не обнаруживают себя. До поры до времени.

До траншеи осталось шагов сорок. Золотарёв, ползший первым, вдруг замер. Поднял руку. Мина, догадался Степан. Вряд ли форточник разбирается в немецких минах. Он подполз к нему. Шёпотом:

— Где?

— Я её держу, старшой. — Шёпот Золотарёва дрожал.

— Тихо. Дай её мне. Отпускай. Не бойся.

— Пальцы прилипли. Не отдеру.

Степан нащупал ребристый цилиндр корпуса мины. А вот и взрыватель. Шпринг-минен. Самая паршивая сука из всех сук... Взрыватель не поворачивается. Или примёрз, или заржавел...

— Золотарёв, — зашептал Степан, — погрей мне руки. Надо взрыватель выкрутить.

— Брось ты его. Давай обползём её.

— Уже не могу. Надо выкручивать. А то рванёт.

Руки Золотарёва были тёплые. Снег под ними таял. И пальцы Степана вскоре отогрелись, стали послушными. Он начал расшатывать взрыватель, и тот вскоре поддался, пошёл, зашуршал...

Пулемёт расколол тишину, как всегда, внезапно. Но никто из них не вздрогнул и даже не оглянулся на его секущееся, клочковатое пламя. Ракета описала свою привычную траекторию и погасла. Но следом за ней взлетела другая. Ракеты взлетали из другого окопа. Иногда немец их пускал веером, в разные стороны, и тогда “форнари” неожиданно зависали на девять секунд не там, где их, возможно, кто-то ждал, а совсем в другом месте.

Степан пополз вверх. Теперь ползти стало труднее. Стаскивало вниз. С каждым метром подъём становился круче. Степан почувствовал, как испариной покрывается лоб. И всё же пробрались... Кажись, пробрались... Неужели пробрались?..

Когда погасла очередная ракета, Степан поднял руку и махнул дважды, что означало: залечь и не двигаться. Замерли. Ракеты передвигали вокруг них резкие, будто из картона вырезанные, тени. Каждый раз одинаковой конфигурации и по одному и тому же маршруту. Степан прикрыл глаза, что-

бы не видеть их больше. Но это не помогло, чёрные горбатые тени, как и мгновение назад, ползали по искрящемуся снегу, и от них мурашки бежали по спине.

По траншее понесли долгожданную канистру. Последние два-три дня в роте только и говорили, что о “подъёмных”. Некоторые шутники-мечтатели делали предположения, что будут наливать не по сто, как обычно перед боем, а по сто пятьдесят, и даже по двести граммов, — ввиду важности поставленной задачи.

— Давайте, ребята, у кого что есть. Подставляйте.

Под струю, от которой шибало морозным спиртовым запахом, подставляли кто котелок, кто кружку. Тут же пили, задыхались, закусывали кто горстью снега, кто припасённым сухарём, кашляли и кричали от удовольствия. Никто не разговаривал. Только местные покуривали, сбившись в просторных ячейках, и тихо перекидывались редким ненужным словом. Им сейчас не вылезать из траншеи, не бежать к болоту. Пусть эти, штрафные, теперь туда сбегают. А они уже два раза... Половина роты там лежит, под колями. Никаких “подъёмных” не надо.

— Командиры взводов — к командиру роты, — передали по цепи.

Старший лейтенант Солодовников посмотрел на них из-под сдвинутых бровей. Он сидел в жарко натопленном блиндаже не снимая шапки, весь перепоясанный ремнями, и от него, как и от лейтенантов, пахло морозом и окопом.

— Ну что, товарищи лейтенанты, кажись, не последние мы у бога сукины сыны. А? Прошли наши группы. Из второго взвода вернулся один боец, передал, что за проволочным заграждением — болото. Живое. Хвать его за душу... Не пройти. Ползти надо. А поэтому ползти придётся отсюда. Отсюда и до склона. На пузе надо, товарищи лейтенанты, болото переползать. Так что тихо пойдём. Если получится. И почему ни разведка, ни сапёры не сообщили, что болото не замёрзло? Если не получится, по моему сигналу поднимайте людей и — вперёд. Приказа на отход не будет. Сам из пулемёта всех положу. Вопросы есть?

Вопросов не оказалось.

— Выдвигаемся через десять минут. Сигнал — две коротких очереди из дежурного “максима”. Всё лишнее оставить в траншее. Всё. Давайте к людям.

Воронцов бежал по траншее, спотыкался. За ним, в темноте наскакивая друг на друга, чертыхаясь и смеясь, бежали младшие лейтенанты. Для некоторых из них предстоящая атака станет первым боем. А для кого-то, может так случиться, и последним. Передал по цепи приказ. Приказ приняли молча. Никто вопросов не задавал. Начали торопливо перекладывать вещмешки, укутывать в запасные портянки, выданные как полотенца, котелки, гранаты, взрыватели, — чтобы не гремели. Некоторые, кто уже побывал в боях, гранаты рассовывали по карманам. На спину, чтобы не мешали ползти, сдвигали подсумки.

Он побежал по траншее, повторяя одну и ту же фразу:

— Кашлять в шапки! Кашлять в шапки! Кашлять в шапки!

— Да мы там, на горке той, откашляемся, товарищ лейтенант, — ответил боец из четвёртого отделения, которого Воронцов заметил ещё во время учебных атак — Пескарёв. Весёлый парень. Чем-то Степана напоминал. Степан, как в плену побывал да в отряде Радовского послужил, будто позабыл свои шутки-прибаутки. А этого, видать, ничто не взяло. Воронцов знал, что Пескарёв и плен пережил, и в карательном отряде успел послужить. И, между прочим, где-то под Вязьмой партизан из лесов вычёсывал. Значит, и по его, Воронцова, следу ходил. Но с сержантом Чинко он компанию не водил. Что-то стояло между ними.

Простучали, отчётливо отстреливая каждый патрон, две короткие очереди.

— Ну, Сашка, пошли, — услышал Воронцов голос лейтенанта Гридякина.

— Пошли, Коля. — И сказал бойцу, который стоял рядом и напряжённо всматривался через бруствер, словно пытался увидеть свою судьбу: — Передать по цепи: ползком — вперёд!

— Вперёд!
— Вперёд!..

— Пошли, мужики! Вперёд!..

Взвод продвигался вперёд двумя колоннами на сокращённых интервалах. Впереди — лейтенанты. Сзади, замыкающими, — сержанты.

До колев доползли быстро. Пролезли под проволоку. Дальше начиналось болото. Когда взлетали ракеты, Воронцов видел, как курились парком чёрные полыньи. Болото широкое, брода не видать ни справа, где продвигался четвёртый взвод, ни слева, в полосе взвода Нелюбина.

Всё пока шло хорошо. Немцы их до сих пор не обнаружили. Если даже сейчас проснутся пулемёты, ребята забросают их гранатами.

Воронцов придерживал на руках пахнувший смазкой автомат. Противогазная сумка с дисками, подтянутая подмышку, легко тащилась по шершавому льду рядом. Иногда Воронцову казалось, что она ползёт сама по себе. А вот и берег. Воронцов привстал на колени, оглянулся. Ракета погасла. Скот погрузился во тьму. Воронцов махнул автоматом, торопя бойцов. Часть взвода ещё копошилась на середине болота, обтекая чёрные дымящиеся полыньи. Рядом тяжело дышал лейтенант Гридякин. Надо же, время от времени оглядывался на него Воронцов, тоже полез.

— Зачем вам это? — шёпотом спросил Воронцов, наклонившись к лицу Гридякина.

— Ты, Сашка, знай занимайся своим делом, а я буду заниматься своим.

В чёрное небо взлетели сразу три ракеты, за ними ещё три. И тотчас ударили сразу три пулемёта. Трассеры уходили в сторону болота, где ещё копошились отставшие. И сразу же захлопали вверху гранаты.

— Вперёд! — заревел где-то совсем рядом ротный. — Живей, ребята! Хвать её в душу!

— Вперё-о-о-о!..

— А-а-а-а!..

Скот сразу ожил и хлынул вверх. Никто пока не стрелял. Немецкая траншея молчала. Но вот внезапно ожил один из пулемётов. Длинными очередями он расстреливал почти в упор карабкающихся по склону людей. Больше всего доставалось первому взводу. Значит, там разведчики не работали. Либо ошиблись с направлением, либо далеко залегли и не добросили гранаты. Защёлкали винтовочные выстрелы, застучали немецкие автоматы. Вал встречного огня усиливался с каждой минутой. Но тут из-за болота ударили прямой наводкой орудия поддержки и миномёты. Мгновенными вспышками им ответили немецкие орудия прямой наводки, замаскированные на горе. Артиллеристы схватились в кинжальной дуэли.

Воронцов карабкался вверх, падал, делал короткую очередь, тут же откатывался в сторону, вскакивал и карабкался дальше.

— Вперёд! Встать! Всем — вперёд! — кричал он, оглядываясь на взвод.

В какое-то мгновение справа, шагах в десяти, он увидел своего замполита Саенко. Тот поднимал залёгших бойцов, тыкал их стволом автомата.

— Саенко! Дронов! Поднимайте всех! Вперёд!

Откуда-то сбоку выкатилась белая тень с оскаленным от крика лицом и винтовкой с примкнутым штыком.

— Чинко! Живой! Молодец! Где ребята?

— Все убиты!

— А ну давай — пару гранат туда! — И Воронцов указал автоматом в сторону бруствера, над которым колыхались каски и откуда стреляли автоматы.

Через мгновение туда полетело несколько гранат. Воронцов зубами выдернул чеку, разжал пальцы, отпустив на свободу скобу взрывателя. Лёгкий щелчок он скорее почувствовал, чем услышал. На ходу бросил ребристое тяжёлое тельце Ф-1, стараясь перекинуть его через бруствер. Взрыва он не услышал и не увидел. Мины миномётов усиления рвались уже в глубине обороны немцев. Там что-то вспыхнуло и загорелось, и на фоне пожара очертания горы стали ещё чернее. Чёрные каски вверху над абсолютно чёрным бруствером стали редеть. Неужели они отходят? Значит, получилось.

Левее уже началась свалка в траншее. Ворвались либо нелюбинцы, либо первый взвод. Теперь им, третьему и четвёртому, станет легче. Немцы наверняка переместились туда, чтобы выбить ворвавшихся из своих окопов. Штрафников четвёртого взвода, залёгшего на склоне, длинными очередями поливал пулемёт. Цепь копошилась на месте. Кричали и выли раненые. Матерились лейтенанты. Ракеты взлетали в небо гроздьями. Огненные хлопки орудийных выстрелов чередовались с взрывами снарядов и мин. Артиллеристы добивали ПТО прямой наводки, которые немцы имели по всему периметру траншей. И в это время сзади, за болотом, за траншеей, в которой штрафники несколько минут назад ждали сигнала атаки, загудело, завылло, и десятки огненных трасс, пронзая чёрное небо, устремились вверх. Ревущие кометы перелетали через гребень высоты, завершали там свою заданную траекторию и рвались в глубине немецкой передовой линии. От неожиданности взвод залёг. Исчезли и каски над бруствером сверху.

— “Катюши”!

— Это же наши долбают!

— Вперёд! — закричал Воронцов. — Последний бросок — бегом!

— А-а-а! — закричали справа и слева.

Рядом с Воронцовым карабкался лейтенант Гридякин. Он тоже что-то кричал и стрелял вверх из своего автомата. Воронцов ухватился за высокий пенёк, подтянулся, упёрся в него ногой и прыгнул вперёд. Мимо, обгоняя его, пронеслась трасса разноцветных пуль и рассыпалась среди изрубленных деревьев, где виднелись мелькающие фигурки — немцы. Они отходят! Но тут же, из-за бруствера, до которого оставалось шагов семь-восемь, полыхнула другая, встречная, пронеслась над плечом, так что Воронцова инстинктивно поманило к земле. Хлопнул под ногами запал ручной гранаты. Воронцов перескочил её и через минуту перевалился через бруствер. Сзади его толкнули. Он упал вниз головой. Почувствовал под собой чьё-то тело. Оно было ещё живым, пахло потом и свежей перевязкой. Воронцов вскочил на ноги. На дне траншеи, привалившись спиной к плетню, которым были укреплены боковые стенки окопа, сидел немец и смотрел на него. Он тяжело, с хрипами, дышал, прижимая к забинтованной груди руки. Немец смотрел на него спокойным взглядом человека, готового ко всему. И в это время на Воронцова откуда-то из боковой ячейки прыгнул другой немец, сбил с ног и начал душить. Воронцов напрягся, с силой оттолкнул его ногами. На того тут же навалились двое — Чинко и Гридякин.

— Пулемёт! — закричал Воронцов. — Где пулемётчик? Саенко! Дронов! Живо своих пулемётчиков! — И он указал в сторону вырубленного снарядами березняка, где немцы, видимо, отступившие во время внезапной атаки штрафников, перегруппировывались и уже развёртывались в цепь.

А в самой траншее ещё шла драка. Сапёрные лопаты и приклады рубили и проламывали каски. Кололи штыками. Ползали на четвереньках, влоча за собой перебитые руки и ноги. Кричали нечеловеческими голосами. Матерились.

Два “максима” без щитков тут же установили по флангам и ударили по березняку. Но оттуда уже летели гранаты. Один из пулемётов сразу же потонул в разрывах. Другой продолжал кромсать накапывающуюся на траншею цепь. Раненые и убитые падали в снег. Живые тут же отползали назад, в сторону березняка. А остальные продолжали с криком бежать вперёд.

— Огонь! — кричали лейтенанты.

Гридякин заменил диск и стрелял длинными очередями.

Остановить контратакующих перед траншеей взводу всё-таки не удалось. Снова началась рукопашная. Несколько штрафников выскочили из траншей и прыгнули вниз.

— Назад! — Воронцов перекинул автомат, выпустил очередь поверх голов.

Вернулись они назад или покатались дальше, вниз, Воронцов уже не видел. Чёрная тень перемахнула через колья плетня, на мгновение закрыв перед ним всё. Он наугад сбоку ударил её прикладом. Тень рухнула рядом. Скользнул по плечу штык и воткнулся в противоположный плетень. Ворон-

цов выхватил из-за сапога нож и бил им до тех пор, пока не почувствовал, что тело обмякло и уже не сопротивляется.

— Саенку закололи, — услышал он над собой голос лейтенанта Гридякина.

— Где сержанты? — спросил он, осмотревшись и поняв, что и на этот раз отбились. — Дронов, ко мне! — закричал он.

Подбежал младший лейтенант Дронов.

— Что с Саенко?

— Убит, — ответил Дронов. — Наповал.

— Обойди правый фланг, проверь стык. Узнай, что там в четвёртом? Я — на левый. Если кто убит из сержантов, назначь новых. Уточните наши потери.

— Что делать с ранеными, товарищ младший лейтенант? — спросил сержант Чинко.

Что делать с ранеными? Ротный ничего не сказал.

— Всех перевязать. Кто может идти, пусть идут своим ходом. Тяжёлых пока сложите в блиндаже. И вот что, Чинко, посмотри там пулемёт. Не сильно ты его изуродовал?

— Ребята уже смотрят. Вроде работает. Патронов навалом.

— Это хорошо.

Подбежал Гридякин:

— Ну что, Сашка? Почему сидим тут? Ждём, когда нас контратакуют? Надо дальше наступать!

— Приказа не было. Иду к ротному.

— Понял. Скажи, что мне делать?

— Младшего лейтенанта Саенко убили. Если сейчас пойдём дальше, я стану в середине, а вы с Дроновым по флангам. А пока проверь пулемёты.

— Есть, товарищ младший лейтенант! — Гридякин улыбнулся. Лоб его был разбит, но кровь уже присохла.

Глава шестнадцатая

Во взводе Нелюбина потерь оказалось больше. Воронцов шёл по ходу сообщения, перешагивал через убитых. Бойцы уже расчищали траншею, складывали в ячейках своих убитых. Снимали с них вещмешки с патронами, гранатами и сухим пайком.

— Ну что, Иван Матвейч, — хлопотал возле одного из убитых пожилой боец в разорванном ватнике. — Вот и взяли мы их. Вот и искупил ты, земляк, перед родиной... Нету у тебя теперь никакой вины.

— Где командир взвода? — спросил бойца Воронцов.

— Там. — Боец устало и, как показалось Воронцову, безразлично махнул рукой вдоль траншеи. — Там он. Сержанта ранило. Так он с ним.

— Стукалина? Сержанта Стукалина? Ну, что молчишь, боец?

— Кажись, его. Разведчика. Шустрый такой...

Воронцов побежал вперёд, расталкивая бойцов.

— Там они, — кивнул ему на вход в блиндаж санинструктор. — Я ему уже ничем помочь не могу. А работы много...

Воронцов спустился по земляным ступенькам в блиндаж. На топчане лежал Степан. Он тяжело дышал. Смотрел неподвижными глазами в брёвна накатника. В другом углу, сгрудившись над столом, сидели офицеры. Слышался голос старшего лейтенанта Солодовникова. Среди офицеров Воронцов увидел артиллериста и ещё кого-то из связистов.

— Воронцов, давай сюда. Какие у тебя потери? Докладывай. — Ротный махнул ему рукой. — План твой оказался верным. Буду писать на тебя реплицию. И ворвался твой взвод хорошо. И контратаку отбили. На тебя все кинулись. Какие у тебя потери?

— Сержанты сейчас подсчитывают.

— Да мне примерно. Чтобы знать, чем мы располагаем.

— Думаю, человек десять потеряли. Если считать раненых, то ещё человек восемь.

— Раненых придержи в траншее. Не отправляй пока в тыл. Только — тяжёлых. Ты что, Воронцов, квёлый такой? — Голос старшего лейтенанта Солодовникова доносился как из тумана. — Ранен, что ли?

— Нет, Андрей Ильич, со мною всё в порядке. Разрешите мне с другом поговорить?

Сидевшие вокруг стола затихли.

— Да, да, вы ведь вместе выходили... Молодец твой Стукалин. Пулемёт вывел из строя первыми же гранатами.

— Что с ним?

— В траншее уже... Очередь из автомата. Прямо в грудь. Фельдшер сказал, что в тыл нести бесполезно. Вот такие дела, взводный. Так что прощайся с другом и давай сюда.

Воронцов взял руку Степана. Лицо его сразу вздрогнуло.

— Ну, как ты, Стёп? Я ротного попрошу, чтобы в тыл тебя отнесли. А?

— Спасибо, Сань. — Степан говорил с трудом, медленно разлепляя спёкшиеся чёрные губы. — Помнишь, как мы... наша шестая... на речке той...

— Тихо, тихо, молчи. Тебе больно?

— Сань, в кармане у меня письмо от матери. Старое... прошлогоднее... Адрес на нём обратный... Не хочу под чужим именем...

— Хорошо, Стёп, ты только не переживай. Всё сделаю. Будем жить, Стёп! Будем жить!

Ротный снова позвал Воронцова.

Степан шевельнул губами:

— Не оставляй меня, Сань. Умирать скоро... Боюсь один остаться... А там... там не боюсь... Там нас много...

— Я с тобой, Стёп. С тобой. Ты, может, хочешь чего? Пить хочешь? У меня и водка есть. — Воронцов достал из кармана трофейную фляжку, потряс ею.

Степан снова шевельнул губами. Голос его уже стал совсем тихим. Воронцов наклонился к нему и услышал:

— Сань... устал.... Ох, как я устал...

Уже рассвело. Воронцов и не заметил, как всплыло над дальним лесом, над верхушками нетронутых снарядами берёз оранжевое солнце. Вдруг спохватился, что не взлетают ракеты. Да и вообще тихо стало кругом. Немцы притихли. Наших не слышать. Первая мысль: где батальоны? Почему не слышать боя на флангах? Там сейчас должна стоять пальба и дыбом вставать земля! Значит, не пошли батальоны?

Приполз связной с НП командира роты:

— Донесение лейтенанту Гридякину! Кто из вас лейтенант Гридякин?

— Я. — Гридякин открыл глаза. — Давай, что там у тебя.

Связной передал записку. Гридякин прочитал её и порвал.

— Скажи ротному, что приказ будет выполнен. Можешь быть свободным. — И лейтенант Гридякин снова закрыл глаза.

Левая ладонь его была перевязана. Когда прыгал во вторую траншею, немец встретил его на штык. Гридякин машинально выбросил вперёд руку, и штык проткнул ладонь. Сейчас, после второй траншеи, он выглядел ничуть не лучше штрафников. Вот почему связной не сразу разглядел его среди бойцов. В оборванной шинели, с закопченным лицом, кровоподтёком на скуле, разбитым лбом и рассечённой губой. Теперь он дремал, прижавшись к пулемётчику.

Воронцов обошёл свой взвод. Бойцы провожали его молчаливыми взглядами. Послушные и безропотные в бою, они и во время отдыха не досаждали своими вопросами и просьбами. Будто всё знали наперёд, смирившись со своей судьбой и готовностью свою чашу нести до конца.

— Чинко, — окликнул он помкомвзвода, — раненые до сих пор не отправлены. Почему?

Взгляд у сержанта Чинко спокойный. Будто и не было двух рукопашных. Голос тоже:

— Снайпер бьёт, товарищ младший лейтенант. Сами видите, что делается. Дождёмся темноты, отправим. Ребята потерпят.

В строю из семидесяти пяти человек оставалось тридцать восемь. Тридцать девятым был лейтенант Гридякин.

— Дронов, оба пулемёта — на фланги. Пусть заряжают диски.

— Они уже заряжают, — ответил зам по строевой.

Группы немцев бойцы выбросили из траншеи, образовав с западной стороны бруствер. Теперь сидели в ячейках и делили трофеи, щёлкали зажигалками, курили в рукава, посмеивались друг над другом. Обычная реакция после атаки. Живые вспоминают что-нибудь смешное. О мёртвых не говорят. Мёртвым уже ничего не нужно, они даже покурить не просят.

— Чинко, откуда бьёт снайпер?

— Да кто ж его разберёт. Лупит на каждое движение. Двоих уже в блиндаж унесли.

— Ты МГ освоил?

— Да я его давно освоил, — признался Чинко тем же спокойным тоном.

— Стреляешь хорошо?

— На сто шагов в середину корпуса не промахнусь.

— Тогда слушай меня внимательно. По фронту снайпер огонь не ведёт. Как правило, стреляет с фланга. Я сейчас высуну каску, а ты понаблюдай. Постарайся засечь вспышку выстрела. — Воронцов протянул сержанту бинокль.

— Не нужен мне никакой бинокль. У меня глаза хорошие.

— Когда увидишь вспышку, молоти по тому месту, пока ствол не перегреется. Кончится лента, спрячь голову и лежи, не высывайся.

Воронцов подобрал винтовку с разбитым прикладом, надел на неё каску, валившуюся под ногами, и поднял её на четверть над трупом немца. Затем он шевельнул труп, подтащил его к себе. Пусть снайпер подумает, что русские продолжают обшаривать убитых. Опустил каску и снова приподнял. И в это мгновение пуля щёлкнула по каске, так что та отлетела в глубину траншеи. И тут же торопливо заработал МГ. Воронцов на четвереньках подбежал к сержанту. Тот, прижав к щеке верхний рог короткого приклада, молотил из пулемёта по крыше сарая, стоявшего возле дальнего леса, метрах в ста пятидесяти от их траншеи. Вскоре плоский наконечник целиком отстрелянной ленты, щёлкнув, выскочил из приёмника. Сержант быстро убрал с бруствера пулемёт и поставил его на дно траншеи.

— Перегрел, — сказал он и швырнул на кожих горсть снега. — Пахнет, как в кузнице...

Подошёл лейтенант Гридякин.

— Что там?

— Снайпер в сарае засел.

— Думаете, вы в него попали?

— Попасть, может, и не попали, — сказал Чинко, — но напугали все-рёз. Он теперь отсюда уйдёт. Он понял, что и за ним охота началась. Снайпер — хищник осторожный.

— Как думаешь, — спросил Гридякин, — почему они молчат? Хреновая какая-то тишина.

— Скоро узнаем.

Воронцов позвал к себе командира отделения противотанковых ружей. Худощавый сутулый сержант с раскосыми карими глазами степняка доложил, что расчёты расположились углом вперёд, что запасные позиции тоже отрыты и замаскированы. Фамилию командира отделения бронебойщиков Воронцов никак не мог запомнить. Запомнил имя.

— Карим, как вы думаете, если они пустят танки, откуда надо ждать атаки?

— Танка нада маневр, — с сильным акцентом ответил Карим. — Сюда болото, сюда болото. Там — дорога. Оттуда ждём, товарищ младший лейтенант.

— Хорошо. Один человек пусть ведёт постоянное наблюдение. Остальным — отдыхать.

— Есть, товарищ младший лейтенант. — Карим махнул ладонью у обреза каски и пошёл по ходу сообщения к позициям ПТР.

Две броневые были расположены в глубине траншеи, третья — непосредственно в одной из стрелковых ячеек.

Во второй половине дня началась стрельба на флангах. Немцы, казалось, забыли о прорвавшейся роте, оседлавшей одну из высот. Они сосредоточили огонь своих орудий и миномётов на скатах справа и слева от штрафников. Несколько раз там слышалось: “Ра-а-а!” Но всё тонуло в сплошном гуле взрывов и пулемётном грохоте. Девятка пикировщиков пронеслась над деревьями. Самолёты сделали вираж, набрали высоту и начали почти отвесно пикировать на скаты. Разгрузившись, “лаптежники” улетели. Внизу всё трещало и горело. Дым и копоть сносило в лес.

— Вот и вся атака наших батальонов, — сказал спокойным голосом сержант Чинко и осторожно спросил: — Товарищ лейтенант, как вы думаете, приказа на отход не будет?

— Не будет, Чинко.

Сержант докурил немецкую сигарету, уронил окурок и сказал:

— Я тоже так думаю. Но вы не сомневайтесь. Никто из наших, товарищ младший лейтенант, второй раз в плен не пойдёт.

— А я и не сомневаюсь. Пойдём-ка проверим позиции пулемётных расчётов, сержант.

Пошли на левый фланг. Пулемётчики сидели на дне просторного окопа. “Максим” без щитка стоял внизу, прикрытый трофейной плащ-палаткой. Пулемётчики, развязав один из принесённых с собой вещмешков, набивали брезентовые ленты патронами.

— Где запасная? — спросил Воронцов первого номера.

— Там, товарищ младший лейтенант, — вскочил боец. — В двадцати шагах отсюда. Глубже и немного левее.

— Хода сообщения туда, конечно же, нет.

— Да где ж тут его откапашь, товарищ младший лейтенант. Они уже сейчас пойдут.

Все бойцы были уверены, что немецкая контратака начнётся с минуты на минуту.

— Следите вон за тем отрезком дороги. Это — ваш сектор. Стрелять — только во фланг. Фронт — не ваше дело. Только в крайнем случае. Если подойдут на бросок гранаты.

— Если подойдут на бросок гранаты, то стрелять уже поздно, — сказал первый номер. — Тогда надо будет на запасную уматывать.

Народ во взвод подобрался бывалый. Что и говорить, взвод, который достался ему в начале офицерской карьеры, оказался хорошим взводом. Вот только истаивал он быстро. И задача оказалась непомерной.

Пошли дальше. Впереди Воронцов увидел пулемётчиков второго взвода. Соседи тоже устроились и отдыхали. Там, во втором взводе, уже не было сержанта Стёпки Смирнова. Потёртое письмо его матери, которое Степан сохранил и в плену, и в роте Радовского, теперь лежало в полевой сумке Воронцова. Эх, Стёпа, Стёпа... И умереть тебе пришлось под чужой фамилией...

Во второй взвод он идти не хотел. Разве что провести Кондратия Герасимовича. Нет, Нелюбину сейчас не до него. Тоже, видать, обходит своё хозяйство и отдаёт распоряжения пулемётчикам, стрелкам и броневым бойцам.

— Чинко, — сказал Воронцов своему помкомвзвода, — я обещал вам написать на вас ходатайство за умелые действия в составе передовой группы. Учтите, я не забыл.

— Я об этом не думаю, товарищ младший лейтенант. — В глазах Чинко сияла благодарность.

— Во время боя следи за левифланговым пулемётом. Пусть не спешит обнаруживать себя. Но когда откроет огонь, пусть не робеет, что сейчас мина прилетит.

— Понял. Они ребята надёжные.

Потом, пересиливая дремотную усталость, Воронцов услышал, как Чинко тихо разговаривал сам с собой и напевал:

*Ой, гора-гора, гора высокая.
А под горой лежат четыре сокола.
Четыре сокола, четыре сизова...
Любил я девочку ещё до призыва...*

Контратака началась вечером. В лоб немцы не пошли. И взвод Воронцова, занимавший оборону в середине траншеи, занятой ротой, в начале схватки сидел без дела. Чтобы не засвечивать основную позицию, Воронцов приказал левофланговому расчёту “максима” быстро перебраться на запасную и поддержать фланговым огнём первый и второй взводы. Два “дегтяря” он держал в центре. Что-то подсказывало ему, что главные события ещё впереди. Немцы нажимали на первый и четвёртый взводы. Особенно доставалось первому. Первую атаку те отбили сами. Вторую смели миномётчики. Заболоченный дуг, глубокие канавы, заполненные водой и теперь замёрзшие и присыпанные снегом, похоже, довоенные торфоразработки, исключали применение танков. Данные разведсводки, которую перед выдвижением на исходные зачитывал им старший лейтенант Солодовников, свидетельствовали о том, что на станции Милятино, в четырёх-пяти километрах отсюда, немцы держат резервы. Резервы расположены в два эшелона: около пятнадцати танков и до двух батальонов пехоты в первом и батальон средних танков и до дивизии пехоты — во втором. Батальоны, как можно предположить, подошли. Танки они могут пустить только отсюда, с фронта. И только на их взвод.

— Карим, слушай внимательно, — предупредил он командира броневой пехоты — На фланги не отвлекайся. Твоё дело — танки. Пока их нет, слушай, наблюдай и протирай патроны.

— Задача ясный, — коснулся обреза каски степняк.

Ротный, видимо, обрывал всё телефоны. Через минуту шквал артиллерийского огня накрыл пустошь и березняк справа и слева от траншеи, занятой штрафниками. Чёрная стена взрывов шла, продвигаясь в глубину немецкой обороны, пошатывалась из стороны в сторону. Некоторые снаряды, будто выпадая из геометрии заданных траекторий, падали возле окопов первого взвода.

По ходу сообщения, который вёл в тыл, прибежал связной с НП командира роты. Связист нес “маузер” с оптическим прицелом. Винтовка была завёрнута в пятнистую трофейную плащ-палатку. Воронцов сразу узнал этот длинный свёрток.

— Товарищ младший лейтенант, велено вам передать. — Связист сунул в карман руку и выгреб оттуда горсть патронов. Потом другую. Патроны были облеплены крошками рыжего табака. — Вот всё, что есть. Двадцать один.

Ещё четыре в магазине, вспомнил Воронцов.

— А где лейтенант Гридякин?

— Ушёл во второй взвод.

Связист потоптался в грязном, перемешанном с торфом снегу, посмотрел в сторону второго взвода, откуда тянуло толовой гарью. Не хотелось ему идти туда.

— Ему велено явиться на НП командира роты. Ротный ругается.

— Хорошо, передам. И скажи старшему лейтенанту Солодовникову, что мы ждём танковой атаки. Когда пойдут, пусть артиллеристы помогут нам.

— Так и передать?

— Слово в слово. Идите.

Воронцов распеленал “маузер”, открыл затвор, дозарядил магазин. Расчехлил прицел и начал осматривать сарай, углы, дыры в крыше. Сарай лучше было бы сжечь. С его чердака наверняка хорошо просматривается наша траншея со всеми и основными, и запасными позициями пулемётчиков и броневой пехоты. Идеальный наблюдательный пункт для корректировки огня. На месте офицера, который решил бы на танковую атаку с фронта, было бы разумным послать на этот НП наблюдателя и корректировщика. У них каждый танк и каждый артиллерийский расчёт оснащены радиостанциями. Знал Воронцов и другое: если во время боя командир подразделения

начнёт в полном объёме исполнять работу бойца, пусть даже снайпера, то некому будет командовать подразделением. Но в бою, Воронцов знал и это, наступает такой момент, когда никакие команды уже не влият на ход стремительно развивающихся событий, и офицеры дерутся плечом к плечу с солдатами, и их главная роль сводится к тому, что они — рядом, в окопе, и так же, как и все, продолжают вести огонь, доводя его, как написано в уставе, до наивысшего напряжения.

Первая мина шлёпнула с недолётом.

— Убрать винтовки! — скомандовал Воронцов. — Всем, кроме наблюдателей, лечь в траншею и приготовиться к бою!

— Сашка, что? Начинается?

Воронцов оглянулся. Перед ним стоял лейтенант Гридякин. Лицо его было бледным. То ли от усталости, то ли от того, от чего всегда бледнеет солдат перед атакой.

— Вам приказано прибыть на НП командира роты, — сказал Воронцов, стараясь не смотреть ему в глаза.

Лейтенант Гридякин это заметил. В такие мгновения, когда в человеке напрягаются все силы, и физические, и иные, видится многое и многие мысли приходят, и многие откровения охватывают душу, чтобы напоминать потом о себе всю оставшуюся жизнь. Если её суждено прожить. Если жить человеку не до первого разрыва мины и не до первой пули...

— Чего ж ты отворачиваешься, Сашка? А? Уже заранее меня презираешь, да? Он, мол, сейчас в тыл поползёт, шкуру спасать. Чтобы донесения писать, как мы тут храбро дрались. А нам — умирать... Ну, скажи честно, ты это подумал?

Воронцов посмотрел в глаза Гридякину. Губы лейтенанта дрожали.

— Никуда я не пойду. У меня ещё два диска патронов, две гранаты.

— Бойцов у меня во взводе хватает. Тогда иди к Прохоренко. Он там один остался. Ему помощь нужна. — И Воронцов вытащил из противогазной сумки ещё один диск и сунул в руки лейтенанту Гридякину.

Они обнялись. Лейтенант Гридякин, пригибаясь после каждого взрыва, пошёл на правый фланг. А Воронцов вскинул винтовку и снова обшарил в прицел углы сарая. Наблюдателя-корректировщика он просмотрел. Или тот подполз со стороны леса и так же незаметно поднялся наверх. Или сидел там всё время, пока рота обживала траншею, и просто не обнаруживал себя. Надо было послать кого-нибудь в разведку. То, что наблюдатель там, Воронцов знал точно: мины, прилетавшие откуда-то из-за гряды смешанного леса, ложились прицельно, плотно накрывая полосу траншеи, с каждым взрывом обжимая её всё плотнее и плотнее.

Воронцов осмотрел чёрные провалы в крыше. Их всего оказалось пять. Возле одной из них сейчас стоит немец, наблюдает за огнём своих миномётов и передаёт поправки.

Уже слышались крики раненых.

— Санитара сюда! — закричали сразу несколько голосов.

Свист мины, раздавшийся совсем рядом, заставил Воронцова прижаться к стенке отводной ячейки. Немцы, видимо, начали рыть запасной ход сообщения, но не успели. И Воронцов теперь стоял на коленях в этом недорытом окопе и ждал взрыва мины. Взрыв! Мина взорвалась в двух шагах от него. Запахло толовой гарью. Осколков он не услышал. Заложило уши. Выглянул. Поднял винтовку. И раз за разом, быстро перезаряжая, положил пять пуль в нижний обрез проломов в крыше сарая. Перезарядил винтовку и зачехлил прицел.

Гула моторов он не услышал. В ушах ещё звенело. Да и миномётный обстрел продолжался, сдвигаясь на левый фланг, ко второму и первому взводам. Но крик командира отделения бронебойщиков услышали все:

— Танка! Расчёты! Приготовиться к бою!

Карим делал своё дело. Он знал, что наступил его час, что его работу, кроме его самого и расчётов бронебоев, не делает уже никто.

Воронцов смотрел в бинокль на дальний поворот дороги, где происходило основное движение. Справа и слева виднелся лес и перед лесом болоти-

на. Там танкам не пройти. Вот и выползали они по узкому участку дороги, чтобы потом здесь, на дугу, развернуться в боевой порядок.

— Расстояние триста метров! — слышался гортанный голос Карима. В минуты боя акцент степняка становился ещё сильнее. — Стрелят подождит! Подождит!

Карим рисковал, стараясь подпустить танки на верный выстрел. Он выстраивал свой бой, и Воронцов понимал, что в его тактику сейчас лучше не вмешиваться. Карим воевал с сорок первого. Под Тулой сжёг первый танк и получил орден. Затем был ранен. Вернулся снова в один из ИПТАПов¹, подо Ржевом попал в окружение. Плен, Вяземский концлагерь, русская рота в составе РОА...

— По головному направляющему! — зло заревел Карим. — Залпом! Пли!

Все три бронебойки вздрогнули, поднимая перед окопами облачка снега и порохового дыма.

— Целься в гусеница!

Снова загрели бронебойки, теперь уже не так дружно.

— Взвод! — кричал Воронцов. — Приготовиться! Пулемётчики молчат до моего приказа! До сарая и гряды раки — только огонь из винтовок! Когда пройдут ракиты, всем взять трофейные автоматы и приготовить гранаты!

Глава семнадцатая

В бинокль Воронцов хорошо видел маневр немцев. Три танка шли колонной, один за другим, соблюдая одинаковые интервалы. За ними — по взводу пехоты. Дальнейшее можно было предположить заранее: как только минуют лесную дорогу, сразу за болотиной начнут развёртываться в цепь. Вот когда их бить! Пока идут колонной! Да где же там артиллеристы?

И в это мгновение несколько фосфоризирующих трасс низко прошли над головами взвода и исчезли за грядой старых раки. Одна из них ударила в головной танк, и тот развернулся и пополз к лесу, разматывая по снегу гусеницу.

— Боковой броня! Боковой броня! Беглый огонь! — Это, почувствовав неожиданную добычу, кричал Карим своим бронебойщикам.

Через минуту танк уже горел. Из моторной части начало вытягивать клочковатый чёрный дым. Открылся верхний люк. Воронцов мгновенно сдёнул с прицела чехольчик, вскинул винтовку. Над башней маячила сторбленная фигура в чёрном комбинезоне. Он взял её в прицел, выстрелил. Танкист скатился вниз. К танку кинулись пехотинцы. Двое запрыгнули на броню. Видимо, пытались помочь танкистам. Но из люка больше никто не появлялся. Воронцов взял на мушку одного из пехотинцев и плавно надавил на спуск. Каска, выкрашенная в белое, так и слетела с его головы. Остальные тут же сыпанули вниз. Бывалые солдаты, они поняли, что стреляет снайпер и что снайпер охотится за одиночными целями. Поэтому, сбившись в кучу, они тут же хлынули за танк.

Но железные коробки оказались плохой защитой. Потому что очередные три трассы, хорошо заметные в ранних сумерках, ударили стальными семидесятишестимиллиметровыми болванками, срывая с брони танков надстройки и срубая куски брони. Один из бронебойных снарядов, миновав танк, скользнул над покорёженным крылом гусеницы и исчез в колонне пехотинцев.

Немецкие танкисты поняли, в какой ситуации внезапно оказались. Пехота расступилась, и танки на большой скорости помчались вперёд, стараясь выйти из зоны огня противотанковых орудий.

¹ Истребительно-противотанковый артиллерийский полк. Особенно много таких полков было создано в начале войны, в 1941-м и 1942 годах, когда существовала угроза прорыва немецких бронетанковых и моторизованных колонн к Москве, Ленинграду, Туле, Сталинграду, Ростову и другим жизненно важным центрам и коммуникационным узлам, оставлять которые противнику было нельзя. В состав ИПТАПа входили также подразделения ПТР.

И в это время загрохотало на флангах и в тылу. Позиции артиллеристов накрыло чёрным дымом. В стороне НП командира роты тоже началась стрельба. Рота пополнялась до самого последнего дня. Когда все четыре взвода были укомплектованы под завязку, со сверхштатными отделениями противотанковых ружий и пулемётными расчётами “максим”, с группами санитаров из расчёта один санитар на каждое отделение, ротный начал формировать резерв. Его он держал при себе. Часть использовал в качестве боевого охранения при артбатареях и миномётчиках. Судя по всему, в бой вступили боевые охранения. А это означало, что и артиллеристам, и миномётчикам теперь не до танков. Там шёл ближний бой. И ротного надо было выручать.

— Прорвались!

— С тыла прорвались!

— Окружают! — донеслось с левого фланга.

Окруженцы заволновались первыми. Они-то хорошо знали, чем грозил выход противника в тыл.

Бласовцы Воронцова молчали. Бледные лица смотрели то на него, то в сторону гряды раки, за которыми уже рассыпались в цепь немецкие пехотинцы.

— Кому что, а цыгану — сало... — проворчал пожилой боец. Он торопливо свёртывал большую самокрутку, такую бойцы называли “семейной” — из последнего табака, на всё отделение. Пальцы у бойца дрожали. Их буквально сводило судорогой, так что боец едва справился с самокруткой.

— Чинко! — приказал Воронцов помкомвзвода. — Бери пять человек с пулемётом и — на НП командира роты. Если они там справляются, бегом назад.

Шесть человек с ручным пулемётом тут же ушли в тыл, где всё гремело и откуда тащило понизу чёрный дым. В траншее тут же заняли опустевшие ячейки. Каски теперь торчали реже. Бронебойки продолжали огонь. Резкие и частые сухие их удары пытались остановить гул танковых моторов. Танки и пехота уже развернулись в правильный фронт и густой глубокой цепью двигались на штрафников. Команды открыть огонь не поступало. Наконец в небо взлетели одна за другой две красные ракеты. Должны были взлететь три. Но, видимо, на НП что-то произошло такое, что помешало сигнальщикам сделать всё так, как надо.

— Взвод, слушай мою команду! — Воронцов посмотрел вправо и влево. Его бойцы уже стояли, привалившись к стенке траншеи и положив винтовки на снежные брустверы и зачочневшие трупы немцев, замерли, нащупывая и поглаживая зачочневшими пальцами спусковые скобы. — По атакующей цепи! Два! В пояс! Первым — залп, затем часто... — Воронцов сделал паузу, прислушиваясь к тому, что происходило на флангах, во втором и четвертом взводах, и рывкнул что было сил: — Огонь!

Цепь приближалась к гряде раки. Один из танков начал отворачивать левее. Пулемёт его плескал клочковатым пламенем. Вот остановился, повёл коротким стволом. Выстрел! Крайнюю бронебойку подбросило вверх, разметало искромсанные тела бойцов.

— С фланга! С фланга! Так вы их не возьмёте! — Воронцов подбежал к командиру бронебойщиков. — Карим! Давай туда! Стреляйте только в боковую броню и по гусеницам! Занимайте окопы стрелков!

— Понял, командир! За мной! — тут же скомандовал он своим расчётам.

Воронцов вскинул винтовку, взял в прицел бегущего в передней цепи с пистолетом. Ни один мускул его не дрогнул. Тело стало послушным и спокойным, как железо. Он надавил на спуск и увидел, как немец откинул назад голову и начал падать. Перезарядил. Провёл прицелом по цепи. Вот ещё один. Этот был с автоматом. Он часто жестикулировал и крутил головой по сторонам, видимо, подгоняя цепь. Этого тоже — в горло. Он подвёл прицел чуть выше центра груди и надавил на спуск. Приклад толкнул в плечо. Дальше он выстрелил ещё несколько раз. Магазин опустел. Он зарядил новую обойму. И через минуту снова зарядил винтовку. Когда выстрелил последний патрон, быстро зачехлил прицел, замотал винтовку в плащ-палатку и сунул её под труп немца, лежавшего за снежным бруствером.

Наступали немцы грамотно. Встретив прицельный ружейно-пулемётный огонь, они сломали цепь и теперь толпами бежали за двумя танками. Танки часто останавливались и стреляли из пушек. Снаряды ложились точно. Вскоре осталась всего одна бронебойка.

Атакующие разделились на две группы. Первая шла на взвод Воронцова. Вторая — на правифланговый четвёртый взвод.

— Карим! Стреляй по тому! — И Воронцов указал на танк, который приближался к траншее четвёртого взвода, подставляя им бок.

— Он не наш! Не наш, командир!

— Стреляй! Приказываю! — И Воронцов, сам от себя не ожидая, начал расстреливать кобур пистолета.

Ни разу он ещё не стрелял из своего новенького ТТ.

— Ты что, командир?

— Стреляй! Видишь, борт подставил!

— Почему молчит батарея?

— Делай своё дело!

Карим со своим вторым номером тут же переставил ружьё и повел огонь по танку справа. Бронебойщики остановили его в нескольких десятках метров от четвёртого взвода. Гусеница, отчаянно разбрызгивая снег, начала съезжать с резиновых бандажей дисков. Танк резко развернуло, и в него полетели связки гранат и бутылки с зажигательной смесью. Четвёртый взвод в несколько минут справился с железной машиной, которая ещё мгновение назад казалась неуязвимой. Немецкая пехота тут же рассыпалась в цепь и залегла. Открыла огонь.

— Отсекай пехоту! Отсекай! Стрелять прицельно! — Воронцов сам стрелял из автомата и поменял уже второй диск.

“Максим” рубил длинными очередями. Но немцы продолжали приближаться под прикрытием танка.

— Убери-ка голову, взводный. — Пожилой боец, тот самый, который перед началом огня скручивал “семейную” самокрутку, похлопал Воронцова по плечу. В руках у него была противотанковая граната. Вторая стояла вверх ручкой тут же, в песчаной, обмётанной инеем нише. — Ты ещё молодой. Поживи. А мне, старику...

Воронцов невольно присел, заглянув в глаза бойца. Наступило то мгновение, когда различия в звании и должности перестают иметь какое-либо значение и всё решает дружок.

Танковый курсовой пулемёт стрелял непрерывно. Пехота, прижатая огнём взвода вплотную к стальной машине, начала рассыпаться в цепь. Пехотинцы перебежали вперёд, с колена прицельно вели огонь, снова передвигались вперёд. Танк взревел и увеличил скорость, сразу оторвавшись от пехоты сопровождения.

— Ну вот и сдали твои нервы, — стиснул зубы боец, неподвижным взглядом следя за приближением танка.

И в это мгновение вихрь трассирующих пуль ударил по бровке траншеи. Воронцов и боец упали вниз.

— Живой? А, взводный? — услышал Воронцов голос бойца.

— Бросай гранату! Ну? Чего ждёшь?

— Рано, — спокойно ответил боец, вытягивая шею и отползая в другую сторону. И вдруг закричал: — Ползи туда! Подальше отсюда! Я его буду пропускать!

Воронцов подхватил автомат и на четвереньках пополз вправо. Перелез через труп, лежавший поперёк траншеи, забился в пустую боковую ячейку. Огляделся: почему никого нет? Куда все ушли? И тут же догадался, что все так же, как и он, старались укрыться от танка и отползли подальше от него. Значит, справа и слева от танка образовалась незанятая брешь, в которую вот-вот хлынут немецкие пехотинцы. Он встал, вскинул автомат. Танк уже наваливался на траншею. Пулемёт выплёскивал трассирующую струю куда-то в тыл, в пустоту. Башня с коротким стволом медленно поворачивалась, видимо, уже отыскав цель.

Сейчас остановится на линии траншеи и начнёт добивать его взвод из пушки, мелькнула в голове Воронцова страшная догадка. Но ему уже было не до танка. Немцы накатывали сплошной волной и находились уже в тридцати-сорока шагах от траншеи.

— Огонь! Огонь! Мать вашу!..

И тут с запасной позиции, через их головы ударил левофланговый “максим” третьего взвода. Калюжный! Какой ты молодец, Калюжный! Воронцов оглянулся. Но ничего, кроме трассы, уходящей в сторону бегущих немцев, не увидел.

Диск вскоре закончился. Автомат сразу стал непривычно лёгким. В сумке лежали заряженные. После боя в траншеях он зарядил все диски и сложил их в сумку. В нише ячейки он увидел несколько гранат. Четыре Ф-1 лежали рядком, с запалами. Он бросил пустой автомат, схватил две гранаты, выдернул чеки обеих. Первую швырнул прямо по фронту. Вторую правее. Две других — левее, по следу танка. И тут же начал перезаряжать автомат. Два сильных взрыва качнули воздух и секанули по лицу и рукам снегом и землёй взрывной волны. Значит, старик успел бросить гранаты, догадался Воронцов, но оглянуться туда, где раздался двойной взрыв, чтобы удостовериться в своей догадке, он не успел. Белые каски и расстёгнутые шинели уже мелькали в десяти-пятнадцати шагах от него. Он вскинул автомат и, стараясь удерживать мушку в середине корпуса бегущих, надавил на спусковую скобу и повёл вдоль цепи. Позади, с перелётом, и правее, в самой траншее, разорвались две гранаты. И сразу несколько взрывов вздыбили снег, перемешанный с землёй и кровью, под ногами немецкой цепи. Цепь начала распадаться на отдельные группы. Некоторые из этих разрозненных групп тут же залегли и начали отползать, яростно отстреливаясь. “Максим” Калюжного продолжал рубить отступающих, увеличивая их потери.

Диск, как показалось Воронцову, опустел в одно мгновение. Пока он перезаряжал автомат, немцы вскочили на ноги, подхватили своих раненых и, отстреливаясь, побежали в сторону сарая и гряды ракиит.

— Не ослаблять огня! Не ослаблять! — И он вскинул свой ПППШ и начал прицельно стрелять в спины отступавших.

Вскоре стрельба из автомата стала бесполезной. Потеряв ещё с десятков человек ранеными и убитыми, немцы укрылись за ракиитами и сараем.

— Ну что, товарищ младший лейтенант, кажись, отбились. — Сержант Чинко стоял в соседней ячейке и вставлял в приёмник пулемёта новую ленту. Ствол пулемёта раскалился, и снег под ним стал ноздреватым и грязным. А Воронцову во время боя казалось, что стрелял он один.

Только теперь Воронцов увидел и танк, всюю горевший в тылу, в двадцати шагах от траншеи, и сержанта, возившегося со своим раскалёнными пулемётом, и его группу, и пожилого бойца в расстёгнутой телогрейке. Старик сидел на дне траншеи и курил “семейную” самокрутку. Время от времени он поглядывал на разгоравшийся танк и что-то говорил сам себе и усмехался. Кровь крупными каплями капала из рукава его телогрейки, и он изредка стряхивал её в грязный снег.

— Вы ранены?

— Теперь это не имеет значения. — Раненый снова стряхнул на снег кровь.

— Давайте я вас перевяжу.

Тот начал снимать телогрейку.

Перевязав старика, Воронцов снова сел, опустил усталые руки на колени. Хотелось спать. Но надо было вставать. Действовать дальше. По обстоятельствам. Выяснить, какие потери и чем взвод располагает. Уцелела ли последняя бронбойка Карима и сам Карим? Без противотанковых ружей им тут долго не продержаться. Нужно раздать гранаты. Ещё одна такая атака...

Воронцов встал, вышел в траншею.

Когда стемнело, принесли термосы с горячей кашей. А ещё через час приказ: общая атака дивизии отменяется, роте скрытно отойти на исходные; третий взвод остаётся в прикритии; первый, второй и четвёртый взводы ос-

тавлиют дежурные пулемёты, при них — первый и два вторых номера; порядок отхода: первый взвод, второй взвод, четвёртый взвод; место сосредоточения...

Воронцов отправил в тыл раненых. Убитых выложили на бруствер. В строю оставалось шестнадцать человек.

Зимняя заря гаснет скоро. Уже не осталось и следа малинового заката на морозном горизонте, покрашенном зелёной акварелью. Через несколько минут и зелёное зарево стало выпцветать, переходить в чернильную синь.

Взводы уже снялись и начали отход. Немцы на флангах бросали ракеты, постреливали из пулемётов. Иногда выпускали две-три мины и затихали.

Когда шорох и шевеление в тылу прекратились, и Воронцов понял, что в траншее остались одни они, со стороны НП пришёл связной и передал приказ ротного: сниматься через полчаса и быстро отходить к первой траншее.

Всё повторялось в его жизни. Однажды он уже исполнял подобный приказ. Но тогда он должен был держаться со своей группой гораздо дольше. Теперь — всего полчаса. И теперь у него есть взвод и надёжный союзник — ночь. Да и окопы теперь у них получше. И тылы ближе. И ответственности меньше.

Полчаса тянулись томительно долго. Никто не спал. Воронцов отыскал свою винтовку. Танк прошёл рядом с трупом немца, под которым лежал “маузер”.

— Петрович, я вот что подумал...

— Что?

— Зря мы кашей животы набили.

— Почему? Ты ж ещё утром свой сухпай приел.

— Пуля в живот попадёт... Знаешь, что бывает? Хуже всего.

— Никто не может знать, что будет через минуту. И лучше об этом не думать. А каша есть каша.

Разговаривали в ближней ячейке. Во время отражения танковой атаки здесь сидели бронебойщики. Теперь Карим со своим вторым номером дежурил на левом фланге.

— А спать ты не пробовал?

— Пробовал.

— Не спится?

— Да не в этом дело. Уснуть-то я уснул. Но чуть не обхезался.

— Во сне, что ль? — засмеялся боец.

— Ну да. Немец приснился.

— Немца испугался? Да вон их сколько! Только перед нашим взводом двадцать один труп. Лейтенант сам считал.

— Это ж мёртвые. Мёртвые уже не страшны. А мне живой приснился. Штыком — прямо в живот... Проснулся, а кальсоны мои... Жалко — кальсоны новые. Вот отдежурим здесь, отведут во вторую линию. В баню сходим.

— В баню захотел... Слышь, Хоттабыч, Петрович в баню хочет. С венчиком...

— Я тебе не Хоттабыч, — послышался глуховатый голос старика.

— Извини, Иван Николаич. А тебе, за танк-то, небось медаль дадут?

— Да, Иван Николаич сегодня этим танком и нас спас, и себя искупил...

— Поменьше бы вы языками мотали. — Старик встал, вытянул шею, прислушался. — Вот подползут... Гора вам нетуги...

— Ну что там, Иван Николаич? Не ползёт немец?

— Тихо. Он небось тоже кальсоны свои жалеет. — Иван Николаич засмеялся сильным смешком усталого человека.

— Слышь, Иван Николаич?

— Чего тебе?

— Табачку на сиротскую закруточку не удружишь?

Бойцы замерли, напряжённо ждали реакции старика, видать, известно-го своей прижимистостью.

— Ползи сюда, скрёток, — отозвался старик.

— Правда, что ль?

— Ползи, а то передумаю.

Бойцы завозились. Запахло махоркой. И Воронцов вздохнул и посмотрел на светящийся циферблат трофейных часов. Трофей ему час назад принёс один из бойцов. Подсумок с патронами для “маузера” и часы. Теперь они пригодились. “Командиру без часов нельзя, — сказал боец, видя, что взводный не хочет брать подарок. — Тем более что это ваш трофей. Вы его, товарищ младший лейтенант, сняли. Из винтовки”. И вот он теперь смотрел на часы убитого им немецкого офицера: до начала отхода оставалось пять минут.

И в это время пришёл наблюдатель и доложил, что со стороны сарая ползут немцы, возможно, разведгруппа.

— Что будем делать, товарищ младший лейтенант? Может, пугнуть их из пулемёта?

— Подожди. Если они одни, надо выяснить, что им надо.

Прислушались. Слышался приглушённый скрип мёрзлого снега. Три сильные тени маячили на фоне чёрной дороги.

— Это не разведка. Убитых своих собирают.

Значит, до утра не сунутся, понял Воронцов. Сердце его радостно забилось.

Тело Степана лежало где-то там, в первой траншее, куда они теперь возвращались. Если его уже не вынесли. Если не вынесли, то сейчас надо это сделать самому, решил Воронцов.

Они взвалили на плечи разобранные “максимы” и, уже не прячась, пошли в тыл. Прошли мимо сгоревшего танка. От него ещё веяло жаром. Земля вокруг обтаяла. Пахло горелым металлом. Демьян рассказывал, что когда тела сгорают в танке, от них не остаётся ничего, кроме горстки пепла. Из этого танка не выбрался никто. Ни один люк не открылся.

— Восстановлению не подлежит, — крикнул кто-то довольно. — Вон как его разворочало.

— Снаряды грохнули.

— Кто ж его уделал? Бронебой?

Глава восемнадцатая

Утро уцелевших штрафников застало внизу, под горой, за болотом, которое они накануне, ещё полным своим составом, переползали, с опаской поглядывая на скаты, озаряемые осветительными ракетами.

Воронцов проснулся от того, что вдруг почувствовал страх: ему надо было бросить гранату, а запала, который он положил в другой карман, никак не мог нащупать...

Открыл глаза. Над головой чёрные сосновые брёвна. Железная печь-пудбочка посвечивала дотлевающими углями. Кто-то в углу на нарах задышался и плакал:

— Уйди!.. Уйди!..

После того, что они вчера пережили, хорошие сны не приснятся.

Он отыскал возле печки свои сапоги. Намотал портянки и обулся. Накинул на плечи шинель. Правая пола оказалась разорванной почти до кармана. Жалко, новая шинель, подарок полковника Колчина. Надо будет почистить и зашить, решил он. Воронцов откинул старое армейское одеяло, заиндевшее снизу, толкнул низкую дощатую дверь и сразу оказался в траншее.

Звёзды ещё стояли над землёй. На востоке зеленела заря, снизу подрумяненная розовым сиянием близкого солнца. Немцы на горе уже не пускали ракеты. Пространство наполнялось прозрачно-синим светом утра.

По ходу сообщения из тыла прошла группа бойцов в новеньких камуфляжах. Они вышли в траншею, постояли немного. Старший некоторое время смотрел в бинокль в сторону высоты и заснеженных скатов. Вчера штрафники карабкались по ним вверх, забрасывали гранатами пулемёты.

Сегодня в траншее, идущей по обрезу горы, опять сидят немцы. Через день-другой снова заминировуют склоны и окрестности болота, поправят проволочные заграждения. Возьми их тогда.

Бойцы в белых камуфляжах постояли ещё немного, посовещались и пошли в сторону правого фланга. Навстречу, пропуская вперёд бойцов, шёл старший лейтенант Солодовников.

— Воронцов! — крикнул он издали. — Что? Не спится? Я ж распорядился — сутки отдыхать!

От ротного густо несло вчерашним. Из первой траншеи они уходили вместе. Ротный всё время матерился. А Воронцову было всё равно. Главное, выbralись живыми, не попали в окружение, хотя всё шло к тому, что роту штрафников вот-вот отрежут и додают во второй траншее.

— Рад тебя видеть живым и здоровым, младший лейтенант! — И ротный обнял Воронцова, снова обдавая сивушным перегаром.

— Взаимно, товарищ старший лейтенант. — И Воронцов, освободившись от объятий Солодовникова, козырнул и сдержанно улыбнулся.

— Строгий ты парень, Воронцов. Или на душе что лежит? Давай, расскажи.

— Да нет у меня никаких секретов. Всё в личном деле. Всё, что есть.

Ротный сдержанно засмеялся:

— Я же не особняк. Что ты передо мной... — Старший лейтенант Солодовников махнул рукой. — Пойдём-ка ко мне в землянку. Поговорим.

По ходу сообщения они прошли шагов триста, свернули в сосняк. В землянке было хорошо натоплено. В углу на топчане, сбитом из досок, кто-то спал. Воронцов узнал полшубок младшего политрука Каца. Ни в первой, ни во второй траншее, ни во время отхода он его не видел. И слава богу, подумал Воронцов, в бою лучше с такими не сталкиваться. Послышался глубокий кашель.

— Заболел мой печатник, — сказал ротный и кивнул полевой сумкой в сторону топчана. — Не сходил за своим орденом. — И усмехнулся. — А на тебя я представление написал. Не веришь? Хочешь, прочитаю? Ну, как хочешь. Достоин ордена. Две контратаки отбил. Вперёд грамотно продвигался. А главное, с пулемётами придумал здорово! Не зря тебя батя на заметку взял. У него глаз — алмаз! Он твой орден сразу подпишет. Если в штабе дивизии никакая сволочь не будет в твоём прошлом копаться...

Воронцова словно ударили сзади. Он весь напрягся, вытянулся.

— Ты чего побледнел? — Ротный снял шинель и бросил её на свободный топчан. — Я говорю то, что есть. Ты на меня не обижайся. Я — мужик прямой. Зла ни на кого не держу. Доносов не пишу. Не моя это должность. — И старший лейтенант Солодовников выразительно посмотрел на занятый младшим политруком топчан. — Если что, скажу напрямую. А могу и в морду дать... Ты знаешь, за что мне очередное звание задержали? Вот не знаешь. А батя меня ценит. Вот давай за батю нашего и выпьем.

Воронцов продолжал стоять. Он увидел в углу умывальник, сразу вспомнил, что сутки не умывался. Только снегом, когда вернулись в землянку после похорон Степана. Ротный понял его взгляд и кивнул:

— Умойся. Конечно. Я подожду.

Воронцов быстро сбросил шинель, стащил гимнастёрку. Размотал расшитое полотенце, повесил его на гвоздь. Вода в умывальнике была холодная, но приятная. Он с удовольствием смыл с лица и шеи пот, копоть и присохшую кровь вчерашнего дня, сунул стриженую голову под неторопливую струю. Взял в руки полотенце.

— Подарок? Талисман?

Воронцов кивнул.

— Пишет?

— Она пока ещё не знает моей полевой почты.

— Как не знает?

— Деревню её только-только освободили. Там ещё и почты, может, нет.

— Если освободили, то всё наладится. А ты ей написал?

— Написал.

— Тогда остаётся ждать. Напишет. Тебе, да не написать! Орёл! Хотя, скажу я тебе, женщина — существо причудливое. Никогда не угадаешь, как она поступит в следующую минуту. — Старший лейтенант Солодовников поморщился, вздохнул. — У тебя её фотокарточки нет?

— Нет. Вот только полотенце.

— Красивое полотенце.

— Да, красивое.

Воронцов так же быстро оделся. Полотенце аккуратно свернул и сунул за пазуху.

— Андрей Ильич, я хотел бы в представлении особо отметить действия сержанта Чинко, рядового Грибченкова, пулемётчика Каложного и сержанта... Фамилию сейчас скажу. — И Воронцов, вдруг спохватившись, что фамилию Карима он так и не запомнил, начал растёгивать полевую сумку. Там лежал список взвода.

— Сержант Чинко? Разведгруппа?

— Так точно. Грибченков Иван Николаич танк подбил. Двумя гранатами.

— Я всё видел. Пиши.

— А Карим храбро дрался. Это он сбил гусеницу с танка, который на четвёртый взвод шёл.

Ротный налил себе побольше. Сказал, пряча под стол бутылку:

— Ты ещё молодой. Да и построение через час. Батя приедет. Перья нам поправлять будет. — И ротный сделал выразительный жест.

— За что?

— За что... Дорогу-то мы так и не перехватили. До шоссе даже не дошли. Дальше оно было. Там, за тем сараем — метров триста. Ты его даже в бинокль не разглядел.

— Ясно. Именно оттуда танки пришли.

— Конечно. И неизвестно ещё, сколько у них там ещё танков имеется. Это мы только приблизились к осиному гнезду. — Старший лейтенант Солодовников вдруг задумался, будто прислушиваясь к себе, и сказал: — Знаешь, я ещё немного себе налью. Тебе не буду. Не обижайся. Ты лучше поешь, поешь как следует. Тут тебя, кроме меня да старшины, никто не угостит. А пить — не надо. Батя унюхает — беда будет. С меня-то уже ничего не поимеешь. Дальше штрафной не сошлём. — И ротный покосился на соседний топчан, на котором кашлял замполит. — А тебе может орден отменить. Понял?

— После того, как мы взяли вторую траншею, должны были подойти соседние батальоны, занять нашу траншею, распереть фланги и мы — опять вперёд, до шоссе. Но батальоны, как видишь, на скатах провалились. И батя нашу атаку отменил. Ему в штабе дивизии, я думаю, перья уже поправили. Так что нам с тобой свои реляции в штаб полка надо подавать не раньше чем через двое-трое суток. Понял?

Ротный вышел, закурил бутербродом с тушённой. И сказал:

— Пойдём-ка, я тебе кое-что покажу.

Вышли из землянки. Выпитое на старшего лейтенанта Солодовникова, казалось, совершенно не подействовало.

— Не хочу при нём говорить... И тебя хочу предупредить: при нём — ничего лишнего. Скользкий тип. Орден хочет получить. Но как, не знает. Думает, что я на него представление напишу. Просто так. До кучи. А я ему однажды возьму и скажи: возглавь, говорю, Семён Моисеич, атаку роты, я — на одном фланге, а ты, говорю, — на другом. Поднимем орлов и пойдём. Вот тогда, после боя, я на тебя реляцию и напишу. Обиделся. Ладно, ну его... Завтра-послезавтра пополнение поступит. А там, глядишь, опять на горочку ту попрём! Теперь уже до самого шоссе. Посмотрим, что у них там за осиное гнездо. Действительно ли сильный резерв держат. Или блефуют. — И ротный кивнул на гряду высот, уже окутанных утренней розовой дымкой. — Только отсюда уже нельзя...

И Воронцов понял, что их ближайшая судьба уже решена. Вот почему по передовой ходит разведка. Завтра-послезавтра оперативный отдел штаба полка определит новое место прорыва, и рота, пополненная новыми штрафниками и лейтенантами постоянного состава, снова пойдёт вперёд.

— Остатки роты я решил свести в один взвод. Восемьдесят два человека. Без лейтенантов. Этот взвод будет первым. И тебя, Воронцов, назначаю командиром первого взвода.

— А что с лейтенантом Могилевским?

— Убит. — Ротный закурил. — Зря я его ругал. Он из студентов. Человек не военный. Во второй траншее, во время рукопашной... Надо было мне его в замполиты роты перевести. И живой бы остался, и толк бы был, и мне легче.

Старший лейтенант Солодовников говорил ещё что-то. Но Воронцов слышал его как будто сквозь туман. То ли вдруг подействовало выпитое, то ли нахлынули мысли о потерянных на высоте товарищах, о Степане, о том, что в полевой сумке лежит письмо его мамы с обратным адресом и что ему предстоит написать ей о том, как погиб её сын и о том, где он его похоронил.

Сквозь обмётанные пушистым инеем ветви молодых сосен уже просачивалось позднее декабрьское солнце, золотило скаты высот. Он сунул руку за пазуху, потрогал край полотенца. Оно было ещё влажным, как пальцы Зинаиды...

Он расчехлил бинокль и посмотрел туда: немцы деловито, как муравьи, уже сновали по траншее, выбрасывали на бруствер землю, расчищали завалы, приводили в порядок свою оборону.

Через несколько дней, где-то здесь, уже с новым составом штрафников, они всё начнут сначала.

До конца войны оставалось ещё два с половиной года.

Никто из них не знал ни этих сроков, ни своей судьбы.